

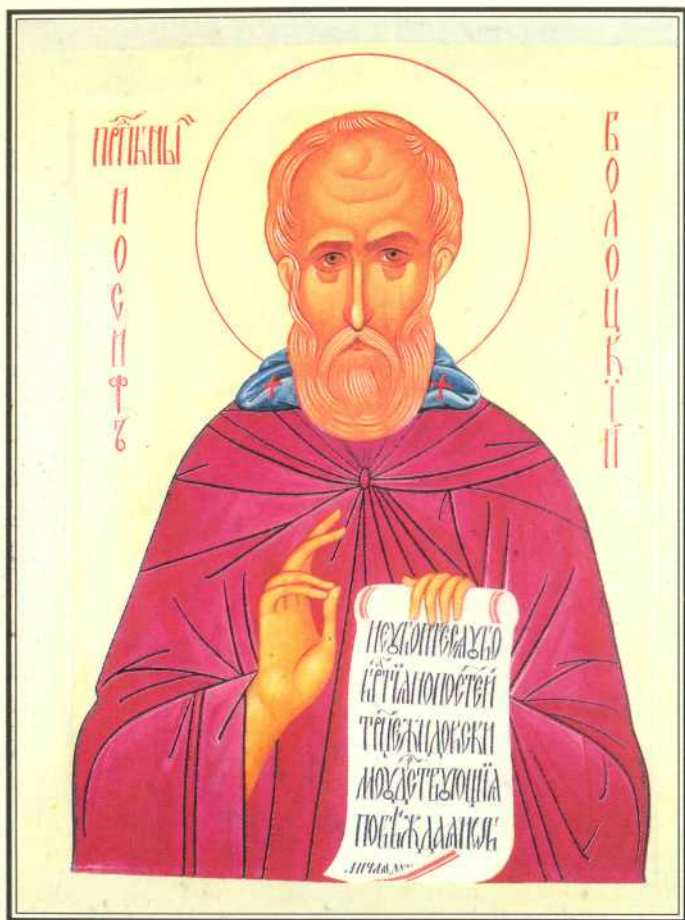

В.В.КОЖИНОВ
В.М.КИРИЛЛИН

**ОБЛИЧИТЕЛЬ
ЕРЕСЕЙ
НЕПОСТЫДНЫЙ**

ФОНД ИМЕНИ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Преподобный Нисиф Волоцкий.

Икона работы Станислава Бурлакова. 1998 г.

Обличитель ересей непостыдный

1. В. В. Кожин. Прп. Иосиф Волоцкий и его время. Новое в истории ереси жидовствующих. Правда об "носифлянах" и "нестяжателях".
2. В.М. Кириллин. "Сказание на Новгородские еретеки". Древнерусский текст и новый русский перевод.

Блжени ѡлчѹщїи ѡ жаждѹщїи правды: Ѓкѡ тїи насзытатса.

Кириллин Владимир Михайлович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, преподаватель Московской Духовной Академии и Семинарии, автор около 50 научных работ по истории древнерусской литературы и книжности, а также монографического труда «Символика чисел в литературе Древней Руси XI-XVI веков», который в ближайшее время будет опубликован в издательстве «Алетейя» в Санкт-Петербурге.

Кожин Вадим Валерианович также кандидат филологических наук и ведущий научный сотрудник того же института известный русским писатель, публицист и историк. Первая его книга "Виды искусства" вышла ещё в 1960 году. Всесоюзная известность имели "Происхождение романа" и "Ф.И.Тютчев". Всего им опубликовано более 20 книг и 500 статей. А в 1999 г. вышла новая его книга "Россия. Век XX". Недавно ему присвоено звание почётного выпускника МГУ им М.В.Ломоносова.

Рецензент член Союза писателей России В.Н. Сергеев.
Обложка О.В. Рыжко.

© Региональный общественный фонд

помощи православным храмам

«Во имя преподобного Иосифа Волоцкого»

принимает пожертвования.

Наши реквизиты в банке «Российский кредит»:

Р/с № 40403810400000000339

Кор/сч. № 30101810500000000057

БИК 044583057

Москва, ул. Тверская, д. 22

Подготовленная к изданию рукопись состоит из двух взаимосвязанных частей, подготовленных двумя авторами. Первая часть – биографический очерк В.В.Кожина, посвященный жизни и церковной деятельности преподобного Иосифа Волоцкого. Вторая – предварённая вступительной статьёй В.М.Кириллина публикация "Сказания на Новгородские еретики" Иосифа Волоцкого с параллельным переводом на современный русский язык и подробным комментарием.

В.В.Кожин в своих журнальных и книжных публикациях в научно - публицистическом жанре уже несколько лет ведёт неустанную борьбу за исторически объективное, церковное по существу понимание духовного облика преподобного Иосифа Волоцкого, за освобождение его от наростов недомыслия либерально – позитивистской науки прошлого и псевдо – академических антиправославных фальсификаций уже в наши дни.

Эту яркую и плодотворную деятельность автора можно без всякого преувеличения назвать научным и гражданским подвигом историка духовной культуры России.

Другой автор – В.В.Кириллин – широко известен как серьёзный и авторитетный специалист в области древнерусской литературы и тончайший её текстолог.

Историческая достоверность, подлинная церковность, основательная научность и, одновременно, ясность и прозрачность изложения – несомненные достоинства предлагаемой книги, в которой современному читателю представляется нечастая возможность непосредственно услышать живой голос самого преподобного Иосифа в одном из важнейших сочинений, направленных против ереси "жидовски мудрствующих" – в подлиннике и в прекрасном переводе. Особенно хочется отметить качество и уровень комментариев к "Сказанию на новгородские еретики". Можно смело утверждать, что ни одно сочинение

этого Святого не комментировалось нигде и никогда с таким богатством привлечённого материала, редкой его широтой – от библейских и святоотеческих источников до византийских, западно – европейских и иудаистских, что делает сами эти комментарии научно – уникальным и одновременно увлекательным чтением.

Однако следует уточнить несколько положений этой высокого качества работы, стараясь, говоря словами великого русского агиографа Святителя Димитрия Ростовского, "о еже не солгати нам на святого".

При сравнении житий препп. Сергия и Иосифа, соглашаясь с отмеченным автором удивительным сходством, стоит помнить и о существенных отличиях. Например, преп. Иосифу никто не предлагал ни епископской, ни митрополичьей кафедры, а брат его Вассиан Санин получил Ростовскую кафедру после настоятельства в московском Симонове монастыре, бывшем наряду с Чудовым, "кузницей архиерейских кадров" того времени. Из Симонова путь был или в могилу, или под омофор (см. П.Строева "Списки иерархов...")

Разделяя пафос В.В.Кожина в перечислении заслуг учёных советского периода в деле фактического исследования эпохи преподобного Иосифа Волоцкого, а также общую оценку того, как писали о том же (далеко не все) в эмиграции, нельзя не высказать некоторых соображений. Во – первых, как пишет и сам автор, наиболее методологически зрелую оценку Преподобного уже в 50-х годах, когда большинство из перечисленных "подсоветских" исследователей еще были в колыбели, дал в своей "Истории Русской Церкви" А.В.Карташев, позиция которого ещё до эмиграции и в составе Временного правительства, и на Поместном соборе 1917-1918 годов вызывает глубочайшее уважение зрелостью своей и церковностью. Не стоит и противопоставлять тяжеловесам советской науки (кстати, где они были в 1949г.?) бредовый труд зарубежного любителя – графомана Петра Иванова (юриста по профессии) "Тайна святых. Введение в Апокалипсис", который был в эмиграции просто

высмеян, а его тираж продавали ещё сорок лет спустя в Москве. Было бы корректней сравнить взгляды П.Иванова с пропагандистскими статьями советских атеистов того времени – очень похоже по безграмотности.

Как уже отмечалось, академичность и взвешенность, плюралистическое рассмотрение различных, в том числе, противоположных взглядов и концепций в комментариях – несомненное достоинство работы. Правда, "академический плюрализм" подчас делает содержание несколько размытым, с точки зрения церковной как бы нейтральным. Собственно принципиальные возражения вызывает лишь одно место, где, по существу, быть может, сам того не замечая, В.М.Кириллин делает упрёк в адрес преп. Иосифа (прим. 30) и тем самым как бы защищает еретиков.

Жалко, что не использованы работы прот. Александра Салтыкова "О значении Ареопагитик в древнерусском искусстве. К изучению "Троицы" Андрея Рублёва" в Сб.: Древнерусское искусство XV – XVII веков". М.1981, с. 6-23.

Тем не менее издатели, не будучи чужды идее плюрализма, конечно, в рамках православной церковности, оставляют за авторами право на собственные суждения, а от читателей будут рады услышать мнение о настоящей книге.

В. Сергеев

Наш адрес:

123367, Москва, ул. Габричевского, д.6, корп.1; кв.17. Дикову Б.Е.

e-mail: elhram@chat.ru

Преподобный Иосиф Волоцкий и его время

Сочинение Вадима Кожинова

Общеизвестно сочетание слов, несущее в себе проникновенный смысл (пусть не сразу всецело ясный) и покоряющую красоту - СВЯТАЯ РУСЬ...

Это словосочетание, разумеется, вовсе не имеет в виду, что в жизни нашей страны господствуют или хотя бы преобладают духовная высота и праведность; оно обозначает глубокую - редко предстающую с очевидностью - основу многовекового исторического бытия, основу, которая, в конечном счете, спасала Россию в годы тяжелейших бед и роковых испытаний. Согласно народному изречению, даже и *село не стоит без праведника*. И уж, несомненно, не устояла бы без своей - чаще всего невидимой - святости огромная страна с труднейшей исторической судьбой.

Надеюсь, не будет неуместным краткое обращение к новейшей истории Отечества. 27 апреля 1970 года, в канун 25-летия Победы в Великой Отечественной войне, главнейший герой этой войны, маршал Г.К. Жуков отвечал на вопрос журналиста:

“- Какие из человеческих чувств, по-вашему, сильнее всего пробудила в людях война?

- Особо я сказал бы об очень обострившемся во время войны чувстве любви к отечеству. Это чувство, естественное для каждого человека, глубокими корнями уходит в историю... И, вполне понятно, в суровый час мы вспомнили все, чем Родина наша законно может гордиться.”

Георгий Константинович, родившийся в 1896 году, вырос в истинно православной семье; по воспоминаниям его родственников известно, что в юные годы он постоянно посещал Московский Успенский собор, о котором преподобный Иосиф Волоцкий писал в свое время, как о “велицей церкви, сияющей посреди всея Руския земля”. После 1917 года

будущий маршал вместе со всей страной пережил трагическую богоборческую эпоху, но роковая война 1941-1945 годов, по его приведённому признанию, побудила его - как и "каждого человека" - "вспомнить все", что "глубокими корнями уходит в историю", и в этой же беседе он сказал: "Для нашей Родины всегда будет святым день 9 мая".

То есть понятие о "святом" жило в его сознании, и, рассказывая в другой раз о Параде Победы, маршал Жуков не мог не упомянуть следующее: "Грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии "Славься!" Глинки/1/, - мелодии, конечно же, воистину православной... И вполне естественно, что любимая дочь маршала, Мария Георгиевна, стала и верной дочерью православной Церкви, не мыслящей себя вне Святой Руси...

Об этом следовало сказать, дабы было ясно: несмотря на все "богоборческие" призывы и интенсивнейшую "антирелигиозную" пропаганду после 1917 года, Святая Русь - пусть и подспудно, "невидимо" - существовала всегда. А теперь обратимся к далеким временам.

Давно осознано, что периодом полного и особенно широкого проявления русской святости была эпоха середины XIV - середины XVI века; кстати сказать, само словосочетание "Святая Русь" иногда употребляют именно по отношению к бытию страны в эту двухсотлетнюю эпоху, в течение которой Русь превратилась из составной части Монгольской империи, одного из "улусов" Золотой Орды, в великую державу, имевшую основания называться высоким наименованием Третий Рим...*

* Об этом речь пойдет в конце моего сочинения

Внимательно вглядываясь в ход отечественной истории с середины XIV до середины XVI века, мы всецело убеждаемся, что свершившееся тогда поистине поражающее "превращение" было бы абсолютно невозможным, немыслимым без подвижнической деятельности целого сонма обладавших высшей духовной энергией людей во главе с величайшим из них - преподобным Сергием Радонежским, который именно в середине XIV века стал игуменом основанного им Троицкого монастыря - признанного "главы" русских монастырей. В продолжение этой эпохи на всем тогдашнем пространстве Руси - вплоть до расположенных почти у Северного полярного круга Соловецких островов - было создано более 200 монастырей, излучавших и сеявших окрест себя духовность, праведность, благочестие, культуру (воплощавшуюся в самом их зодческом облике и в иконописи, в церковном песнопении и словесности).

Многие и многие основатели и подвижники этих монастырей - среди них очень весомое место занимали непосредственные соратники, ученики и, далее, ученики учеников преподобного Сергия - причислены к лику святых, причем, в этом выражались нередко не только воля церковной иерархии, но и сложившееся в самой жизни народное мнение.

Одним из таких людей и был преподобный Иосиф Волоцкий. И, не умаляя достоинства многих других праведников и подвижников той эпохи, все же вполне уместно сразу вслед за именем преподобного Сергия Радонежского поставить имя преподобного Иосифа Волоцкого, которому посвящено это сочинение, - хотя такое "решение" в новейшее время, в XIX-XX веках, не раз оспаривалось - о чем речь впереди.

Преподобный Иосиф родился почти через полвека после кончины преподобного Сергия, но как бы обрел живую связь с ним, избрав своим наставником преподобного Пафнутия Боровского, который воспринял духовное наследие Сергия от его непосредственного ученика по имени Никита, ставшего старцем Высоцкого монастыря в городе Боровск.

В трех верстах от этого города, в селе Кудинове, родился в 1394 году (то есть через два года после Сергиевой кончины) Парфений, в монашестве принявший имя Пафнутий и основавшем впоследствии около Боровска новый монастырь. Этот наставник преподобного Иосифа Волоцкого сам являл собой одного из достойнейших подвижников той эпохи, хранившего в своей духовной памяти Сергиевы заветы, которые в полной мере воспринял от него молодой Иосиф.

Вот выразительный ряд фактов. Преподобный Сергей вырос, как известно, в селении Радонеж, всего в трех верстах от которого находился Хотьковский Покровский монастырь. В этом монастыре были погребены родители Сергия, а его старший брат Стефан стал его иноком. Казалось бы, Сергей - тогда еще юноша, носивший мирское имя Варфоломей, - решив уйти в монастырь, должен был оказаться именно в Покровском, куда и звал его настойчиво старший брат. Но преподобный уговорил Стефана основать новый монастырь, для чего братья, как сказано в Сергиевом житии, "обходиста по лесом многа места и последи (наконец) приидоша на едино место пустыни, в чащах леса"/2/. Тем самым преподобный возжег в лесной "пустыни" новый светильник на Руси, который дал позднее великий свет Троице-Сергиевой лавры.

Путь преподобного Иосифа поначалу был иным: он пробыл немало лет в созданном преподобным Пафнутием монастыре, а после кончины преподобного сам стал игуменом. Однако в 1479 году он, как сообщается в "Волоколамском патерике", "отъиде в лес града Волока Ламска и вселися в пустыню..."/3/. Этот неожиданный поступок (оставить уже высоко прославленный монастырь, где Иосиф к тому же был игуменом, и как бы начать все с начала!) объясняют различными обстоятельствами, но есть достаточные основания полагать, что главной причиной было все же стремление следовать по пути преподобного Сергия и создать именно в лесной пустыни новый монастырь, который уже при жизни Иосифа стал исключительно ценным на Руси источником духовного света.

Стоит также отметить, что преподобный Сергей, хотя и создал свой монастырь в лесной пустыни, но все же, в отличие от многих других основателей монастырей, недалеко (в 15 верстах) от Радонежа, где прошли его отрочество и ранняя юность. Последовал Сергию и Иосиф, когда решил создать новый монастырь: избранная им лесная пустынь находилась поблизости (в 12 верстах) от его родного селения Язвище.

Многозначительно и другое "совпадение" в судьбах преподобных Сергия и Иосифа. Упомянутый родной брат первого из них, Стефан, не выдержал тягот жизни в создаваемом в лесной пустыни Троицком монастыре и вскоре ушел в Москву, где сумел достичь очень высокого положения - стал духовником самого великого князя Семена Гордого. Между тем преподобный Сергей позднее отказался принять даже настоятельно предлагавшийся ему сан Митрополита Всея Руси и до конца жизни пребывал в своей Троице.

То же мы видим в судьбе преподобного Иосифа: его брат Вассиан еще при его жизни принял сан архиепископа Ростовского (третий по значению в тогдашней церковной иерархии), между тем нет ровно никаких сведений о намерениях Волоцкого игумена ради высокого положения оставить свой монастырь, в котором он пребывал в течении тридцати пяти лет, вплоть до самой своей кончины. И, конечно же, служение преподобных Сергия и Иосифа в их лесных обителях имело неоценимое, ни с чем не сравнимое значение и для духовного, и для целостного исторического бытия страны; именно в таких обителях творилась Святая Русь во всем ее существо. Вполне закономерно, например, что именно преподобный Сергей был вдохновителем величайшего, чтимого во всем мире иконописца Андрея Рублева; в свою очередь, с преподобным Иосифом нераздельно связан второй гениальный русский иконописец - Дионисий.

Наконец, и Сергей, и Иосиф сыграли исключительно важную роль в преодолении тяжелейших испытаний, выпавших на долю Руси в их

времена: первый - в победе над полчищами Мамаю (притом, это было не только воинским, но и *духовным* сражением, о чем подробно говорится в моем сочинении "Истинный смысл и значение Куликовской битвы"*), а второй - в борьбе и победе над тем, по его слову, "отступничеством" от Христа, которое вошло в историю под названием "ересь жидовствующих" (то, что Иосифово противостояние этой "ереси" было именно тяжелейшим сражением и подвигом, будет показано в дальнейшем). Эти "соответствия" судеб и деяний Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого в высшей степени многозначительны; трудно указать других последователей создателя Троицкого монастыря, чьи жития столь же подобны его житию. Сообщить об этом было далеко не лишним, помимо прочего, и потому, что многие авторы новейшего времени пытались как раз резко противопоставлять преподобных Сергия и Иосифа, который якобы "разрушал традиции преподобного Сергия"/4/.

Насколько это не соответствует действительности, неоспоримо свидетельствует тщательно изученный в наше время состав библиотеки, созданной в Иосифовом монастыре в XV-XVI веках: в более чем четверти ее книг прославляется преподобный Сергий Радонежский!/5/. Кстати сказать, еще более резко противопоставляли Иосифа Волоцкого его наиболее высоко чтимому современнику - преподобному Нилу Сорскому. Но об этом речь пойдет далее. Обратимся к самой личности преподобного Иосифа.

* Опубликовано в журнале "Наш современник" (1997, №3, 4), а также вошло в мои изданные в том же 1997 году книги "История Руси и русского Слова. Современный взгляд" и "Судьба России: вчера, сегодня, завтра".

Он родился 12 ноября 1439 года/6/ в селе Язвище вблизи города Волоколамск. До принятия монашеского имени Иосиф его звали Иван Иванович Санин.

В семилетнем возрасте Иван был отдан в учение старцу Волоколамского Крестовоздвиженского монастыря Арсению Леженке и, проявив редкостные способности, быстро и в совершенстве овладел чтением, письмом, риторикой (то есть умением строить свою речь по законам логики и красоты), а затем и началами богословия.

К восемнадцати годам он решает всецело посвятить себя служению Православию и отправляется в Саввин Тверской монастырь к именитому старцу Варсонофию Неумою.

Однако общий строй жизни в этом монастыре не пришелся по душе Ивану Санину и вскоре он, по совету Варсонофия, ушел отсюда на двести верст к югу, в Боровск, - в монастырь преподобного Пафнутия, бывшего, как уже сказано, учеником непосредственного ученика Сергия Радонежского - старца Никиты. Здесь Иван Санин 13 февраля 1460 года принял монашество под именем Иосифа.

В монастыре Иосиф, помимо истового богослужения, занимался тяжелым физическим трудом - и, кстати сказать, продолжал это, будучи игуменом Боровского и, позднее, Волоколамского монастырей. Благодаря высоким достоинствам и выдающейся просвещенности Иосиф стал ближайшим доверенным лицом игумена Пафнутия, а после его кончины (1 мая 1478 года) по праву занял его место. Но в 1479 году Иосиф, как уже сказано, покидает Боровский монастырь. В целом ряде сочинений этот поступок Иосифа объясняют исключительно его конфликтом (далеко не последним) с великим князем Иваном III, который ущемлял интересы монастыря, - о чем с горечью писал и сам Иосиф.

И уход его под Волоколамск стремятся целиком объяснить тем, что Иосиф оказался там как бы в ином государственном образовании -

Волоцком княжестве, где правил брат Ивана III Борис Васильевич, отстаивавший свою "суверенность" - независимость от Москвы.

Нельзя отрицать, что это было одной из причин поступка Иосифа, но все же *главной* целью было, очевидно, создание *нового* монастыря. Это явствует из того факта, что, прежде чем уйти из Боровска под Волоколамск, Иосиф в течение долгого времени посещал различные монастыри, дабы познакомиться с их устройством. Так, он странствовал в продолжение около года с близким ему старцем Боровского монастыря Герасимом, выдавая себя за его ученика и выполняя в посещаемых им монастырях "черные работы". Дело в том, что если бы Иосиф являлся в другие монастыри как игумен одной из известнейших обителей, его принимали бы в них "официально", и он не смог бы познать их бытие во всех его - в том числе и не "лучших"... - проявлениях. Наиболее благоприятное (или даже единственно благоприятное) впечатление произвел на Иосифа Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в 1397 году близким сподвижником Сергия Радонежского преподобным Кириллом.

Эти странствия преподобного Иосифа были бы непонятны, если бы смысл его ухода из Боровского монастыря целиком заключался в том, чтобы оказаться во владениях волоцкого князя, а не Ивана III, который к тому же вовсе не желал отстранения Иосифа от игуменства в Боровском монастыре и, после его "исчезновения", объявил боровским монахам: "Нет вам игумена опричь Иосифа", и распорядился о розыске "беглеца"/7/. Иосифовы странствия явно свидетельствуют, как представляется, что главная и истинная его цель заключалась именно в создании нового - и, разумеется, совершенного - монастыря, а выбор "пустыни" недалеко от Волоколамска, не принадлежавшего тогда к Великому княжеству Московскому, был обусловлен, надо думать, не столько желанием уйти из-под власти Ивана III, сколько стремлением вернуться в свой родной край. В житии преподобного Иосифа говорится,

что он избрал место для нового монастыря, "зная пустыню лесну зело, сушу близ достояния отец его"/8/.

1 июня 1479 года Иосиф прибыл в Волоколамскую землю, 6 июня началось строительство первой монастырской церкви - пока деревянной - Успенья Богоматери, и уже 15 августа она была освящена. Позднее, в июне 1484 года, начала воздвигаться каменная церковь (освящена в декабре 1485-го), и ее фрески и иконы создал великий Дионисий, с которым Иосиф тесно сблизился еще в Боровском монастыре.

В Иосифовом монастыре воцарился строгий, даже суровый устав. Монахи не могли иметь никакой личной собственности и, помимо длительных богослужений, были обязаны заниматься разнообразным физическим трудом, - от чего не уклонялся и сам игумен.

"На трапезе... ястие же и питие всем равно, яково пред игуменом тако и пред всеми братьями"/9/, - сообщает "Волоколамский патерик". Было обязательно и самое простое единое для всех одеяние. Никто не мог без разрешения отлучаться из монастыря и т.п. И в этом заключалась глубокая истина: люди, всецело посвятившие свою жизнь служению Богу, должны отречься от всех земных желаний и интересов. Монастырь был подлинной Христовой общиной, действительным братством во Христе, воплощением реального устремления к святости. И ощущаемая людьми близость монастыря к Богу приводила к тому, что, несмотря на всю суровость устава, в Иосифову обитель нередко переходили монахи из имевших менее строгие порядки обителей, вызывая даже ревнивое недовольство иных церковных деятелей...

Высочайшая духовность Иосифова монастыря влекла к нему множество богатых людей, вносивших в его казну крупные вклады, и благодаря наличию больших денежных и иных средств Иосифов монастырь мог заниматься самой широкой благотворительностью, подкрепляя свое духовное воздействие на окрестное население

“практической” заботой о нем, - прежде всего о нищих, немощных, пострадавших от неурожая.

Стремившийся к полной объективности историк А.А.Зимин, тщательно изучив эту, как сказали бы теперь, “социальную” роль Иосифова монастыря, писал: “С самого начала своего пребывания в Волоцком княжестве он (Иосиф. - В.К.) организует кредит обнищавшим крестьянам. Значительные средства монастыря тратились на прокормление нищих... на трапезе собиралось до 600-700 человек, а в праздники было и того больше. Незадолго перед смертью Иосифа.. был сильный голод...

В монастырь стекалось ежедневно по 400-500 человек голодающих. По приказу Иосифа были розданы все монастырские хлебные запасы, а деньги истрачены на покупку зерна - монастырь даже вынужден был занимать деньги у соседей...”

Помимо того, преподобный Иосиф с успехом воздействовал на тех, кто обладали богатством и властью: “Когда до Иосифа, - писал А.А.Зимин, - дошли слухи о тяжелом положении холопов и крестьян у одного вельможи, то он ему отправил послание, в котором проводилась мысль о “миловании” рабов. Эта же мысль развивалась и в ряде других посланий. Обосновывал он ее ссылками на Священное Писание: “понеже вси есмь создани рукою Божию, и вси плоть едина... и вси в руке Господни: его же хочет обнищивает и его же хочет обогатит”. И “на Страшном Судищи Христове несть раб ни же свободна, но каждо по своим делом примет...” Когда в 1512 г. в Дмитрове был голод, Иосиф обратился к князю Юрию Ивановичу (сыну Ивана III. - В.К.) с посланием, в котором просил... установить твердую цену на хлеб... Такого характера деятельность волоцкого игумена, конечно, оказывала влияние на положение крестьянства у соседей и вотчинников. Последние вынуждены были улучшать условия их жизни, ибо в противном случае у крестьян оставалась всегда возможность бежать под защиту монастыря”/10/.

Я сознательно привел суждения из изданного в Москве в 1977 году исследования А.А.Зими́на - историка не только "светского", но и советского, который ни в коей мере не имел задачи "идеализировать" деятельность преподобного Иосифа, а только тщательно изучал достоверные исторические факты.

Но истинное существо дела заключалось, конечно, не просто в том, что Иосиф Волоцкий заботился о "материальном положении" крестьян и холопов; эта забота была только одним из естественных проявлений целостной деятельности его монастыря, воплощавшего в себе дух Православия, являвшего собой как бы предметный образ Царства Божия на грешной земле, - что вполне "наглядно" представало в имевшихся в монастыре творениях великого иконописца Дионисия (их там было в начале XVI века около девяноста...)

И, настаивая на улучшении положения крестьян и холопов, преподобный Иосиф, как мы видели, исходил из того, что все люди - Божьи создания, и для последнего Суда нет ни рабов, ни их "свободных" господ. То есть его, как выразились бы теперь, "социальная программа" являлась одной из неотъемлемых составных частей монастырского служения. Сравнительно быстро Иосифов монастырь обрел на Руси самую широкую известность и признание - как одно из наиболее достойных и в то же время наиболее полнокровных воплощений православного бытия, сознания, творчества.

Помимо всего прочего, преподобный Иосиф стал виднейшим православным мыслителем и писателем; закономерно, что в его дошедших до нас изображениях, он предстает пишущим. Наиболее раннее из известных нам сочинений преподобного Иосифа он написал еще тогда, когда был иноком Пафнутьева Боровского монастыря. Это "Послание о Троице" архимандриту (так тогда звался наиболее чтимый из игуменов какой-либо епархии) Тверского Отроча монастыря Вассиану, который с 1477 года стал епископом Тверским. То есть "Послание"

написано не позднее 1477 года, и по прямой просьбе архимандрита (оно начинается словами: "Что, господине, меня... пытаешь о таинстве Святыя Троицы..." /11/)

Обращение архимандрита (к тому же вскоре ставшего епископом) к иноку Боровского монастыря Иосифу с просьбой объяснить глубочайший смысл Святой Троицы свидетельствует, что, еще будучи иноком, преподобный обладал высоким богословским авторитетом.

Стоит напомнить так же, что монастырь во имя *Троицы* создал преподобный Сергей, и, значит, это раннее сочинение преподобного Иосифа, опять-таки связывает его с величайшим русским святым. Некоторые современные авторы пытаются доказать, что якобы уже в этом послании Иосиф начинает борьбу с так называемой "ересью жидовствующих", - поскольку в одной (только в одной) его фразе упомянуты (кстати, в одном ряду с "глупыми") и "еретики", которые "не хотяща бо видеть, ни слышати Отца и Духа Святаго, равна Отцу и Сыну" /12/.

Однако различного рода еретики "отрицали" Троицу с древнейших времен, и нет никаких оснований считать данное Иосифово послание связанным именно с "ересью жидовствующих" (хотя эта ересь, конечно, так же "отрицала" Святую Троицу). Против этой конкретной "ереси" преподобный Иосиф начал борьбу позднее, в конце 1480-х годов, когда она стала играть очень значительную роль в высших сферах и государственной, и церковной власти Руси. К этому мы теперь и обратимся.

Как уже сказано, с середины XIV до середины XVI века Русь переживает эпоху невиданного роста и многообразного расцвета. В частности, в 1480 году она окончательно освобождается от зависимости от Орды, но следует знать, что, благодаря резкому ослаблению последней,

зависимость от нее имела уже скорее формальный, чем фактический характер с самого начала великого княжения Ивана III (1462 год).

Одним из очень существенных последствий обретения Русью "суверенности" явилось ее широкое общение с окружающим миром - и с Западом, и с Востоком; ранее "внешняя политика" во многом была, так сказать, прерогативой правителей Золотой Орды, которым подчинялись русские князья. Но по мере ослабления ордынской власти - еще до 1480 года - складываются, например, тесные взаимоотношения Руси с самой "высокоразвитой" тогда страной - Италией, и в Москву в 1475 году приглашается выдающийся итальянский инженер Аристотель Фьораванти, под руководством которого в Кремле строится новое здание Успенского собора, существующее и сегодня.

Между прочим, некоторых людей как бы задевает тот факт, что великолепное творение московского зодчества строил иностранец.. Но, во-первых, Италия в то время вырвалась далеко вперед в сфере науки и техники, и итальянских мастеров приглашали для работ вовсе не только на Русь, но и в основные страны Западной Европы, а, во-вторых, для усвоения характера собственно русского зодчества Фьораванти для начала был отправлен во Владимир, где изучал архитектурное своеобразие тамошнего Успенского собора, чудесного храма Покрова-на-Нерли и т.п., и построенный им в Москве Успенский собор был выдержан в основных канонах русского зодчества. Между прочим, преподобный Иосиф Волоцкий писал об этом соборе, что его "достоит нарещи земное небо, сияющу яко великое солнце посреде Рускыя земля"/13/.

Словом, установившиеся во второй половине XV века деятельные и многообразные взаимосвязи Руси с "внешним" миром были в тех или иных отношениях и естественны, и плодотворны. Но, как говорится, все имеет свою оборотную сторону, что в особенности уместно сказать о русских людях, в высшей степени склонных ко всякого рода "крайностям". Вообще-то это качество может дать и "отрицательные" и

“положительные” последствия, и русский “экстремизм” (если воспользоваться современным термином) являет собой национальное своеобразие, а не заведомо “отрицательную” черту.

Но одно из проявлений этого “экстремизма”, которое не раз имело место в нашей истории, всегда наносило тяжкий ущерб стране. Речь идет о таких периодах истории Руси-России, когда ради пришедших *извне* “новаций” предпринимался “экстремистский” отказ от веками складывавшихся устоев бытия и сознания, - отказ, который не мог привести ни к чему, кроме разрушений, и только последующий нелегкий, подчас мучительный возврат на *собственный путь* спасал страну...

Незадолго до того, как в Москву прибыл упомянутый итальянец Фьораванти, в 1470 году, в Новгород заявился другой человек, который также имел в конечном счете итальянское происхождение: его дед Симоне де Гизольфи был знатным и богатым генуэзцем, занимавшимся крупной, как сказали бы теперь, “коммерческой деятельностью” на Таманском полуострове между Черным и Азовским морями. Здесь тогда существовало княжество, основным населением которого были черкесы (или, иначе, зихи), и Гизольфи устроил брак своего сына Винченцо с черкесской княжной. А сын последнего, полуйтальянец-получеркес, стал князем Таманским. Это был, как ясно из фактов, человек огромной энергии и обширнейших познаний, имевший самые широкие международные связи и в Европе, и в Азии. Особое значение имела его связь с существовавшей с давних времен в таманском городе Матреге,* являвшемся столицей его княжества, крупной иудейской общиной.

* Его название не раз изменялось: Таматарха - Самкерц - Тмуторокань - Матрега (Матрика); ныне - Тамань

Прибыв в 1470 году в Новгород вместе с тогдашним князем Киевским Михаилом Олельковичем (литовцем), он сумел оказать громадное воздействие на общавшихся с ним людей, среди которых были и православные священники Алексей и Денис. Посеянная Заккарией, которого на Руси звали "Скарья" и "Схария", ересь дала, увы весьма и весьма обильные "плоды". В 1478 году великий князь Иван III беседовал в Новгороде с "еретическими" священниками Алексеем и Денисом, произведшими на него столь сильное впечатление, что он пригласил их в Москву, где они были поставлены (в 1480 году) во главе важнейших соборов - Успенского и Архангельского...

Впрочем, об этом речь пойдет ниже. Здесь же необходимо сказать о наиболее существенном. Иван III, при котором Русь широко вышла на мировую арену, явно склонялся, как, на мой взгляд, свидетельствует множество известных фактов, к столь характерному для нас, русских, "экстремизму". Поскольку Русь тогда стремилась вобрать в себя те или иные практические и теоретические достижения Запада и Востока (отмечу, что Заккария Гизольфи был как бы "представителем" и Европы, и Азии) великому князю казалось, что даже само определявшее путь Руси уже пять столетий Православие нуждается в "обновлении", - в соответствии с идущими извне "советами".

Целесообразно сказать здесь о том, что во многих сочинениях "ересь жидовствующих" совершенно безосновательно сопоставляют с Реформацией, то есть с происходившим с начала XVI века в ряде стран Западной Европы переходом от Католицизма к различным формам Протестантизма. Делается это с целью представить Русь сугубо "консервативной", "реакционной", "мракобесной" (сие определение используется в таких сочинениях) страной: вот, мол, "прогрессивный" Запад осуществил естественно назревавшую религиозную Реформацию, а Русь ее подавила и тем самым безнадежно "отстала" от Запада...

Но эта "концепция" несостоятельна уже хотя бы потому, что Реформация осуществилась лишь в Северной и отчасти Центральной Европе; Испания, Франция, Италия и т.д. вовсе не отказались от Католицизма и беспощадно подавляли "реформаторов". Далее, Реформация началась в Европе в конце 1510-1520-х годов, то есть на полвека позднее (!) возникновения "ереси жидовствующих" на Руси, и уже из этого ясно, что дело идет о совершенно различных явлениях (иначе придется признать странное, неправдоподобное русское "первенство" по отношению к западной Реформации). Наконец, - и это наиболее важно - Реформация все же отнюдь не отрицала основ Христианства, а "ересь жидовствующих", как убедительно показано в ряде исследований, была направлена именно против главных христианских устоев.

И после того как "ересь" проникла в верхние слои русского государства и Церкви, преподобный Иосиф Волоцкий начал и, в сущности, возглавил борьбу с этой опаснейшей угрозой самому бытию Руси - в глубокой своей сущности Святой Руси.

О конкретной истории этой борьбы еще будет речь. Здесь же целесообразно сказать о беседе преподобного Иосифа с Иваном III, состоявшейся в 1503 году, то есть через 25 лет (!) после увлечения великого князя речами "еретических" новгородских священников. К 1503 году Иван III осознал всю дикость и опасность своего - пусть даже и относительного - одобрения "ереси" и признался - и покался - перед преподобным Иосифом:

"...яз, деи (де), ведал еретиков, и ты мя прости в том..." - "Государь! Мне тебя как прашати?" - "Пожалуй, прости мя!"... Да и сказал ми, которую держал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дръжал Феодор Курицин"/14/.

Этот рассказ о раскаянии Ивана III и покаянии его - властителя Руси! - перед игуменом одного из русских монастырей может удивить и даже показаться недостоверным.

Однако рассказ этот содержится в написанном преподобным Иосифом еще при жизни Ивана III послании к духовнику (то есть ближайшему собеседнику) великого князя - архимандриту Андрониковскому Митрофану и в силу этого никак не мог исказить факты.

А в покаянных словах и самом тоне Ивана III выразилось - что очевидно - пришедшее, наконец, к нему прозрение - ясное осознание всей опасности заразившего самые верхи светской и даже церковной власти лжеучения, которое подрывало истинную основу многовекового бытия Руси. И нет сомнения, что главную роль в этом сыграла многосторонняя самоотверженная деятельность преподобного Иосифа Волоцкого, - разумеется, совместно с другими православными подвижниками того времени, среди которых следует назвать прежде всего преподобного Нила Сорского.

Правда, первым выступил - в 1487 году - против "ереси" архиепископ Новгородский (в 1484-1504 годах) святитель Геннадий, ибо именно в Новгороде "ересь" и зародилась. И позднее преподобный Иосиф в своем "Сказании о новоявленной ереси" ("Просветителе") высоко оценил инициативу святителя Геннадия. Но вполне закономерно, что Геннадий сразу же обратился за помощью в борьбе с "ересью" не только к близким ему церковным иерархам - епископу Сарскому Прохору, епископу Суздальскому Нифонту и архиепископу Ростовскому Иоасафу (правда, только что утратившему свою кафедру), но и к не имеющим сколько-нибудь существенной "власти" в Церкви преподобным Нилу Сорскому и Иосифу Волоцкому. Ясно, что он видел в них воплощение того высшего духовного света, который имел главное значение в борьбе с "ересью".

Важно подчеркнуть, что церковная власть и не могла бы справиться с "ересью" ибо "еретиков" поддерживал сам Иван III. Так, согласно

свидетельству преподобного Иосифа (в его "Сказании о новоявившейся ереси") Митрополит (в 1473-1489 годах) Геронтий сам был верен Православию, но не боролся с "ересью" и, прежде всего потому, что "бояшеся дръжавного", то есть Ивана III, долго сочувствовавшего "еретикам"...

Словом, спасти Православие могла только собственно *духовная* борьба, в которой решающую роль сыграли преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, чьи имена нераздельно связаны в истории русской Церкви и Руси вообще.

Правда, утверждая это, я, несомненно, встречу с возражениями или хотя бы недоумением, ибо во множестве сочинений, так или иначе касающихся судьбы и деяний этих русских святых, они преподнесены в качестве по меньшей мере очень далеких друг от друга людей или даже прямых врагов! И это совершенно безосновательное представление распространено чрезвычайно широко.

Проблема достаточно существенна, ибо дело идет не только о понимании взаимоотношений двух православных деятелей и мыслителей, но о понимании их эпохи *в целом*. В дальнейшем будет показано вполне конкретно, какими "способами" пытались и пытаются превратить преподобных Иосифа и Нила во "врагов". Но уже здесь, в начале, целесообразно раскрыть причины и цели сей "операции".

Мы не всегда отдаем себе ясный отчет в том, что разразившаяся в России в начале XX века грандиозная революция самым активным образом готовилась задолго до её непосредственного начала. Революционные или по крайней мере сугубо "либеральные" идеологи в течение XIX века стремились всячески дискредитировать государственный, социальный и церковный строй России, - притом, не только современный им строй, но и его предшествующие исторические стадии - вплоть до Древней Руси. При этом, в частности, преследовалась цель найти в прошлом - в том числе в далеком прошлом - "либеральных"

предшественников, противостоявших государственной и церковной властям, и, с другой стороны, “консервативных” защитников этих властей; первых, естественно, превозносили, а вторых - обличали и проклинали. Именно такая “операция” была проделана в целом ряде сочинений, касавшихся преподобных Иосифа и Нила.

Помимо прочего, преподобного Иосифа истолковывали в качестве своего рода вдохновителя будущего жестокого царя Ивана IV Грозного, а преподобного Нила - как вдохновителя его противников. Это являло собой чистейшую фальсификацию, что явствует хотя бы из следующих двух фактов. Во-первых, Иван IV, о чем имеются совершенно достоверные сведения, в равной мере преклонялся перед памятью преподобных Иосифа и Нила (то есть этот царь, правивший всего через три-четыре десятилетия после кончины преподобных, вовсе не усматривал в них противостоявших друг другу деятелей), а, во-вторых, главный обличитель жестокостей Ивана IV Митрополит Всея Руси святитель Филипп, был (о чем еще пойдет речь) верным последователем преподобного Иосифа!

Уже из этого можно понять, до какой степени искажена историческая реальность “либеральными” идеологами. Стоит сослаться на капитальный труд А.В.Каргашева “Очерки по истории Русской Церкви”, изданный в 1959 году в Париже и в 1991-м в Москве: “... с половины XIX века... началась ярко выраженная переоценка исторических фигур преподобных Иосифа и Нила. И она стала до навязчивости как бы обязательной для всякого “просвещенного” читателя. Объективный историзм устранен. Внушается якобы самоочевидная порочность точек зрения пр. Иосифа на все церковно-государственные взаимоотношения и, наоборот, канонизируется и выдается за единственно будто бы для христианства нормативную мироотрешенная, внегосударственная пустынноческая позиция пр. Нила. В этом одностороннем выборе между двумя богословскими умонастроениями, на самом деле одинаково

оправданными и освященными церковным преданием и античной, и византийской, и всей древнерусской Церкви, и состоит то искажение, та богословская кривизна, которую сознательно и умышленно приняла светская, университетская и популярная, история русской литературы с эпохи Белинского. Особенно заразительно талантливо выразил эту оценку в своем увлекательном курсе истории русской литературы академик А.Н.Пыпин (между прочим, двоюродный брат и во многом единомышленник революционного лидера, Н.Г.Чернышевского. - В.К.). С той поры, 70-х годов XIX в., эта "пыпинская" оценка стала заразительно всеобщей, повлияла на суждения и некоторых духовно-академических (то есть окончивших Духовные академии! - В.К.) публицистов"/15/.

Итак, люди, которые и сегодня склонны "противопоставлять" преподобных Иосифа и Нила, должны, по крайней мере, задуматься о том, из каких "источников" выплеснулось сие противопоставление...

* * *

Автор этого сочинения с давних пор стремился понять взаимоотношения преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, чувствуя, что они являют собой как бы "двуединство" Святой Руси, и часто встречавшиеся в литературе утверждения об их чуждости или даже враждебности не убеждали, - хотя обосновать иное представление было не столь уж легко.

...Почти шестьдесят лет назад - еще до рокового 1941 года, когда Иосифов Волоколамский монастырь претерпел тяжкие разрушения, - перед глазами предстал этот поистине небесный град, глядящийся в воды запруженной при преподобном речки Струги, и как бы вошел в живущее в воображении едва ли ни каждого русского человека видение святого Китежа...

Через много лет, в 1977 году, на книжных прилавках появился основательный труд одного из виднейших исследователей истории Руси

XV -XVI веков, А.А.Зими́на (1920-1980), начавшего изучение Иосифова Волоколамского монастыря еще в 1940-х годах под руководством академика М.Н.Тихомирова (1893-1965). Стоит отметить, что предыдущее капитальное исследование, посвященное преподобному Иосифу, вышло в свет более чем за сто лет до книги А.А.Зими́на, в 1868 году. И это исследование, созданное молодым тогда филологом И.П.Хрущовым (1841-1904), давно стало, как говорится, библиографической редкостью и в ряде отношений "устарело"/16/.

В своём исследовании А.А.Зимин впервые открыл или хотя бы уточнил целый ряд существенных исторических фактов, и, несмотря на столь характерные для книг того времени дикие подчас идеологические догмы и шоры, перед внимательными читателями являлась громадность, мощь, многосторонность подвига святого. Становилось ясно, какая веками продолжавшая свое действие духовная воля воплотилась в истинно богатырском облике основанного им монастыря, - облике, вполне постигаемом даже и ныне, хотя обитель все еще нуждается в капитальной реставрации, - начиная с восстановления взорванной в 1941-м году семидесятипятиметровой колокольни.

...В Нило-Сорскую пустынь судьба впервые привела намного позже, в 1970-х годах. Приплыв из Вологды через Кубенское озеро - мимо скорбных и все же светящихся руин уничтоженного в 1930-х годах Спасо-Каменного монастыря - к пристани города Кириллова, мы располагали всего несколькими часами стоянки теплохода, и тут выяснилось, что никакого транспорта до текущей в восемнадцати километрах отсюда малой реки с двойным прозванием Сора-Сорка не имеется.

А между тем соприкосновение с точкой Земли, где возникло это словно пронизанное святостью имя- "Нил Сорский", было *главной* целью предпринятого тогда путешествия...

Пришлось обратиться к местному начальству и, как оказалось, "решить проблему" мог только "первый" в городке человек, который, к нашей

удаче, знал - или, может быть, сделал вид, что знает, - мои литературные опыты и выразил готовность помочь. Но, осведомясь о месте, куда нужно доставить путешественников, он с удивлением спросил: "Так ведь там же у нас только дурдом?" Что тут следовало сказать? Для большей понятности ответ был таков: "Представьте себе, пятьсот лет назад там постоянно жил один из членов тогдашнего... Политбюро". И это нелепое и, не исключено, в чем-то кощунственно "разъяснение" подействовало: вскоре милицейский газик (ничего иного не нашлось) уже мчал нас по давно затравяневшей лесной дороге.

На арке ворот, ведущих в обветшалый монастырёк, действительно красовалась надпись "Психоневрологический диспансер", и идти туда не захотелось; к тому же было хорошо известно, что эти - пусть и скромные - каменные стены никак не соответствовали духу Нилова скита и появились здесь только в XIX веке (согласно преданию, когда Иван Грозный решил воздвигнуть здесь каменный храм, преподобный явился ему во сне и запретил строительство). Мы предпочли просто помолчать в первозданной тишине этой и в самом деле *пустыни* безмолвия, постоять на берегу проточного пруда, выкопанного первоначально самим преподобным.

А между тем из монастырских ворот появился человек с ведром в руке. Он шел и смотрел на нас, но явно сквозь нас. И мелькнула мысль: некогда здесь обитали люди не от мира сего, и ныне - так же, хотя те были выше сего мира, а нынешние, вероятно, ниже... Что-то таилось в этой смутно осознаваемой переключке. А водонос, по-прежнему глядя в ничто, наполнил ведро и пошел обратно.

Тогда и мы, повинувшись какому-то зову, опустили на колена и ладонями черпнули воду из Нилова пруда. И глоток ее вызвал не испытанный дотоле трепет - будто и впрямь соприкоснулись мы с излученной здесь когда-то и уже неиссякаемой духовной энергией, которая в те времена без труда (и без всяких "средств информации")

достигала расположенных за полтыщи верст отсюда Москвы и Новгорода, - о чем свидетельствуют тогдашние события...

Значение преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в истории Русской Церкви и в истории Руси в ее целом поистине неопределимо. И это значение более или менее общепризнано. Почти в каждом научном и публицистическом сочинении, касающемся переломной и, безусловно, великой эпохи конца XV - начала XVI веков, с необходимостью заходит речь об этих деятелях Церкви.

Но - прискорбное "но"! - едва ли ни преобладают или даже господствуют неверные, нередко грубо искажающие реальность представления об этих подвижниках, притом представления о преподобном Иосифе Волоцком имеют чаще всего "очерняющий", или даже заведомо клеветнический характер.

Удивляться вообще-то нечему - достаточно вспомнить, что сравнительно недавно господствовало также восходящее к "либеральной традиции" XIX века стремление внедрить в души ложный "зловещий" образ Достоевского. Правда, это было легче преодолеть, ибо творения Достоевского гораздо более доступны, и сам он отделен от нас не столь долгим временем. Сквозь полутысячелетие разглядеть истину несравненно труднее.

В глубине сознания или, вернее, в своего рода полусознанной исторической памяти (которая в той или иной степени присутствует в каждом человеке) преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский издавна представляли для меня как идущие по своим особым путям, но идущие все же к единой цели, - ни в коей мере не "отрицают", а дополняя, обогащая друг друга. Однако к концу 1970-х годов встала задача *доказать* это, и пришлось обратиться к длительному и сложному изучению источников и историографии; некоторые результаты этого изучения и излагаются далее.

На состоявшейся в 1987 году Международной церковной научной конференции “Богословие и духовность” митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим совершенно справедливо сказал:

“С середины прошлого века и до наших дней преподобным Иосифу Волоцкому и Нилу Сорскому посвящено очень много работ. К сожалению, в большинстве из них... доминирует тенденциозная традиция либеральной историографии прошлого века, приверженцы которой настойчиво пытались представить преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского вождями двух противоборствующих направлений... Наступила пора демифологизировать схему либеральной историографии, почти заслонившую от нас живые лики святых”/17/.

Это, повторяю, совершенно справедливые суждения, и стоит только оговорить, что в ряде новейших трудов наших историков, созданных в 1950-1980-х годах, все же проступают (хотя такое утверждение может показаться неоправданным и противоречит “общепринятому” мнению) “живые лики святых”, и проступают они даже не потому, что работы историков, о которых идет речь, лишены “тенденциозности” (это не так!), но потому, что в них в той или иной мере выразилось стремление досконально изучить *реальные* события и взаимоотношения далеких времен.

Это относится и к работам уже упомянутого А. А. Зимина, и - правда, в различной степени - к книгам и статьям таких исследователей как Ю. В. Анхимюк, Ю. К. Бегунов, Н. К. Голейзовский, Р. П. Дмитриева, Н. А. Казакова, В. М. Кириллин, Я. С. Лурье, А. И. Плигузов, Г. В. Попов, Г. М. Прохоров, Н. В. Сеницына, Р.Г. Скрынников (в дальнейшем многие из этих работ будут цитироваться).

Даже в тех случаях, когда “тенденциозность” вполне очевидна, объективно воссозданные *исторические факты* в сущности опровергают ее, делают ее бессильной. И как ни странно такое суждение на первый

взгляд, иные сочинения *эмигрантских* авторов, писавших о русской Церкви, с этой точки зрения уступают работам, изданным в СССР. Например, в 1949 году в Париже, а в 1993-м в Москве, - появилась книга эмигранта Петра Иванова (1876-1956) с многозначительным заглавием "Тайна святых. Введение в Апокалипсис", где речь шла и о преподобных Иосифе и Ниле. Анонимное предисловие к её московскому изданию начинается такой фразой: "Перед нами удивительная, уникальная книга", и книга в самом деле удивительна и уникальна с той точки зрения, что в ней донельзя искажены многие исторические факты, и в результате преподобный Иосиф Волоцкий объявлен ни много, ни мало "лжесвятым", который-де сумел "провести свои антихристовы идеи внутрь церкви Христовой"/18/.

Кстати сказать, автор предисловия, по-видимому, понимал, что не так уж все ладно в представляемой им книге, и сразу вслед за цитированной своей фразой счел необходимым отметить: "Это не значит, что нужно соглашаться со всем, что в ней (книге. - В. К.) написано. Мы встречаем утверждения, по меньшей мере сомнительные". Но дело здесь даже не в "утверждениях", а в незнании или же извращении исторической реальности. И нельзя не видеть, что ряд работ, изданных в СССР, отличается в лучшую сторону от подобных - принадлежащих, увы, вроде бы правоверно христианским авторам - сочинений.

Характерно, что в своем труде "Очерки по истории русской Церкви", существенно отличающийся от многих своих собратьев эмигрант А. В. Карташев с сочувствием ссылаясь на ряд работ, созданных, по его выражению, "в подсоветской науке, чуждой старым предубеждениям" и основывающейся на "документальности"/19/; - в частности имелись в виду работы о преподобном Иосифе Волоцком. Правда, правильнее было бы сказать не столько о "чуждости" этой самой "подсоветской науки" прежним "предубеждениям", сколько о настойчивом стремлении

новейших историков России иметь дело с достоверными *документами*, а не с разного рода субъективными домыслами.

Но обратимся непосредственно к историческим фактам, относящимся к личностям и деяниям преподобных Иосифа и Нила. Начать уместно с того, что в новейших работах неоспоримо установлено: никаких хоть сколько-нибудь достоверных сведений о "противоборстве" Иосифа Волоцкого и Нила Сорского не существует, их попросту *нет*. Верно, что пути святых были различными; однако самостоятельность пути отнюдь не обязательно подразумевает борьбу, враждебность или хотя бы отчужденность. Между тем широко известный эмигрант, в молодости бывший активным членом РСДРП, Георгий Федотов безоговорочно утверждал в своей популярной ныне книге "Святые Древней Руси": "Суровый к еретикам, Иосиф проявлял суровость и к другим своим врагам. В их числе... преподобный Нил Сорский... В борьбе с Нилом Сорским... Иосиф разрушал традиции преподобного Сергия"/20/

Вообще, как ни удивительно, были и есть авторы, которые с прямо-таки патологической жадой стремятся истолковать самобытность как своего рода обязательный повод для противостояния. Так, например, несмотря на то, что именно Пушкин впервые с невиданной щедростью опубликовал в своем журнале "Современник" два с половиной десятка стихотворений очень мало кому известного тогда Тютчева, а тот воспел Пушкина как "первую любовь" России, с давних пор и до сего дня пропагандируется не имеющая никаких фактических оснований версия, согласно которой эти великие поэты были чуть ли не врагами/21/...

Прежде чем обсуждать вопрос о своеобразии путей преподобных Иосифа и Нила необходимо точно и подробно выяснить, *как и почему* сложился "миф" об их "противоборстве", ибо без этого выяснения едва ли можно действительно очистить "живые лики святых" от заслоняющего их лживого тумана.

В исторической действительности имело место определенное противоборство *направлений*, известных сегодня под названиями "иосифлянство" и "нестяжательство" (хотя и здесь, как мы еще увидим, дело обстояло не столь уж просто, и граница между иосифлянами и нестяжателями далеко не всегда может быть четко проведена). Но это противоборство, начавшееся, как доказано, уже *после* кончины преподобного Нила Сорского (+7 мая 1508), было неправомерно, без каких-либо фактических доказательств, перенесено на взаимоотношения самих преподобных.

С особенной очевидностью и резкостью эта "операция" выразилась в прямой подмене взаимоотношений преподобных совершенно иным "сюжетом" - взаимоотношениями преподобного Иосифа Волоцкого и "князя-инока" Василия Ивановича Патрикеева-Вассиана, которые начались, как неоспоримо свидетельствуют достоверные исторические источники, только *после* 1508 года.

Первое упоминание о князе-иноке Вассиане у Иосифа Волоцкого относится ко времени не ранее 1511 года, а, с другой стороны, современник свидетельствовал, что сам "князь-инок" начал публично заявлять о себе лишь после Ниловой кончины: "Как не стало старца Нила, и ученик его князь Вассиан Косой, княж Иванов сын Юрьевича, и нача сей князь вельми побарати по своем старце Ниле"/22/. Кроме всего прочего, нельзя не признать, что вообще чрезвычайно неправдоподобна версия, согласно которой князь-инок еще до 1509 года, то есть находясь на положении *ссылного*, сочинял и распространял свои достаточно острые послания и "слова".

В либеральной публицистике, начиная с середины прошлого столетия, фигура "князя-инока" (словосочетание звучит весьма романтично!) по существу почти целиком *заслонила* живой лик преподобного Нила Сорского, которому были без всяких оснований приписаны стремления, высказывания и даже поступки *Вассиана Патрикеева* (в этом

соединении монашеского имени и мирского прозвания опять-таки заключена формула "инок-князь"). Поэтому необходимо пристально взглядеться в эту фигуру.

Прежде чем перейти к сути дела, должен предупредить моих читателей, что мне придется ссылаться на многообразные исследования историков, обращаться к фактам, которые вроде бы имеют косвенное отношение к основной теме; однако без всего этого нельзя обойтись, если мы действительно стремимся увидеть "живые лики святых", отринув "либеральную" фальсификацию и прямую клевету.

* * *

Князь Василий Иванович Патрикеев, родившийся, по-видимому, около 1470 года, был, без сомнения, умнейший и наделенный многими дарованиями человек, однако сближать его хоть в каком-нибудь смысле с преподобным Нилом Сорским едва ли правомерно. Он был сыном князя Ивана Юрьевича Патрикеева, являвшего собой *первое* по значению (после, разумеется, великого князя Ивана III) лицо в русском государстве конца XV века (к тому же он был крупнейшим землевладельцем). Карьера Ивана Патрикеева опиралась, во-первых, на предельно высокородное происхождение - его отец был правнуком самого Гедимины, к тому же по линии *старшего* сына последнего, Наримонта; с другой стороны, мать его была сестрой отца Ивана III, Василия II Темного, и он, таким образом, приходился первому Царю всея Руси двоюродным братом. Сын Ивана Патрикеева князь Василий с юных лет состоял при отце, а в 1490-х годах уже сам нередко играл руководящую роль в воинских, посольских, судейских делах и, надо думать, был уверен, что унаследует отцовское место в государстве.

Однако в 1499 году князей Патрикеевых постигло жестокое крушение: они вместе с зятем (мужем дочери) Ивана Юрьевича, князем Семеном Рязполовским были приговорены к смертной казни, и лишь

заступничество тогдашнего митрополита Симона спасло их от злой кончины (Ряполовский же был казнен...). Патрикеевых "в железах" постригли в монахи, и Василий под именем инока Вассиана оказался в Кирилло-Белозерском монастыре - по существу в заточении.

Причины краха Патрикеевых не выяснены до конца. Одни историки полагают, что они сделали ставку на внука Ивана III Дмитрия, сына рано (в 1490 году) умершего князя Ивана Молодого и Елены Волошанки, между тем как сам великий князь неожиданно решил все же наследовать власть своему второму сыну (от Софии Палеолог) Василию; другие - что Патрикеевы в качестве дипломатов совершили некое предательство, поступившись интересами Руси ради родины своих предков Литвы. По всей вероятности, и в том, и в другом объяснении есть своя доля истины. Но особенно основательное понимание причин острого конфликта Патрикеевых с Иваном III наметил еще В. О. Ключевский/23/, а в наше время развил Р. Г. Скрынников:

"После покорения Новгорода (то есть после 1478 года - В. К.) казна стала обладательницей огромных богатств... Следуя традиции, Дума поначалу распределила конфискованные в Новгороде земли среди знати... Крупные владения достались двоюродному брату Ивана III боярину князю И. Ю. Патрикееву. Обширные земли получил зять Патрикеева С. И. Ряполовский" (оба они играли руководящую роль в покорении Новгорода). Однако позднее, в 1490-х годах, продолжает

Р.Г. Скрынников, "власти приступили к организации поместной системы землевладения. Почти все бояре (Вольский, Патрикеевы, Ряполовский и др.) утратили новгородские владения"/24/.

И именно эта ситуация легла в основу конфликта князей с Иваном III, а также в конечном счете определила позднейшую борьбу князя В. И. Патрикеева (уже в качестве "старца Вассиана") с монастырским землевладением. Как говорит в другой своей работе Р. Г. Скрынников, "Вассиан Патрикеев, в недавнем прошлом крупнейший землевладелец

России, стал самым беспощадным критиком положения дел в монастырских селах"/25/, - то есть князя лишили его громадных земель, и он стал бороться против крупных землевладений Церкви...

Все эти - может быть, кажущиеся уводящими в сторону - факты необходимо знать для того, чтобы ясно увидеть глубочайшие различия (и даже несовместимость!) между князем-иноком и якобы близким ему преподобным Нилом Сорским.

В возрасте примерно тридцати лет, на взлете блистательной карьеры, князь Василий Патрикеев вдруг лишен всего и заточен в монастырь. Но, придя в себя, он в сущности начал свою новую, *иную* карьеру, в которой опирался на авторитет уже имевшего высшее признание старца Нила. Ему удалось завязать взаимоотношения с "безмолвствующим" в своем скиту старцем (в частности, получить от него послание),

по-видимому, потому, что в 1501 или 1502 году в Кирилло-Белозерском монастыре принял пострижение находившийся уже в преклонных годах (в 1503 году он, по всей вероятности, скончался) государев дьяк Андрей Федорович Майков - старший брат Нила Сорского (который в юности был вместе с ним на государственной службе). Майков не раз участвовал в посольствах, возглавлявшихся отцом и сыном Патрикеевыми, и, надо думать, помог князю-иноку войти в доверие к своему уже обретшему высокое почитание брату. Объявив себя учеником и последователем преподобного, князь-инок устроил себе скит неподалеку от Нилова.

Однако Василий Патрикеев был, без сомнения, мнимым учеником скитского старца, - об этом совершенно ясно говорит все его позднейшее жизненное поведение. Ведь вскоре же после кончины преподобного, в 1509 году, он бросает свой скит и добивается "перевода" в Москву, в Симонов монастырь, - эту по сути дела *придворную* обитель, - где он сумел вступить в самую тесную связь с Василием III и заняться активной "большой" политикой. И теперь, как свидетельствовал современник, "ядаше же мних Васьян приносимое ему брашно от трапезы

великого князя"/26/. Все это абсолютно не соответствовало заветам Нила Сорского своим ученикам... Речь, разумеется, не о том, чтобы вообще "осуждать" князя-инока за его образ жизни после кончины Нила Сорского, но только о том, что при таком образе жизни он не имел оснований называть себя (как он постоянно делал) последователем преподобного.

Впрочем, еще и в Белозерском крае князь-инок Вассиан занимался деятельностью, чуждой истинным ученикам преподобного. Он сумел объединить вокруг себя в своего рода партию немалое количество местных людей Церкви, которых, по-видимому, очаровывали и знатность этого потомка Гедимины и недавнего верховного вельможи, и - одновременно - статус ученика преподобного Нила. Так, нельзя усомниться в том, что Вассиан заручился всемерной поддержкой влиятельного старца Кирилло-Белозерского монастыря Варлаама, который в 1506 году был призван в Москву, где стал архимандритом Симонова монастыря, куда - явно не без рекомендаций Варлаама - переселился и князь-инок, - впрочем, теперь уже "князь-старец". А в 1511 году Варлаам был возведен в сан митрополита - вероятно, не без помощи самого Вассиана, быстро ставшего любимцем Василия III.

В Москве - в частности, перед Василием III - Вассиан предстал как негласный вождь целого направления церковных людей, которых публицисты XIX века называли "нестяжателями"; современники же употребляли названия "кирилловские старцы" или - шире - "заволжские старцы". Одно из первых "нестяжательских" сочинений, связанное так или иначе с Вассианом и направленное против преподобного Иосифа Волоцкого, было озаглавлено именно как манифест целого направления: "Ответ кирилловских старцев".

До недавнего времени считалось, что этот "ответ" был написан будто бы еще при жизни преподобного Нила Сорского, но ныне А. И. Плигузов и Ю. В. Анхимюк показали, что в действительности "Ответ" появился не

ранее 1510-х годов/27/. Направление, возглавляемое Вассианом, было в то время в высшей степени угодно Василию III. Н. А. Казакова, много лет посвятившая изучению личности и сочинений Вассиана, писала, опираясь на специальные исследования С. М. Каштанова, что "правительство Василия III повело наступление на вотчинные права монастырей", и "Василий III нашел в Вассиане умного и деятельного сторонника политики ограничения феодальных прав церкви"/28/.

Это означает, что Вассиан превратил глубокое духовное учение о "нестяжании", которое исповедовал преподобный Нил Сорский, в чисто политическую программу и даже в козырную карту в своей собственной борьбе за власть. В известном своем труде "Пути русского богословия" Г. В. Флоровский писал, что Вассиан и его сторонники "оказались запутаны и в политическую борьбу, и даже в политическую интригу"/29/; однако про самого Вассиана правильно будет сказать, что он *по своей воле* "запутал" себя в эту борьбу и интригу, - и добился на своем новом пути очень многого. Вместе с тем его успехи не имели, конечно же, никакого отношения к подлинному наследию Нила Сорского, хотя Вассиан постоянно взывал к имени преподобного.

Н. А. Казакова, склонная к высокой оценке князя-инок, все же не могла не сделать следующий вывод: "В творчестве Вассиана вопрос о духовной жизни инок, о его внутреннем самоусовершенствовании (а это составляло основу учения преподобного Нила Сорского. - В. К.) по существу не занимает *никакого* места". В другой работе Н. А. Казакова отмечает, что "между Нилом Сорским и Вассианом Патрикеевым как писателями трудно найти что-либо общее". И действительно, даже сама идея "нестяжательства" у Вассиана не имела *ровно ничего общего* с заветами преподобного. Вассиан кичливо писал в своем сочинении "Прение с Иосифом Волоцким": "Сие, Иосифе, на мя не лжещи, что аз великому князю у монастырей села велю отъимати и у мирских церквей". Н.А. Казакова заметила по этому поводу: "Очевидно, Вассиан убедился в

том, что церковники не расстанутся добровольно со своими землями и взгляды Вассиана приобрели законченный и радикальный характер"/30/, то есть, в отличие от преподобного Нила Сорского (но - якобы - "развивая" его заветы) он выдвинул требование ("веление") насильственного отъятия земель у Церкви.

Однако для преподобного Нила Сорского добровольный отказ Церкви от владения селами являл собой выражение высокого духовного совершенствования церковных людей; о *насильственном* же отъятии сел он и не помышлял, ибо никакого совершенствования при этом и не могло произойти - скорее, или даже наверняка, наоборот...

И тем не менее преподаватель истории религии в Московской духовной академии в 1993 году без каких-либо оговорок "констатирует": "...заволжский старец Вассиан (в миру - князь Василий Патрикеев), ближайший ученик преподобного Нила Сорского..."/31/. Руководствуясь этим заведомо несостоятельным представлением, те или иные действия и слова Вассиана совершенно неправомерно "приписывают" преподобному Нилу; тезис же о его "противоборстве" с преподобным Иосифом *целиком и полностью* исходит из поступков и высказываний князя-инока или точнее, князя-старца.

Князь Василий Патрикеев в облике "старца Вассиана" явно сумел надолго завоевать себе положение первого (или по крайней мере, одного из самых первых) лица в государстве. Василий III, называвший своего любимца "старец Васьян княж Иванов" (то есть объединяя два "достоинства"), говорил о нем, - ни много, ни мало! - что он "подпор державе моей... и наставник ми"/32/.

Власть "старца" в 1510-1520-х годах была поистине безграничной: именитый придворный книгописец Михаил Медоварцев рассказывал позднее: "...блюлся есми... преслушати князя Васьяна старца, занеже был великой и временной человек у государя великого князя, и так и государя великого князя не блюлся, как его блюлся и слушал"/33/.

Ещё бы не блюсти! Это ведь только в XIX веке был сконструирован образ Вассиана - "либерала" и "гуманиста". Когда из Заволжья до Василия III дошла "грамота", в которой сообщалось, что среди тамошних церковных людей – сторонников Вассиана - завелась ересь, князь-старец настоял на допросе доставившего грамоту священника Серапиона:

"И поп сказал так, как в грамоте писано. И старец Васьян князь попа просил на пытку, и попа пытали, и ногу изломили, и поп и умер, а не заговорил..."/34/.

Апологеты князя-старца стараются умалчивать о подобных его поступках; так, об этом предании священника жестоким мукам, окончившимся смертью, - причем молчание на пытке явно свидетельствовало, что священник говорил правду, - Н. А. Казакова в своей весьма подробной биографии Вассиана даже и не упоминает...

Нельзя не сказать и о том, что "либерал" Вассиан, прежде чем он начал распространять свои яростные сочинения против преподобного Иосифа, добился от Василия III *запрещения* преподобному отвечать письменно и даже устно на все хулы и обличения князя-старца! И преподобный Иосиф тщетно просил близкого ему царедворца В. И. Челяднина "печаловаться" Василию III, дабы "ослободить противу его (Вассиана. - В. К.) речей говорить и писати"/35/. Впрочем, и многие позднейшие "либералы" - вплоть до наших дней - понимали *свободу* (liberty) как только исключительно свободу для самих себя и с этой точки зрения нередко превосходили самых нетерпимых деспотов...

Все это ясно показывает, что Вассиана недопустимо считать действительным учеником и последователем Нила Сорского, и тем более недопустимо судить о святом старце на основе поступков, стремлений и высказываний Вассиана, - в частности, приписывать преподобному Нилу ту борьбу с преподобным Иосифом, которую на самом деле развязал и вел Вассиан.

В связи с вышеизложенным, целесообразно обратиться к той трактовке событий, которая представлена в ряде работ Я. С. Лурье. В отличие от преобладающего большинства историков, он отдает все свои симпатии тогдашним еретикам - "жидовствующим" (прежде всего посольскому дьяку Ф. В. Курицыну) рассматривая их в качестве выразителей "светлого ренессансного начала", противостоявших "мрачному" русскому средневековью. О ереси и борьбе с ней у нас еще будет идти речь; сейчас же затронем только вопрос об отношении преподобного Нила Сорского к еретикам.

Одним из первых Я. С. Лурье с полной убедительностью доказал, что это отношение по существу ничем не отличалось от отношения к еретикам Иосифа Волоцкого. В своей книге, посвященной еретiku Ф. В. Курицыну, который высоко превозносится, Я. С. Лурье, исходя из действительных фактов, пишет, что "Нил Сорский еще в Кирилловом монастыре (то есть до создания своего скита. - В. К.) выступал против "растленных разумом" вольнодумцев и чтения "небожественных писаний"..." и что очень широко распространенное мнение об его "терпимости" к еретикам - выражение созданной историками (и, в наибольшей мере, публицистами) XIX века "своеобразной легенды, чрезвычайно стойкой, но совершенно ни на чем не основанной... не известно ни одного случая, когда бы Нил выступал против наказания еретиков"/36/

Кто-либо может предположить, что эти высказывания Я. С. Лурье обусловлены его отчужденным или даже враждебным отношением к русской Церкви в ее целом, в силу чего он стремился, так сказать, "дискредитировать" с либеральной точки зрения не только Иосифа Волоцкого, но и Нила Сорского.

Однако и современный исследователь совершенно иного направления,

Г.М. Прохоров, подводя в написанной им "энциклопедической" статье итоги своего многолетнего - одновременно и подлинно глубокого, и предельно тщательного - изучения наследия преподобного Нила Сорского, перечислил целый ряд неоспоримых доказательств (цитирую) "положительного отношения Нила Сорского к *литературной* борьбе Иосифа Волоцкого с еретиками"/37/. Необходимо, правда, учитывать, что многозначительное выделение слова "литературной" едва ли уместно: ведь, если исходить из всех известных нам фактов, и Иосиф Волоцкий вел именно и только литературную борьбу с еретиками: никаким иным "оружием", кроме письменного и устного слова, он не пользовался. Это совершенно ясно, в частности, из подробнейшего исследования деятельности преподобного Иосифа в объёмистой книге Я. С. Лурье/38/, который - что в данном случае весьма важно - относится к преподобному с очевидным и даже крайним недоброжелательством, но все же в основном следует реальным фактам.

Вместе с тем, нельзя не сказать, что в другой книге Я. С. Лурье, где доказывается единство преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского с точки зрения отношения к ереси, намечена, с другой стороны, определенная "перекличка" в этом плане между еретиком Федором Курицыным (кумиром Я. С. Лурье) и князем-старцем Вассианом.

Я. С. Лурье утверждает, что Вассиан - де категорически выступал против казней еретиков, и что по мнению князя-старца "даже нераскаявшихся еретиков не надо казнить". При этом-де "смелый и красноречивый человек, Вассиан высказывал свои мысли великому князю прямо и открыто... позволял себе оспаривать важнейшие приказы государя (арест неугодных людей в нарушение данной клятвы, насильственное пострижение в монахи надоевшей супруги)"/39/. Также "смело", мол, высказывался Вассиан и против казней еретиков.

Приходится сказать, что суждения Я. С. Лурье о протестах Вассиана против клятвопреступного ареста в 1523 году новгород-северского князя

Василия Шемячича, (которому Василий III перед этим дал скрепленную своей подписью охранную грамоту) и против заточения в 1525 году первой жены Василия III в монастырь, прямо-таки изумляют. Ведь Н. А. Казакова еще в 1960 году с полной убедительностью показала, что этих протестов не было (хотя, вполне вероятно, Вассиан - как и почти все деятели Церкви, в том числе и иосифляне, - был недоволен указанными поступками Василия III). Не исключено, впрочем, что к 1988 году Я. С. Лурье просто забыл об исследовании Н. А. Казаковой и повторил давние легенды апологетов Вассиана. Но в последнее время - уже после выхода цитированной книги Я. С. Лурье - молодой исследователь Ю. В. Анхимюк неоспоримо показал, что и представление о Вассиане как принципиальном *противнике казней еретиков* не соответствует действительности.

Верно, что в *ранних* сочинениях, написанных Вассианом или хотя бы при его деятельном участии, - "Ответе кирилловских старцев" и "Слове ответном" - казни еретиков осуждаются. Однако в написанных несколько позже "Слове о еретиках" и "Прении с Иосифом" Вассиан не только недвусмысленно выступает *за казни еретиков*, но даже дает им солидное обоснование, ссылаясь на исторические примеры - казни еретиков христианскими, главным образом византийскими, императорами. И наиболее выразителен тот факт, что Вассиан явно взял эти самые примеры из сочинений преподобного Иосифа Волоцкого! Ю. В. Анхимюк сопоставляет Вассианово "Слово о еретиках" и созданное *ранее* 13-е Слово из "Просветителя" Иосифа Волоцкого и фиксирует прямые текстуальные совпадения!

"Итак, - не без огорчения резюмирует настроенный высоко ценить князя-старца Ю. В. Анхимюк, - если в отношении к проблеме монастырского землевладения Вассиан проделал путь от сравнительно ортодоксальных взглядов его учителя Нила Сорского (выше говорилось о том, что на деле "взгляды" преподобного Нила и Вассиана на проблему

землевладения были несовместимыми. - В. К.) ко все более радикальной программе, то его позиция в вопросе о наказаниях еретиков менялась в обратном направлении: от неприятия казней любого еретика или согрешающего к признанию их допустимости"/41/. Впрочем, слово "допустимость" явно неточно: Вассиан ведь недвусмысленно говорил в своем позднем сочинении о еретиках: "казнить царем и князем их подобает"/42/ - то есть *следует* (а не "допустимо").

Ю. В. Анхимюк поясняет здесь же, что Вассиан шел к "сближению с позицией иосифлян. Нужно было и оправдать вел. кн. Василия III, в свое время казнившего еретиков". И Вассиан сделал "уступки (скорее всего вынужденные)... иосифлянской верхушке Московской митрополии"/43/.

Таким образом, Вассиан, как оказывается, не считался с иосифлянами в вопросах монастырского землевладения, идя, "ко все более радикальной программе", но "сближался" с ними в вопросе о казни еретиков, - хотя, между прочим, никакой острой борьбы с еретиками тогда уже и не было!

Как же это понять? Ответ может быть только один: "позиции" Вассиана диктовались прежде всего стремлением угодить Василию III. В последние годы жизни преподобного Иосифа Волоцкого Василий III, как явствует из целого ряда бесспорных фактов, относился к нему враждебно или хотя бы с резким недовольством, - достаточно вспомнить о запрещении полемизировать с Вассианом! Поэтому великий князь не возражал, когда Вассиан обвинил преподобного в нетерпимости по отношению к еретикам. Но это обвинение нужно было и Вассиану, и Василию III именно и только как способ дискредитации Иосифа Волоцкого в глазах всегда склонных к всепрощению русских людей; после же кончины преподобного Василий III не желал осуждения казни еретиков, распоряжение о которой он сам отдал. И Вассиан стал теперь писать, что царям и князьям "подобает" казнить еретиков...

Словом, Вассиан (пока Василий III против этого не возражал) использовал тему казней исключительно в качестве оружия борьбы с

преподобным Иосифом. Я. С. Лурье убедительно сформулировал (хотя он в целом весьма сочувственно воспринимает Вассиана): "Опытный политик и талантливый полемист, "старец Вассиан" видел в споре о наказаниях еретиков прежде всего *прекрасное средство* для уязвления своих противников - иосифлян... Poleмика против иосифлян была для Вассиана *чисто тактическим приемом*"/44/. (Вернее, впрочем, было бы сказать не "против иосифлян", а против самого преподобного Иосифа прежде всего и преимущественно).

Все это приводит к естественному выводу: Вассиан был, выражаясь современным языком, *беспринципным* идеологом и деятелем. Целый ряд разнообразных фактов убеждает, что этот приговор не является напраслиной. Так, непримиримо воюя с преподобным Иосифом, Вассиан в течение долгого времени вполне мирно уживался с заведомым *иосифлянином* митрополитом (с 1522 года) Даниилом, - уживался, очевидно, именно потому, что тот являлся митрополитом, и с ним было опасно ссориться, а также и потому, что и сам Даниил (в отличие от преподобного Иосифа) не столь уже настаивал на "принципах". До нас дошел текст Василия III (1523 г.):

"А коли есми сию запись писал, и тогда был у отца нашего Даниила, митрополита всеа Руси, у сей записи старец Васьян, княж Иванов"/45/.

В продолжение почти десятилетия Вассиан без каких-либо заметных стычек в сущности делил с Даниилом высшую (после, конечно, великого князя) власть. Когда, например, в 1526 году архиепископ Ростовский Кирилл, занимавший третью ступень в официальной церковной иерархии (вслед за митрополитом и архиепископом Новгородским) осмелился в чем-то притеснить тех заволжских иноков, которые были сторонниками Вассиана, последний добился от Василия III специальной грамоты о *неподсудности* этих иноков архиепископу!/46/

Можно бы привести и другие подобные факты. Вместе с тем, Даниила, конечно же, раздражало наличие рядом с ним своего рода второго

митрополита, и в конце концов он сумел - в 1531 году - устроить суд над Вассианом, по приговору которого тот был сослан в Иосифов Волоколамский монастырь. Но это явно был исход борьбы за власть, за влияние на великого князя, а не столкновения принципиально различных убеждений. В сохранившейся "стенограмме" процесса ("Судное дело Вассиана Патрикеева") нет буквально ни слова о проблеме монастырского землевладения, ни об отношении к еретикам (то есть о считающихся основными "принципах" Вассиана); все построено на чисто догматических обвинениях, которые можно было предъявить по сути дела любому неугоднему лицу.

Кстати сказать, один из типичных способов "очернения" преподобного Иосифа Волоцкого - возложение на него ответственности за неблагоприятные поступки Даниила (совершенные уже после кончины преподобного), которого объявляют его главным и верным последователем. Так, в упомянутой выше книге эмигранта П. Иванова "Тайна святых" в целях дискредитации преподобного перечисляются грехи Даниила - этого, как там сказано: "преемника и лучшего ученика Иосифа Волоцкого"/47/. Перед нами яркий образчик невежества (или же фальсификаторства), ибо в предсмертном Иосифовом послании Василию III о том, "коим старцем приказати пригоже монастырь", названы *десять* имен монахов, достойных, по мнению преподобного, возглавить монастырь, однако имени Даниила среди этих десяти нет!/48/ Василий III, о чем уже сказано, враждебно или, по меньшей мере с явным недовольством относился тогда к преподобному, и вопреки Иосифовой воле игуменом после него стал Даниил. В написанном Саввой Чёрным через тридцать с лишним лет после кончины преподобного житии рассказано, что Даниила избирали сами старцы монастыря - без какого-либо давления со стороны Василия III. Но это умалчивание преследовало цель не бросить тень на великого князя, и весьма примечательно, что даже и в этом рассказе избрание Даниила совершается без

волеизъявления преподобного Иосифа, который только якобы соглашается со старцами. А через семь лет Василий III настоял, чтобы Даниил стал митрополитом.

Словом, склонный к безнравственным компромиссам Даниил (у которого впрочем, были и немалые заслуги) являл собой, строго говоря, *мнимого* ученика преподобного Иосифа, как и Вассиан - преподобного Нила.

* * *

Естественно может возникнуть вопрос: почему же все-таки Вассиан, этот человек, явно не желавший ради принципов рисковать карьерой, столь долго ладивший с *иосифлянином* Даниилом, тем не менее с такой яростью обрушивался на самого преподобного Иосифа?

Прежде всего следует иметь в виду, что Иосиф Волоцкий, в отличие от того же Даниила, не был склонен к каким-либо компромиссам, и Вассиан отнюдь не мог рассчитывать на продиктованное осторожной тактикой признание преподобным его, Вассиана, неожиданной верховной роли при Василии III. А между тем именно в то время, когда Вассиан сумел вернуться в Москву и начал завоевывать высшее положение при великом князе, имело место сближение (правда, кратковременное) преподобного с Василием III, который, в частности, поначалу целиком поддержал Иосифа Волоцкого в его прискорбном - до сих пор не очень ясном - конфликте с архиепископом Новгородским святителем Серапионом. С другой стороны, преподобный Иосиф Волоцкий обладал тогда уже самым высоким признанием в церковных кругах, - включая и митрополита Симона, чем, в частности, объяснялась краткая благосклонность к нему Василия III, - и в случае его противодействия Вассиан, вероятно, не смог бы обрести то положение чуть ли не второго митрополита, которое он вскоре и завоевал.

И только-только укрепившись в Москве, Вассиан тут же начал свою кампанию против преподобного. Как доказывали А. А. Зимин и вслед за

ним Я. С. Лурье, первая его акция в этой борьбе заключалась в том, чтобы побудить Василия III отказаться от поддержки Иосифа в его тяжбе с Серапионом и принять сторону последнего/51/. Уже в 1511 году цель была достигнута: Василий III в сущности совершенно неожиданно приказал преподобному Иосифу Волоцкому виниться перед лишенным своего сана святителем Серапионом, - чего преподобный, считая себя правым, не сделал и тем самым, очевидно, окончательно испортил отношения с великим князем.

Здесь нельзя не отметить, что по своим убеждениям святитель Серапион был самым последовательным *иосифлянином* (в некоторых отношениях он "превосходил" в этом даже и самого преподобного Иосифа Волоцкого!), и прискорбный разрыв между преподобным и святителем отнюдь не означал противостояния их убеждений. Поэтому горячая защита святителя Серапиона со стороны Вассиана предстает как еще одно выражение его "беспринципности": для борьбы с преподобным Иосифом любые средства и союзники хороши!

Нельзя не признать, что в этой борьбе Вассиан был весьма находчив и хитроумен. Так, в своем "Прении с Иосифом Волоцким" (написанном уже после кончины преподобного) он утверждал свое мнимое "единство" с преподобным Нилом Сорским не столько от себя лично, сколько *устами своего усопшего противника*.

Он "заставил" преподобного Иосифа "обличать" преподобного Нила и себя, Вассиана, совместно, заодно:

"Иосиф. О еже како Нил и его ученик Вассиан похулиша.. в Русской земли чудотворцев...

Вассиан. Сие, Иосифе, лжеши на мя и на моего старца Нила...

Иосиф. О еже како Нил и ученик его Вассиан глаголют и пишут..." и т. п./52/ В упомянутой выше новейшей работе Ю. В. Анхимюка (который, кстати, относится к Вассиану весьма сочувственно) доказано (с опорой на предшествующий анализ А. И. Плигузова), что в Вассиановых

сочинениях "высказывания" преподобного Иосифа отнюдь не представляли собою действительные цитаты; мнимое цитирование это, пишет Ю. В. Анхимюк, только "литературный прием" и даже, как он далее сам определяет, "подложность"/53/, что, надо прямо сказать, гораздо более верно характеризует полемику Вассиана, нежели слово "прием".

Приписывание Иосифу Волоцкому обвинений в адрес Нила Сорского нужно было Вассиану для компрометации преподобного, который будто бы злобно обличал всеми чтимого святого старца. О действительном же отношении Иосифа к Нилу ясно говорят хотя бы следующие факты.

Во-первых, преподобный Иосиф написал часть своего "Просветителя" на основе одного из сочинений Нила Сорского/54/; далее, как недавно точно установлено, в библиотеке Иосифова Волоколамского монастыря сочинений Нила Сорского хранилось *ненамного меньше*, чем сочинений самого Иосифа Волоцкого/55/; наконец, ближайшие ученики преподобного Иосифа, Нил Полев и Дионисий Звенигородский в 1500-х годах отправились к преподобному Нилу Сорскому, создали поблизости свои скиты, долго пребывали здесь, а возвратившийся (уже после кончины преподобного Нила) к преподобному Иосифу Нил Полев привез с собой целый ряд рукописей Нила Сорского/56/.

Нельзя не сказать и о том, что кроме заведомо *подложных* "сведений" Вассиана, мы располагаем известиями о всего лишь одном случае спора между преподобными Иосифом и Нилом - об их противоречивших друг другу выступлениях на церковном Соборе 1503 года. Но даже и эти сведения не могут быть признаны достоверными. Они содержатся в *позднейших*, отделенных от времени Собора несколькими десятилетиями источниках. Так, в известном "Письме о нелюбках", относящемся к 1530 или даже 1540-м годам, сообщалось, что Нил Сорский, прибывший на собор 1503 года вместе со своим учителем, Паисием Ярославовым,

выступил с решительным протестом против монастырских сел, а затем его резко оспорил в своем выступлении Иосиф Волоцкий/57/.

Недостоверность этого сообщения выявляется уже в том, что Паисий, как точно установлено, скончался до Собора. Далее, согласно более раннему и потому более достоверному источнику, "Слову иному", преподобный Нил не держал речь на соборе (такая речь, кстати сказать, явно не соответствовала самому стилю его поведения), а только высказал свое мнение в беседах с Иваном III: "Приходит же к великому князю и Нил, чернец з Белаозера, высокий житием словый сый, и Денис, чернец Каменский, и глаголют великому князю: "Не достоит чернцем сел имети".

Открывший и опубликовавший "Слово иное" Ю. К. Бегунов писал, что в этом раннем, близком к самому событию источнике "ничего не говорится ни о полемике между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, ни о выступлении последнего".

Согласно "Слову иному", основные споры на соборных заседаниях развертываются не между "нестяжателями" и "иосифянами", а между великим князем Иваном III и соборным большинством во главе с митрополитом Симоном... Против предложения о секуляризации* решительно выступило большинство присутствовавшего на соборе духовенства. Автор "Слова иного" на первом месте называет Серапиона, игумена Троице-Сергиева монастыря (в будущем оказавшегося в распри с преподобным Иосифом. - В. К.). ... особенно подчеркивает значительную роль игумена Серапиона в деле сплочения соборного большинства против секуляризаторских намерений великого князя...

* То есть превращения церковной собственности в светскую

Вскоре и архиепископ Новгородский Геннадий (второе после Митрополита лицо в церковной иерархии - В. К.) начал говорить "противу великого князя" о церковных землях по наущению митрополита Симона. Речь Геннадия была решительно остановлена Иваном III /59/ - то есть особенно ему досадила, и не прошло и года, как святитель Геннадий был сведен со своей кафедры, а, по убеждению А. А. Зимина, известное "обвинение Геннадия в "мздоимании" лишь предлог, чтобы с ним расправиться"/60/. В упомянутом выше позднейшем "Письме о нелюбках" дана совершенно неправдоподобная картина собора 1503 года, (хотя целый ряд авторов использует ее и поныне как достоверную).

Согласно "Письму", не Иван III, а Нил Сорский требует отъятия монастырских сел, и с другой стороны, возражает на это не сонм иерархов во главе с Митрополитом, а один только волоколамский игумен.

Выше уже шла речь о том, что преподобный Нил Сорский никак не мог предлагать программу *отъятия* монастырских сел. Р. Г. Скрынников недавно с полным основанием писал (допуская, правда, что Нил Сорский вместе с Дионисием Каменским действительно держали речь на соборе, хотя это и маловероятно): "Нил и Дионисий отнюдь не предлагали насильственно изымать вотчины у монастырей.

Они ставили вопрос в моральной плоскости: достойно или недостойно для иноков владеть вотчинами..." и "никогда не выступали в пользу секуляризации - насильственного вторжения государства в сферу имущественных прав Церкви. Речь Нила клонила к тому, чтобы убедить монахов добровольно отказаться от "сел"... Только на этом пути христианского самоотречения иноки и могли спасти себя./61/

Последняя формулировка, впрочем, едва ли точна. В глазах преподобного Нила полное "нестязательство" иноков (то есть отказ не только от *личной* собственности - что было обязательным и с точки зрения преподобного Иосифа, - но и от "*коллективной*" собственности монастыря в целом) являло так сказать, *наилучшее* (по убеждению Нила Сорского) условие

истинного пути. Но в то же время преподобный Нил не считал, что нельзя "спасаться" в стенах таких богатых монастырей, как Троице-Сергиев, Соловецкий и, конечно, Иосифов Волоколамский. Мнение, согласно которому преподобный Нил вообще "противостоял" монастырям, нелепо уже хотя бы потому, что, как пишет наиболее основательный исследователь его пути Г. М. Прохоров, Нил Сорский "ограничил прием в скит требованием, чтобы человек предварительно прошел выучку в общежительном монастыре (в ските никого не постригали)". Сам этот порядок неоспоримо свидетельствует, что преподобный Нил отнюдь не "отрицал" иной путь; он полагал только, что избранный им путь - наиболее плодотворный (а такое убеждение естественно для любого самобытного деятеля). И "вообще, - заключает Г.М. Прохоров, - путь борьбы за исправление пороков окружающего его общества, даже общества монашеского, был чужд Нилу Сорскому", - хотя, конечно, он придерживался мнения, что в условиях монастыря, "ведущего большое хозяйство" (как те же Троице-Сергиев, Иосифов Волоколамский, Соловецкий), жизнь оказывается "рассеивающей внимание и рождающей страсти"/62/.

Но отсюда не возникал и не мог возникнуть тот острый конфликт, который пытались и пытаются выискать во взаимоотношениях Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Поэтому крайне сомнительна версия о резком столкновении преподобных на Соборе 1503 года.

Что же касается характерного для позднейших источников превращения всего этого собора в спор между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, оно, без сомнения, объясняется совершившимся к тому времени наивысшим признанием преподобных ("также светила" - сказано о них в том же самом "Письме о нелюбках"), личности которых как бы затмевали все остальное.

Не исключено, что преподобные присутствовали на Соборе, и, может быть, сказали свое слово (правда, часть историков, как и А. А. Зимин,

сильно сомневаются даже в том, что Иосиф Волоцкий держал речь/63/, а "Слово иное" сообщает только о *беседе* Нила Сорского с Иваном III, причем, последний, возможно, использовал затем высказывания преподобного о нежелательности монастырских сел в своих - чуждых преподобному - секуляризаторских интересах). Однако при всех возможных оговорках у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований полагать, что на соборе 1503 года имела место "борьба" преподобных Нила и Иосифа. Версия об их столкновении, изложенная в "Письме о нелюбках", родилась, скорее всего, под воздействием "подложных" псевдоцитат в широко распространяемых сочинениях Вассиана (преподобный Иосиф сообщал, что Вассиан "рассылает... послания"); ведь весь дальнейший (после сообщения о Соборе 1503 г.) рассказ "Письма" посвящен целой цепи столкновений Иосифа Волоцкого не с Нилом Сорским, а с Вассианом. И представление о том, что первоначально конфликт, обрисованный в "Письме", представлял собой столкновение между преподобными Иосифом и Нилом, было, скорее всего, внушено автору "Письма" лживыми сочинениями Вассиана.

* * *

Обратимся теперь к наиболее "острой" стороне вопроса о преподобных Иосифе и Ниле - их отношении к ереси жидовствующих. Ересь, как известно, была обнаружена в 1487 году архиепископом Новгородским святителем Геннадием. После достаточно длительного изучения ереси, в конце 1488 или в начале 1489 года он отправляет послание своему единомышленнику, жившему вблизи Нилова скита, в Фераполтовом монастыре Иоасафу (до 1488 года - архиепископу Ростовскому и Ярославскому) с просьбой привлечь к расследованию ереси Паисия Ярославова и Нила Сорского. Либеральные публицисты XIX века, воспользовавшись скудостью сведений о преподобном Ниле (в частности, отсутствием известий о *прямом* его отклике на послание святителя

Геннадия), утверждали, что он-де отказался от какого-либо участия в борьбе с ересью. Эта выдуманная версия постоянно повторяется до сих пор.

Между тем еще в 1950-х годах Я. С. Лурье, который не склонен "идеализировать" (с либеральной точки зрения) не только преподобного Иосифа, но и любых правоверных деятелей Церкви, показал, что имеющиеся в распоряжении историков достоверные сведения об участии преподобного Нила в борьбе с ересью весьма и весьма значительны: I. Святитель Геннадий предлагал в своем послании снабдить Нила Сорского необходимыми для его задачи книгами, и книги вскоре начали отправляться из Новгорода. II. В своем "Предании", составленном, по всей вероятности, в то же время, преподобный Нил недвусмысленно написал: "еретическая учения и предания вся проклиная яз и сущии со мною"/65/. III. В 1490 году преподобный Нил вместе с Паисием Ярославским участвует и в противоеретическом Соборе в Москве, и нет ровно никаких оснований полагать, что он оспаривал решения Собора. IV. Преподобный Нил сам написал определенную часть "Просветителя" (то есть "Сказания о новоявившейся ереси"), основным автором которого был преподобный Иосиф Волоцкий/66/. К этому надо добавить, что, как установлено позднее Г. М. Прохоровым, преподобный Нил *собственноручно переписал* около половины глав ("слов") "Сказания о новоявившейся ереси"/67/. Кстати сказать, Я. С. Лурье комментировал - и вполне обоснованно - открытие Г. М. Прохорова так: "... Нил Сорский в начале XVI века никак писцом не был. Готовность Нила взяться за перо, чтобы изготовить парадный список "Просветителя", свидетельствует о том, что книга эта была ему *близка и дорога*"/68/.

Итак, едва ли возможно отрицать прямое участие преподобного Нила в борьбе с ересью, хотя, конечно, его роль была менее значительной, чем святителя Геннадия и преподобного Иосифа, которого, как и Нила Сорского, призвал к этой борьбе архиепископ Новгородский (в "Житии

Иосифа Волоцкого", написанном Саввой Черным, сообщено: "И возвестиша архиепископ сие зло игумену Иосифу и просит помощи..."(69/).

Правда, даже и признавая сам факт участия преподобного Нила в борьбе с ересью, нередко при этом категорически утверждают, что де Нил Сорский был принципиальным противником казни еретиков. Между тем преподобный, как уже сказано, переписывал Иосифов "Просветитель", где достаточно ясно выражена мысль об уместности или даже необходимости казни еретиков, и к тому же начал это переписывание, вероятней всего, уже после казней (ибо текст, который Нил Сорский переписывал, был готов в целом лишь незадолго до осудившего еретиков Собора 1504 года).

Поэтому те современные авторы, которые отрицательно - или даже крайне отрицательно - относятся к преподобному Иосифу прежде всего (а подчас и только) потому, что он был сторонником казни еретиков, должны, будучи последовательными, относиться так же и к преподобному Нилу...

Для того, чтобы прийти к истинному пониманию сути дела, необходимо четко уяснить себе само явление *казни еретиков* - то есть предания смерти людей, которые не совершили *преступлений* в точном, собственном смысле этого слова и были лишены жизни за выражаемые ими враждебные духовным устоям существующего общества идеи и за неприемлемое для этих устоев поведение (что было присуще и еретикам на Руси конца XV века, кощунственно искажавшим церковные обряды).

Ясно, что в *современном* мире казнь еретиков (как и вообще любых "инакомыслящих") воспринимается в качестве заведомо недопустимого и дикого, всецело бесчеловечного акта, который сам предстает теперь как тяжкое преступление. Но нельзя не учитывать, что в свое время еретики были в глазах борющихся с ними людей прямыми, реальными воплощениями *сатанинского* начала, откровенными врагами самого Бога

(именно в силу представления об их одержимости дьяволом еретиков считали нужным *сжигать* на кострах, ибо иные способы убийства как бы не могли уничтожить поселившийся в еретиках сатанинский дух).

Тем не менее очень многие люди никак не склонны с этим считаться и не могут хоть в какой-то мере "оправдать" те столь далекие от нашего времени казни, хоть в каком-либо смысле "примириться" с ними. Более того, с этими казнями не могло примириться и множество вполне правоверных *современников* - людей начала XVI века! Преподобный Иосиф Волоцкий свидетельствовал об отношении к еретикам после их осуждения (он называет здесь еретиков "*отступниками*" - то есть отступившими от Христа); "... ныне, егда осудиша их на смерть, то христиане православнии скорбят и тужат, и помощи руку подавают, и глаголют, яко подобает сих сподобити милости"/70/.

Именно в отказе от *милости* и обвиняют сегодня, - как и полтысячелетия назад, - преподобного Иосифа Волоцкого. Но совершенно необходимо *осознать* (хотя такое осознание очень редко имеет место), что в этом обвинении отражаются особенные, специфически *русские* чувство и воля (или, пользуясь модным словечком, "менталитет"), почти не присущие, например, людям Западной Европы.

Обратимся хотя бы к фигуре одного из высочайших "учителей" (это его высокий титул) католической Церкви - Фомы Аквинского (1225-1274). Он начал свою деятельность вскоре после возникновения в 1235 году инквизиции ("Святой инквизиции"), стал высшим авторитетом монашеского ордена доминиканцев, взявшего инквизиционное дело в свои руки, и в главном своем сочинении "Сумма теологии" дал хитроумное и весьма "убеждающее" обоснование абсолютной *необходимости казней* еретиков:

"Извращать религию, от которой зависит жизнь вечная, гораздо более тяжкое преступление, чем подделывать монету, которая служит для удовлетворения потребностей временной жизни. Следовательно, если

фальшивомонетчиков, как и других злодеев, светские государи справедливо наказывают смертью, еще справедливее казнить еретиков... Ибо, как говорит св. Иероним, гниющие члены должны быть отсечены, а паршивая овца удалена из стада, чтобы весь дом, все тело и все стадо не подвергались заразе, порче, загниванию и гибели. Арий был в Александрии лишь искрой. Однако не потушенная сразу, эта искра подожгла весь мир"/71/.

Фома Аквинский имел в виду, что один из известнейших в истории Церкви еретиков, Арий, был на Первом Вселенском соборе 325 года осужден не на казнь, а на изгнание и впоследствии сумел привлечь к себе множество сторонников, в результате чего арианская ересь (кстати сказать, в ряде моментов близкая той ереси, с которой боролся преподобный Иосиф Волоцкий, о чем мы еще будем говорить) широко распространилась и просуществовала более трех столетий.

Руководствуясь "концепцией" Фомы Аквинского, "Святая инквизиция" с XIII по XIX век отправила на костер десятки тысяч еретиков (последние инквизиторские казни состоялись в 1826 (!) году, но, конечно, подавляющее большинство еретиков было казнено в более ранние времена); одна только испанская инквизиция сожгла, согласно наиболее достоверным подсчетам, 28540 еретиков/72/... И тем не менее святой Фома Аквинский всегда был и остается объектом всеобщего и безусловного поклонения; ему вообще не предъявляются обвинения, подобные тем, которые и в прошлом, и теперь обращают (нередко с крайней резкостью) к имени преподобного Иосифа Волоцкого, который - как и Фома Аквинский - дал обоснование казни еретиков.

И выходит, что девять казненных на Руси в 1504 году еретиков/73/ как бы гораздо тяжелее на чаше нравственных весов, нежели десятки тысяч казненных по "благословению" Фомы Аквинского.

Речь идет отнюдь не о предложении отказаться от непререкаемого русского неприятия казни еретиков вообще; это и невозможно, и

совершенно нежелательно, ибо перед нами по-своему истинно прекрасное национальное качество. Речь совсем о другом - об объективном осознании самого этого качества, осознании, которое даст возможность понять, что казни еретиков - это одно из проявлений трагического несовершенства мира в его целом (к тому же выразившееся на Руси XVI века в неизмеримо меньших масштабах, чем в тогдашней Западной Европе), а не порождение "злой" воли русской Церкви или отдельных ее деятелей.

Нельзя не учитывать, в частности, и тот давно установленный факт, что в самом своем решении призвать к казни еретиков святитель Геннадий, первым начавший борьбу с ересью, опирался на известия о "деятельности" испанской инквизиции и, по всей вероятности, без такой опоры казни еретиков на Руси вообще не состоялись бы...

Для того, чтобы полнее уяснить сам феномен русского сознания, о котором идет речь, целесообразно напомнить о том, как это сознание превратило в будто бы совершенно уникального, не имеющего себе равных в мире тирана и палача Ивана IV Грозного (притом, превратило в глазах не только России, но и Запада!); между тем, английские, испанские и французские короли того же XVI века отправили на казнь в *сто раз* больше людей, чем наш грозный царь/74/.

* * *

Теперь необходимо хотя бы кратко сказать о самой ереси, с которой боролись преподобные Иосиф и Нил. Это достаточно сложное явление, и характеризовать его здесь во всех его аспектах невозможно. К тому же существует ряд работ, в которых более или менее верно и полно охарактеризована эта ересь. Здесь следует назвать содержательный раздел "Ересь жидовствующих" в трактате А. В. Карташева и замечательное - пусть и в некоторых моментах спорное - исследование

Г. М. Прохорова/75/; в последние годы появилось несколько уточняющих те или иные стороны проблемы работ/76/.

Но о самом “основоположнике” ереси, - о не раз упомянутом в сочинениях преподобного Иосифа “Схарии”, - рассказать целесообразно, ибо очень часто сведения о нем, излагаемые в популярной литературе, неверны или смутны. А между тем его воздействие на новгородских священников и, возможно, на таких людей, как посольский дьяк Федор Курицын, невестка (жена сына) Ивана III Елена и на самого великого князя, с которым “ересиарх” в течении многих лет вел переписку, было весьма и весьма значительным. Все говорит о том, что это был по-своему “выдающийся” человек. Сведения о нем собраны в ряде исследований, на которые и опирается дальнейшее изложение.

Как уже сообщалось, “ересиарх” был сыном знатного и богатого итальянца - конкретно, генуэзца - Винченцо де Гизольфи. Семья Гизольфи, занимавшаяся крупной торговлей и в то же время привычная к владению оружием, еще с XIII века самым энергичным образом действовала на побережье Черного моря - в так называемых “генуэзских колониях”. В моем уже упоминавшемся сочинении о Куликовской битве показано, что обосновавшиеся с XIII века в Крыму генуэзцы сыграли если не решающую, то уж, без сомнения, громадную роль в организации нашествия Мамая на Русь (на Куликово поле, как известно, явилась и собственно генуэзская пехота). И можно видеть своего рода историческую “эстафету” в том, что спустя девяносто лет после 1380 года выходец из влиятельной генуэзской семьи, Заккария-Схария, осуществил “идеологическую диверсию” на Руси. Правда, он был уже, так сказать, не только генуэзец. В письмах (“грамотах”) Ивана III он именуется и “фрязином” (то есть, по-древнерусски, итальянцем), и “черкасином”, и “евреянином”, и “жидовином”, и еще “таманским князем”. И все эти - столь разные - наименования были отнюдь не безосновательны.

Отец Заккарии, Винченцо, вел свои дела, - по-видимому, главным образом торговые - в генуэзской "колонии" Матрега на Таманском полуострове. И в 1419 году, как уже сказано, вступил в брак с черкесской (черкесы населяли тогда Таманский полуостров) княжной Бике-ханум; в результате его сын Заккария обрел титул и положение "князя Таманского".

Далее, необходимо учитывать, что в свое время, в IX-X веках, Матрега, именовавшаяся тогда Самкерц, была одним из важнейших городов иудейского Хазарского каганата, и к тому же князь Святослав, разгромивший другие центры враждебного Руси каганата, по каким-то причинам не захватил Самкерц,* и его иудейское население уцелело; в исторических источниках есть сведения о его весьма существенной роли на Таманском полуострове вплоть до времени Заккария Гизольфи.

При нем здесь побывал итальянский путешественник Джордже Интериано, который, говоря о черкесах-зихах как о христианском народе (они были крещены еще в VIII веке византийской Церковью), вместе с тем отметил, что зихи, когда "случается необходимость написать к кому-нибудь", подчас "поручают это дело евреям", выступавшим, следовательно, как наиболее "культурная" часть таманского населения./79/.

Среди таманских евреев имелись, надо думать, потомки правящих верхов иудейской империи - Хазарского каганата, - люди многознающие, сохранившие национально-религиозную память. По всей вероятности, "князь таманский" Заккария был тесно связан с этими людьми своего княжества и так или иначе воспринял их знания и верования; в противном случае было бы непонятно, почему Иван III в своих "грамотах" именовал этого полуйтальянца-получеркеса (зиха) "евреянином" и "жидовином".

* В некоторых сочинениях бесосновательно утверждается обратное.

Кстати сказать, в 1488 году некий инок Савва в послании близко знакомому ему тогдашнему “дипломату” Дмитрию Шеину, встречавшемуся в Крыму с Заккарией, призывал не доверять никаким словам последнего: “...аще (если) человек будет добр и украшен всеми добродетельми и примесит к ним мало нечто жидовского... то все его житье непотребно пред Богом и человеки, и Бог не стерпит ему и обличит его, яко же и новгородских попов, учение жидовское приемшим. ...И я, господине Дмитрий, молюся тебе: что еси от него (Заккарии - В.К.) слышил словеса добры или худы, то, пожалуй, господине, отложи их от сердца своего и от уст твоих, яко же некоторое скаредие (скверну); несть с ними Бога..”/80/

Как уже сказано, о “ереси жидовствующих” впервые (насколько нам известно) - сказал в одном из своих посланий архиепископ Новгородский святитель Геннадий. Но вот уже в следующем, 1488-м, году инок Савва (о котором мы ничего не знаем - кроме сохранившегося текста его послания Д.В. Шеину) осознает опасность Заккарии и подпавших под его влияние “новгородских попов” для Православия.

Важно отметить, что Савва, по-видимому, не считал Заккарию носителем иудейской религии как таковой: тот, по его словам, только “примесил... мало нечто жидовского”. И хотя, по сведениям преподобного Иосифа, к проповеди Заккария-Схарии в Новгороде присоединились “ортодоксальные” иудеи (как говорится в Иосифовом “Сказании о новоявившейся ереси”, в Новгород “потом же придоша из Литвы инии жидове, им же имена Иосиф Шмойло Скаравей, Мосей Хануш”) “ересь” все же не являлась иудейством в прямом смысле этого слова.

Имеющаяся в различных источниках “информация” дает основания для вывода, что князь Таманский Заккария, этот полунитальянец-получеркес, был человеком, обладавшим самой “современной” и многообразной тогдашней образованностью, почерпнутой и с Запада, и с Востока. Как

полагает Г.М.Прохоров, Закараря “знал итальянский, черкесский, русский, латинский (на латыни написана его сохранившаяся грамота Ивану III), татарский, еврейский (богослужебный) языки.

Он появился в Новгороде (в 1470 году. - В.К.) молодым,* образованным и богатым аристократом с большими международными связями”. Следует добавить: не только аристократом, но и главой государства - пусть малого, но имевшего немалое геополитическое значение, поскольку Таманский полуостров был узловым пунктом на одном из важных путей из Европы в Азию; правда, в 1482 году полуостров захватили турки, и Закараря был лишен власти, но он все же как бы сохранял “ранг” главы государства.

Г.М. Прохоров говорит далее: “Та готовность принять Захарию на службу и настойчивость, с какой великий князь Иван III в период покровительства жидовствующим его приглашал (начиная с 1483 по 1500 г.) показывает, что князь достаточно слышал об этом человеке. Захария просил Ивана III позволить ему переселиться в Москву после подчинения турками Тамани (1482 г.), но в конце концов осел в Крыму при дворе Менгли-Гирея” (хана Крымского)./81/.

Не исключено, что Закараря, - несмотря на лестные предложения Ивана III, - не решился прибыть в Москву, ибо до него дошли известия о борьбе против “ереси”, которую он пропагандировал в 1470-1471 годах в Новгороде...

Следует напомнить, что князь Таманский в свое время был тесно связан с главой другого причерноморского государства, Великого княжества Молдавского - “господарем” (в 1457-1504 годах) Штефаном Великим (правда, позднее они оказались во враждебных отношениях), посещал Молдавию* и, вполне возможно, оказал воздействие на дочь Штефана,

* Это ошибка: Г.М. Прохоров исходил из сведений, согласно которым брак отца Закараря с черкесской княжной состоялся в 1448 году; но, как позднее было установлено, это произошло почти на тридцать лет раньше, в 1419-м.

Елену “Волошанку”, которая в начале 1483 года стала супругой сына Ивана III, наследника русского престола Ивана “Молодого” и была одной из главных фигур “ереси”. С другой стороны, ближайший сподвижник Ивана III, посольский дьяк Федор Курицын, который явился едва ли ни основным лидером “ереси”, находился (о чем уже сказано) в 1482-1486 годах в Причерноморье и вполне мог познакомиться с князем Таманским.

Если это действительно так, становятся всецело понятными тот длительный живейший интерес к Заккарии и то настоятельное стремление привлечь его в Москву, которые проявил Иван III; все объясняется действием названных двух ближайших к великому князю лиц, ставших “последователями” Заккарии.

Как уже говорилось, Заккария проповедовал не “ортодоксальный” иудаизм (хотя соответствующая “закваска” имела место). Да и едва ли иудаизм как таковой мог “увлечь” целый ряд русских людей, начиная с самого великого князя. В частности, преподобный Иосиф писал в своем “Сказании...”, что Схария “изучен всякому злодейства изобретению, чародейству и чернокнижию, звездозаконию же и астрологы”^{82/}. Речь идет, очевидно, не об иудаизме в собственном смысле слова, а о так называемых оккультных и эзотерических “учениях”, особенно активно развивавшихся с XIV века и причудливо сочетавших в себе мистику и рационализм, элементы язычества и лжетолкований Христианства, отголоски религий античной Европы и Древнего Востока и т.п.*

И на Руси, не знакомой еще с такого рода “веяниями”, рассуждения Заккарии-Схарии могли, увы, восприниматься как “новое” понимание мира и человека, “превосходящее” по своим возможностям родное Православие...

* Кстати сказать, Заккария в 1470 году прибыл в Новгород со своей “еретической миссией” вместе с литовским князем Михаилом Олельковичем, который был родным братом супруги Стефана Великого, Евдокии Олельковны. Едва ли это можно считать случайностью; Стефан, вероятно, “рекомендовал” Заккарию своему шурина.

К прискорбию, это своего рода затмение испытали тогда умы и души людей, принадлежавших к самому верхнему слою государственной и церковной власти... Нельзя не отметить, что еще совсем недавно любые авторы "либерального" умонастроения, как правило, стремились "оправдать" еретиков. Но сегодня положение явно изменилось. Так, уже упомянутый "либеральный" публицист Андрей Зубов говорит на страницах московского (также "либерального") "Континента", что ересь жидовствующих даже "затруднительно" называть "ересью": "Здесь не столько инакомыслие в сфере христианской веры, сколько полное ее отвержение, неприятие Нового Завета, непризнание Иисуса Мессией, убеждение, что единственно авторитетен Ветхий Завет. Иудаизм, смешанный с астрологией и обрывками проникших из ренессансных обществ Запада натурфилософских учений..." и т. п. И далее А. Зубов сообщает, что ересь "поразила...высшее белое духовенство крупнейших городов Русского царства, монашество, светскую интеллигенцию, придворные сферы, вплоть до самого великого князя и его ближайших сродников"/83/. Но констатируя это, А. Зубов - как, впрочем, и большинство других авторов, - явно не отдает себе полного отчета в том, о чём он, собственно, сообщает. Ведь, как уже было показано выше, дело с очевидностью шло к тому, что само *Христианство*, 500 лет определявшее судьбу Руси* должно было превратиться по сути дела в "ересь" (!), от которой отказались и великий князь со своим ближайшим окружением и влиятельные церковные иерархи...Недостаточно обращается внимание на тот факт, что заведомой еретичкой или вернее, *отступницей* от Православия была Елена Волошанка - жена (с1483 года) старшего сына великого князя, наследника престола Ивана Молодого и мать родившегося в конце 1483 года Дмитрия, который после смерти (в

* Хорошо известно, что нечто подобное достаточно широко распространяется в России и сегодня.

1490 году) отца был провозглашен наследником престола. Если бы Иван III не переменил своего решения, после его смерти (в 1505 году) на русский престол взошел бы воспитанный Еленой Дмитрией...

Но вернемся к самому феномену ереси. А. Зубов полагает, что ее и нельзя назвать ересью, ибо она означала полное отступление от христианства. Не будем забывать, что преподобный Иосиф в своих сочинениях говорит не столько об "еретиках", сколько именно об "отступниках". Но слово "ересь" в своем прямом значении дезориентирует и в другом чрезвычайно существенном отношении. Ведь те ереси, с которыми боролась инквизиция в Западной Европе, захватывали обычно только те или иные отдельные слои населения, а на Руси рубежа XV-XVI веков дело шло о еретическом захвате высшей государственной власти и верхов Церкви...

Еретиков как таковых было, очевидно, не столь уж много, но они находились на самых вершинах государственной и даже церковной иерархии, и их воздействие проявлялось в тогдашней русской жизни в целом, - о чем свидетельствовал преподобный Иосиф: "...ныне же и в домех, и на путех, и на торжищих иноци и мирьстии и вси сомнятся, вси о вере пытаются... Поистине, приде отступление" - отступление от Христа/84/...

Между тем большинство популярных сочинений, в которых так или иначе характеризуется эта "ересь", внушает абсолютно ложное представление о некоем "кружке" вольнодумцев, погруженных в свои "прогрессивные" искания, - кружке, который, мол, так неоправданно беспощадно обвиняли "злые" архиепископ Геннадий и игумен Иосиф... Речь же шла о том, чтобы удержать Русь от полного слома ее полутысячелетнего бытия, - слома, который, без сомнения, привел бы к катастрофическим последствиям.

Я. С. Лурье в своем новейшем сочинении о "ереси" достаточно объективно характеризует ситуацию 1490-х годов: "Геннадий

(Новгородский - В. К.) писал митрополиту и Собору епископов, что еретическая "беда" началась с приезда Курицына "из Угорские земли" (по дороге в Москву он, возможно, встретился со Схарией - В.К.), что еретики собираются у Курицына, что "он-то у них печальник (покровитель)" и "начальник", "а о государственной чести попечения не имеет". Никакого влияния эти заявления не имели, никаких доносов на своего дядя великий князь не принимал. Мало того: спустя некоторое время обличители ереси смогли убедиться, что поставленный в 1490 году на митрополию... Зосима им вовсе не союзник. Напротив, вслед за великокняжеским дьяком и митрополит стал покровительствовать... вольнодумцам... В послании суздальскому епископу Нифонту, иерарху, на которого он еще считал возможным надеяться..., Иосиф Волоцкий писал, что еретики "не выходят и спят" у митрополита.. Но жалобы на митрополита мало помогали... "начальник" еретиков оставался неуязвимым. "Того бо державный во всем послушаше" (ибо его князь во всем слушался), - написал о Федоре Курицыне... Иосиф Волоцкий пятнадцать лет спустя... А в 90-х годах бороться с Курицыным было обличителям и совсем не по силам... Звезда Федора Васильевича и вправду была в зените. Все сношения с иностранными государствами происходили при его участии... В милость попал и брат Федора - Иван-Волк, перенявший у старшего брата его склонность к религиозному свободомыслию и дипломатические таланты".

И уже открыто ставился вопрос: "Не следует ли русскому государю вовсе уничтожить монастыри? Расстановка сил на великокняжеском дворе также не сулила, - продолжает Я. С. Лурье, - ничего доброго Иосифу Волоцкому и его сторонникам... Дмитрий, сын еретички Елены

* Преподобный Иосиф писал в своём послании Василию III: "Русская великая земля, иже пятьсот лет пребысть в православной вере христианстей..." (Послания Иосифа Волоцкого... с.231)

Стефановны, был объявлен великим князем... В 1494 году противникам митрополита-вольнодумца Зосимы удалось добиться его отставки (она произошла как раз в то время, когда Курицын находился за рубежом). Но поставленный на место Зосимы новый митрополит Симон не оправдал надежд врагов ереси. В 1498 году он благословил венчание Дмитрия шапкой Мономаха, а в следующем году... был нанесен удар самому... Геннадию новгородскому, великий князь забрал у него монастырские и церковные земли. Курицын мог надеяться: еще немного, и великий князь осуществит церковные (вернее, антицерковные! - В. К.) реформы"/85/.

Все это ясно показывает, что длившаяся более полутора десятилетия борьба святителя Геннадия и преподобного Иосифа была поистине героической и вместе с тем подлинно трагедийной, - ибо приходилось в сущности бороться со своей собственной государственной властью и собственной церковной иерархией!

Говоря об этом противостоянии государству и, конечно, его главе - великому князю, нельзя обойти еще одно "обвинение", которое постоянно предъявляют преподобному Иосифу - что он - де стремился подчинить Церковь государству и даже, мол, добился этого. Как без всяких доказательств заявлял Георгий Федотов, "осифляне... работают над укреплением самодержавия и добровольно отдают под его попечение... всю Русскую Церковь"/86/.

Что касается самого преподобного Иосифа, то по меньшей мере странно видеть в нем ревностного слугу "самодержавия", ибо, будучи в продолжении почти 36 лет (с 1479 по 1515 год) игуменом монастыря, 29 лет из них он находился в достаточно существенном и очевидном конфликте с "самодержцами", и только семь лет - с 1502 по 1509 год - в союзе с ними. Он исповедовал убеждение, что *священство* выше *царства*, и применяемое к нему с 1930-х годов вульгаризаторское обозначение "воинствующий церковник" все же более соответствует истине, нежели причисление его к апологетам "самодержавия". Здесь

уместно еще раз сослаться на работу противника преподобного - Я. С. Лурье, который все же основательно доказывает, что действительными сторонниками *неограниченной* власти самодержца были как раз главные *враги* преподобного Иосифа - Федор Курицын и Вассиан Патрикеев, которых по словам Я. С. Лурье "сближало... стремление провести задуманные преобразования сверху, путем чудодейственного подчинения государственной власти своим планам". Добиться всемерного "укрепления самодержавия" - именно такова была цель "Курицына, Вассиана и других *близких к власти лиц*". Этим они, в частности, и "покоряли" Ивана III, а затем и его сына.

Между тем преподобный Иосиф никогда не пытался добиться реальной "близости" к власти (в отличие от курицыных и патрикеевых) или хотя бы занять высокое положение в Церкви. Он все силы отдавал созиданию своего монастыря - как одного из воплощений священства на земле. Его младший брат Вассиан, как уже сказано, еще при его жизни стал архиепископом Ростовским, а два племянника - епископами, но нельзя даже представить себе стремление преподобного Иосифа подняться по ступеням церковной иерархии; в этом отношении он, несомненно, следовал завету преподобного Сергия, никогда не имевшего намерений оставить свою обитель.

Мне могут, впрочем, возразить, что Георгий Федотов в цитированной фразе обвинил в "капитуляции" перед государством и самодержцами не самого преподобного, а иосифлян. Однако к *верным* последователям преподобного Иосифа это также неприменимо. Недоброжелатели иосифлян (в том числе и Георгий Федотов) высоко превозносят тех деятелей Церкви, которые самоотверженно воспротивились введению опричнины Иваном Грозным, но при этом, как ни нелепо, "не замечают", кто же именно выступал тогда против царя!

В 1542-1563 годах митрополитом был самый доподлинный *иосифлянин* Макарий и, как показывает в новейшей работе Р. Г. Скрынников, он

многократно добивался, чтобы власть Ивана Грозного "не приводила к кровавым эксцессам"/87/. Сменивший Макария на посту митрополита ближайший его ученик Афанасий пытался продолжать сопротивление, но он не имел авторитета своего предшественника, и через год царь учредил опричнину. Тогда Афанасий молча сложил с себя сан Митрополита и удалился в монастырь.

Следующий митрополит, святитель Герман Полев принадлежал к знаменитой "иосифлянской" семье. И всего через два дня после своего переезда на митрополичий двор он предложил царю уничтожить опричнину и при этом "грозил страшным судом". Царь отставил непримиримого иосифлянина, и 25 июля 1566 года митрополитом стал игумен Соловецкого монастыря святитель Филипп.

Георгий Федотов, написавший о нем восторженную книгу, попросту *умалчивает* о том, что святитель Филипп был, вне всякого сомнения, верным иосифлянином; он пишет только, что Филипп "не был нестяжателем"/89/. И дело здесь не только в том, что Соловецкий монастырь являл собой одну из богатейших обителей, славившуюся своей громадной *хозяйственной* деятельностью. С конца XV века самым авторитетным лицом в монастыре был игумен, а затем "лучший старец" Досифей, избравший своим наставником святителя Геннадия Новгородского; и в 1538 году, еще при жизни или вскоре после кончины Досифея, в Соловецком монастыре постригся будущий святитель Филипп.

Вполне закономерно, что "в Соловецкой библиотеке было пять списков произведений Иосифа Волоцкого" и в том числе "единственный известный в настоящее время составленный при жизни Иосифа Волоцкого список "Просветителя" и "Устава", имеющий вкладную дату 1514 г. и принадлежавший известному писцу Нилу Полеву"/90/. И, конечно же, строй и дух монастыря, в котором Филипп стал иноком, а позднее игуменом, были всецело иосифлянскими.

Святитель Филипп, став Митрополитом, повел самоотверженную борьбу против злодеяний и бесчинств опричнины и самого царя. И в ноябре 1568 года он был низложен, отправлен в заточение и в следующем году убит. В защиту святителя решился выступить только его предшественник иосифлянин Герман Полев, и "через два дня после этого Герман Полев был найден мертвым у себя на московском подворье"/91/.

Все это ясно свидетельствует о заведомой, но все же очень широко распространенной лжи об иосифлянах, которые изображаются в качестве чуть ли не "вдохновителей" опричнины (ложь эта восходит еще к князю Курбскому!). Конечно, и среди иосифлян не все были достойны своего учителя. Но верные его ученики и последователи руководствовались его заветом:

"Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имат царствующая страсти и грехи... таковой царь не Божий слуга, но диаволь"/92/. И тут же преподобный Иосиф прямо завещает своим последователям: "И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претить!"/93/ (угрожает). Святитель Филипп - в чем трудно усомниться - прочитал эти слова в рукописи "Просветителя", хранившейся в Соловецкой библиотеке.

* * *

Наконец, нельзя не затронуть проблему *ценности сочинений* преподобного Иосифа Волоцкого. Давно уже признана - пусть даже и не всеми - безусловная ценность сочинений преподобного Нила Сорского, о котором не так уж редко говорят как о великом и даже гениальном богослове, мыслителе, писателе. Но откровенно тенденциозное отношение к преподобному Иосифу диктует резко "критические" оценки и его воплощенного в слове наследия.

Так, в предисловиях к "Посланиям Иосифа Волоцкого", изданным в 1959 году, категорически заявлено, что "к числу выдающихся писателей

своего времени (даже! - В. К.) Иосиф Волоцкий не принадлежит". Здесь же собраны высказывания различных авторов о том, что-де сочинения преподобного насквозь "компилятивны", состоят из святоотеческих "цитат" и не могут считаться плодом *самостоятельного* творчества/94/.

При этом, как-то ухитряются не замечать, что сочинения преподобного Нила Сорского, которые обычно оценивают достаточно высоко, насыщены "цитатами" в значительно большей мере, чем Иосифовы! А суть дела в том, что такого рода "критики" сочинений преподобного не обладают действительным знанием и, тем более, пониманием самой природы средневекового искусства слова, коренным образом отличающегося от новейшей литературы. Исчерпывающе знающий предмет и наиболее глубокий исследователь культуры средневековья М. М. Бахтин писал:

"Роль чужого слова, *цитаты*, явной и благоговейно подчеркнутой, полускрытой, скрытой, полусознательной, бессознательной, правильной, намеренно искаженной, ненамеренно искаженной, нарочито переосмысленной и т.д. в средневековой литературе была *грандиозной*. Границы между чужой и своей речью были *зыбки*, двусмысленны, часто намеренно извилисты и запутанны. Некоторые виды произведений строились, как *мозаики*, из чужих текстов"/95/.

Но эта "мозаика" вовсе не означала отсутствие или хотя бы ослабленность своего, самобытного смысла. И попытки как-то принизить за излишнюю "цитатность" сочинения преподобного Иосифа (а иногда - и преподобного Нила) свидетельствуют, таким образом, только о недостатке подлинной культуры у "критиков".

Здесь нет места доказывать, что сочинения преподобного Иосифа Волоцкого представляют собой выдающиеся творения русской мысли и слова, но не сомневаюсь, что это будет в ближайшее время сделано. Сейчас В. М. Кириллин занят необходимым (и столь запоздавшим!) делом - творческим переводом Иосифова "Просветителя" на современный

язык и тщательным его комментированием. Осуществление этой задачи, без сомнения, во многом облегчит понимание и истинную оценку наследия преподобного.

В заключение целесообразно остановиться на одной из очень значительных и многое раскрывающих сторон жизни и деятельности преподобного Иосифа Волоцкого. Ныне общепризнано, что он - ближайший друг, наставник и вдохновитель гениального иконописца Дионисия и всей созданной им школы.

Дионисий был, по-видимому, ровесником преподобного Иосифа. Около 1470 года в Пафнутиев Боровский монастырь был приглашен для иконописных работ прославленный мастер Митрофан вместе с ещё молодым Дионисием. Здесь Дионисий сблизился с иночествовавшим в монастыре уже в течение десятка лет преподобным Иосифом, который позднее обратит к нему своё "Послание к иконописцу". В 1480-х годах Дионисий возглавлял иконописную работу в Иосифовом Волоколамском монастыре, где он будет работать и в последний период своей жизни и деятельности - после 1503 года.

В наиболее подробном исследовании, посвященном Дионисию, которое принадлежит видному искусствоведу Г. В. Попову, есть специальный раздел "Дионисий и Иосиф Волоцкий", но, помимо того, имя преподобного присутствует на каждой второй странице этой работы^{96/}. При этом важно отметить, что Г. В. Попов не принадлежит к тем исследователям творчества Дионисия, которые склонны видеть своего рода основу этого творчества в "конкретной" борьбе с ересью и, следовательно, в прямом "повторении" средствами иконописи того, что говорил о ереси преподобный Иосиф Волоцкий.

Конечно, в творениях Дионисия, - особенно в его ферапонтовских фресках, - есть и непосредственные "отклики" на ересь, о чем говорят такие серьезные исследователи, как Г. И. Бочаров и В. П. Выголов,

архимандрит Макарий Веретенников, Н. К. Голейзовский, И. Е. Данилова и др. Но тем не менее Г. В. Попов, надо думать, прав, когда утверждает, что "реакция" Дионисия на ересь, "как представляется, должна быть ограничена сферой эстетической, то есть его деятельностью художника вообще. Творчество мастера отнюдь не подходит под определение иллюстрации общественной борьбы... Ответ Дионисия на острые вопросы современности носил предельно обобщенный и идеализированный характер, что обусловило его исключительную органичность"/97/.

Упрощенный взгляд на искусство может квалифицировать этот "ответ Дионисия" как *уход*, или хотя бы уклонение от прямой борьбы с ересью. В действительности же именно *отдельные* прямые отклики иконописца на ересь (например, указанные И. Е. Даниловой "композиции" в ферапонтовских фресках "Видение брата Леонтия" и "Видение Петра Александрийского", смысл которых "направлен против ереси"/98/) не могут и не должны быть поняты как доказательство действительно глубокого и мощного противостояния еретикам: ведь перед нами именно отдельные отклики, а весь прекрасный и богатейший *мир* ферапонтовских фресок в его целом оказывается как бы непричастным к этому противостоянию.

Существенно следующее суждение Г. В. Попова (к сожалению, им не развитое): "Предположение об отрицательном отношении Дионисия к *иконоборческим* тенденциям внутри еретического движения закономерно" (там же, выделено мною – В. К.) Да, творчество Дионисия во всей его цельности было в сущности *прямым противостоянием* ереси, которая ведь *отрицала* иконопись - как и вообще Православие и его культуру.

И поистине замечательно, что в "Послании иконописцу" преподобный Иосиф Волоцкий, собственно говоря, вовсе не "призывал" Дионисия на "конкретную" борьбу с ересью: он стремился помочь ему во всей глубине понять величие его искусства, - искусства, отрицаемого еретиками,

которые утверждали, что поклоняться иконам - значит, поклоняться бездушным "вещам".

"Пишущие же изображение святых на иконах, - говорит преподобный, - не вещь чтемь, но яко от вещнаго сего зрака възлетает ум наш и мысль к божественному желанию и любви... И сего ради ныне паче подобает поклоняться всечестной иконе человеческого телесе Бога Слова, плотию явльшагося и с человеки в рукотвореных пожити благоизволившаго... Не вещь чтуще, но вид и зрак красоты божественаго оного изображения"/99/.

Размышляя об этом, преподобный Иосиф непосредственно исполнял просьбу Дионисия; обращаясь к нему в начале "Послания" со словами: "възлюбленный мой брате", преподобный писал, что ты, мол, "множицею глагола ми о сем, и от многа времени требуеши от мене слышати слово, в душевную тебе поспевающи ползу"/100/

И это "слово" преподобного представляет собой отнюдь не предложение заняться борьбой, - борьбой, так сказать, *помимо* или *сверх* собственно художественной цели (и тем более вместо нее); напротив, искусство как таковое и есть противостояние ереси, и чем выше искусство, тем победительнее противостояние.

Дионисий, много работавший в 1480-х годах в Москве, в кремлевских соборах, отправился в конце 1490-х годов в Заволжье, в затерянный в лесах Ферапонтов монастырь, из-за гонений или хотя бы помех со стороны влиятельных еретиков, сумевших настроить против него и самого Ивана III.

Хорошо известно (об этом интересно говорит в своих работах и Г. В. Попов), что после 1502 года, когда Иван III начинает отрекаться от еретиков, Дионисий *возвращается* в Москву.

Нельзя недооценивать и еще один аспект дела. Нам неизвестны какие-либо выступления Дионисия против ереси. Однако достоверно известно, что его сын и помощник Феодосий прямо и непосредственно вел борьбу с ересью, действуя рука об руку со своим духовным отцом преподобным

Иосифом. Едва ли можно предполагать, что сын здесь как-то расходился с отцом; скорее уж Дионисий видел в сыне воина, вышедшего на бой и от имени отца.

Но возвратимся к преподобному Иосифу Волоцкому. Его длившееся в течение десятилетий *братство* - возлюбленное братство, как сказано им самим, - с гениальным иконописцем чрезвычайно много о нем говорит. Он вдохновлял Дионисия и делился с ним своими духовными исканиями и в устном, и в письменном слове - чего иконописец ждал и даже - как мы видели - "требовал".

Г. В. Флоровский в своем известном трактате без обиняков утверждает, что-де "при всей своей книжности Иосиф равнодушен к культуре, .."/101/"и делает на этой основе разные горестные умозаключения.. Но ведь искусство Дионисия, без сомнения, самое прекрасное и полнозвучное явление русской культуры времени Иосифа Волоцкого! Можно спорить о ценности творчества самого Иосифа Волоцкого, но о Дионисии спорить нельзя: высшая, непревзойденная ценность его искусства неоспоримо наглядна. Каждый, кто вообще способен воспринимать искусство, оказавшись в Ферапонтовском соборе Рождества Богородицы, признает это. Г. Б. Флоровский заслуживает уважения как мыслитель и исследователь, и в данном случае будем считать, что его подвела недостаточная осведомленность...

И еще одно: сам тот факт, что преподобный Иосиф был в возлюбленном братстве с Дионисием, лишнее доказательство его безусловной *правоты* в его борьбе с ересью.

В заключение решусь выдвинуть с давних пор волнующее меня предположение. Г. В. Попов, характеризуя знаменитую Дионисьеву икону "Дмитрий Прилуцкий", созданную, как он доказывает, в 1503 году, находил в чертах лица преподобного "то, что находили современники в Иосифе Волоцком, рисующие его не изможденным постником, а совершенным представителем идеала красоты: лицом "уподобился

древнему Иосифу" (Прекрасному), с темно-русыми волосами, с округленной, не слишком длинной бородой. Дмитрий сочетает кротость, внутреннее благородство с духовной силой. Аскетизм здесь подменяется строгостью... внутренняя собранность, напряженность"/102/.

Однако все сказанное, как мне представляется, *гораздо более уместно* по отношению к гениальной ферапонтовской фреске Дионисия "Никола", и прежде всего - описание самого *облика* преподобного, почерпнутое Г. В. Поповым из его жития. Между прочим, сам Г. В. Попов говорит здесь же, что образ Дмитрия Прилуцкого "необычайно близок к полуфигуре Николы из конхи Рождественского собора, являясь едва ли не наиболее значительным результатом поисков воплощения характеристики духовного строителя, философа-учителя и практика, хозяйственного организатора"/103/ - то есть в сущности "характеристики" преподобного Иосифа Волоцкого.

Нет оснований отрицать, что, создавая образ преподобного Дмитрия Прилуцкого, Дионисий также вспоминал о своем друге и брате преподобном Иосифе. Но образ Николы (необычайно близкий по "характеру", как утверждает Г. В. Попов, к Дмитрию Прилуцкому), думаю, в гораздо большей мере связан с преподобным Иосифом Волоцким.

В. Т. Георгиевский в своем основополагающем труде "Фрески Ферапонтова монастыря" заметил, что образ Николы, "данный Дионисием, *совсем непохож* на... распространенный в нашей иконописи, который... в тысячах копий был повторен на Руси"/104/.

Г. Н. Бочаров и В. П. Выголов отметили другую весьма существенную сторону дела: "Фрески дьяконника с приделом Николая Чудотворца... *выпадают* из общей росписи храма"/105/ - то есть Дионисий ставил перед собой в создании образа Николы особенную, очень важную для него цель, решившись даже ради нее нарушить единство росписи собора.

Итак, Дионисьев Никола "совсем не похож" на типичные воплощения этого образа, а, с другой стороны, "выпадает" из богатейшей целостности ферапонтовских фресок. Притом, "выпадают" не только монументальная фреска с образом Николы в дьяконнике собора, но и перекликающиеся с ней небольшие фрески: сцена Первого Вселенского собора, в которой, согласно житийному описанию, "святитель Николай, пламеневший ревностью ко Господу, даже зашил лжеучителя"/106/ - то есть еретика Ария; далее, фреска "Видение Петра Александрийского", где этому патриарху явился Христос в ризах, разодранных тем самым Арием, и, наконец, фреска "Арий в темнице".

Арий был для преподобного Иосифа Волоцкого своего рода главным "ересиархом", он не раз упоминал его в своих полемических сочинениях и, конечно, в беседах с Дионисием. И введенная в мир ферапонтовских фресок - но сути дела "выпадающая" из него - тема борьбы Николы с Арием (которая, кстати сказать, вовсе не стоит на первом плане в "общепринятом" представлении о Николае Чудотворце), - может быть понята как своего рода ключ к монументальному образу Николы в Рождественском соборе: он славен своей борьбой с ересью, как и нынешний Иосиф Волоцкий.

Конечно, это именно *предположение*, но все же нельзя исключить, что Дионисий, сотворяя свой проникновенный образ, вложил в него и видение, и понимание своего "возлюбленного брата" преподобного Иосифа Волоцкого.

В лике Николы, созданном Дионисием в 1502 году, воплощено предчувствие трагических грядущих испытаний и готовность к ним, по вместе с тем в нем проступает убежденность в конечном торжестве Истины...

И если даже мое соотнесение Дионисьева Николы и преподобного Иосифа будет оспариваться, невозможно оспорить то, о чем говорит в уже цитированных словах Г. В. Попов: в образе Николы воплощен

характер "духовного строителя, философа-учителя и практика, хозяйственного организатора", а именно это "находили современники в Иосифе Волоцком". То есть, творение Дионисия имеет глубокую связь с преподобным Иосифом Волоцким, и исключительно много дает для восприятия и понимания "живого лика" одного из величайших русских святых...

Это не означает, что Дионисий вместо (или под видом) образа Николая Чудотворца создал "портрет" Иосифа Волоцкого; подобная подмена противоречила бы православным канонам. И речь идёт только о том, что при создании образа святителя Николая Мирликийского, боровшегося с ересью Ария, Дионисия, как уместно полагать, вдохновляло - быть может, даже *неосознанно* - то глубокое впечатление, которое оставил в его душе столь близкий ему Иосиф Волоцкий, борвшийся с ересью (или, точнее, отступничеством), посеянной Схарией.

И потому великолепная стенопись (фреска) Дионисия как бы даёт нам возможность вернее и родственнее воспринять преподобного Иосифа, хотя повторю ещё раз, перед нами не его "портрет" -- а так или иначе связанный с ним образ святителя, жившего за тысячу лет ранее.

* * *

В заключение целесообразно сказать об одном из последствий духовной победы над "ересью" и торжества Православия на Руси - провозглашении Москвы Третьим Римом. Спустя недолгое время после кончины преподобного Иосифа Волоцкого идея Третьего Рима была выражена в сочинениях старца Псковского Елизарьева монастыря Филофея, - в частности, в написанном им послании великому князю Василию III.

Как ныне считается, старец Филофей родился около 1465 года и скончался в 1542 году; сочинения его создавались, по-видимому, главным образом в 1520-х годах/107/. Как псковитянин, он, надо думать, испытал духовное воздействие близкого к преподобному Иосифу Волоцкому

святителя Геннадия, который в 1484-1504 годах был архиепископом Новгородским и Псковским. Нельзя недооценивать и тот факт, что сочинения Филофея переписывались в Иосифовом Волоколамском монастыре (хотя уже после кончины преподобного). Это вполне понятно, ибо идея “Москва – Третий Рим” была созвучна духовному наследию преподобного Иосифа, и к тому же для ее рождения необходимой предпосылкой являлась победа над “ересью” (Филофей упоминает о ней), которая позволяла считать московское Православие истинным, отвергнувшим заблуждения.

Говоря об идее Третьего Рима, приходится признать, что в дальнейшем ее смысл всячески искажали, - в частности, пытаясь приписать ей “агрессивный” и “экспансионистский” характер (“Третий Рим” намеренде захватить весь остальной мир!), хотя в действительности она имела, если уж на то пошло, “изоляционистскую” направленность, в ней ясно выразилось стремление “оградить” Русь, в которой живо Православие, от проникновения извне “ересей и лжеучений”.

К сожалению, искажающие толкования идеи Третьего Рима оказывали подчас влияние на православных людей. Так, замечательный, недавно, увы, безвременно скончавшийся писатель Петр Паламарчук (1955 - 1998) в своем сочинении “Москва, Мосох и Третий Рим. Из истории политических учений русского средневековья” (1986) резко критически высказался об этой идее, вопрошая, в частности: “...главное и краеугольное недоумение: почему все-таки образцом избран был Рим? Языческий Рим...”/108/. И в свое время я стремился переубедить Петра Георгиевича, но тщетно...

А ведь в сочинениях старца Филофея, во-первых, с полной ясностью утверждается, что речь идет именно и только о *христианском* Риме, - о Риме апостола Петра, а не Юлия Цезаря или Августа Октавиана. Это неоспоримо явствует уже из датировки *начала* того Первого Рима, о котором говорит Филофей. Одно из его посланий было написано в 1527

году и в нем утверждалось, что Первый Рим начал свою историю 1505 лет назад, - то есть тогда, когда, по мысли Филофея, была создана христианская Церковь, а ведь возникновение "языческого Рима" произошло почти на 800 лет ранее!

Во-вторых, речь идет у Филофея не о *государственном* значении Первого, Второго и Третьего Рима, а о совершающемся в рамках этих государств *духовном* бытии. Он писал о первом Риме: "Аще убо великого Рима стены и столпове и трекровные полаты не пленены, но *душа* их от диавола пленены". А конец Второго Рима - Византии - старец Филофей видел не в захвате его в 1453 году турками, но в состоявшемся в 1438-1439 годах Флорентийском соборе, на котором византийцы выступили как "еретицы, своею волею отпадшие от православныя веры христианския". Только на Руси, убежден Филофей, осталось истинное Христианство, и в послании к великому князю Василию III он призывает: "Подобает тебе, царю, сие *держати* со страхом Божиим"/109/. То есть высшая задача государства - "удержать" в целостности православную - Святую - Русь... А размышления Филофея о "падении" Первого и Второго Рима призваны были показать ту роковую опасность, которая грозит русскому Православию.

Ранее старца Филофея преподобный Иосиф Волоцкий в своем послании призывал вступившего на престол Василия III:

"Бога ради, государь, и Пречистыа Богородицы, пожалуй, и попецйся, и промысли о божественных церквах и о православной вере хрестьянстей... ино, государь, погибнути всему православному Христианству от еретических учений, яко ж и прежа... царства погибоша сим образом... Римское, иже много лета пребыша в православной вере хрестиянстей, тако погибоша"/110/.

Из этого ясно, что общеизвестная идея Третьего Рима восходит к преподобному Иосифу Волоцкому, и этим тезисом уместно завершить мое сочинение.

Примечания

1. См: Маршал Жуков, каким мы его помним. – М., 1989, с. 186-187, 190;
Маршал Жуков: полководец и человек. – М., 1988, т.1, с. 18-19
Жуков Г. К., маршал. Воспоминания и размышления. – М., 1985, т.3,
с.292.
2. Жизнь и житие Сергия Радонежского. - М., 1991, с. 31.
3. Богословские труды. Сборник десятый. – М., 1973, с.197.
4. Федотов Георгий. Святые Древней Руси. – М., 1990, с. 184.
5. См: Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. – Л., 1991.
6. Эта дата обоснована в исследовании: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI в.). – М., 1977, с. 37-38.
7. Цитируется по указанной книге А.А.Зими́на, с.50.
8. Там же, с.51.
9. Богословские труды. Сборник десятый... с.199.
10. Зимин А.А., цит. соч., с.121,119-120, 122.
11. Послания Иосифа Волоцкого. – М., 1959, с. 139.
12. Там же, с. 142.
13. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. - Казань, 1903, с. 44.
14. Послания Иосифа Волоцкого..., с.175, 176.
15. Карташев А.В. Очерки по истории русской Церкви. – М., 1991, т. 1, с. 396-397.

16. Хрущев И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. - СПб., 1868.
17. Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковная научная конференция "Богословие и духовность". - М., 1989, с.75.
18. Иванов Петр. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. - М., 1991, т. II, с.510, 512.
19. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. - М., 1991, т. 1, с.415.
20. Федотов Георгий. Святые Древней Руси. - М., 1990, с. 184.
21. См. об этом главу "Тютчев и Пушкин" в кн.: Кожинов Вадим. Тютчев. - М., 1994, с. 136-199.
22. Послания Иосифа Волоцкого. - М., - Л., 1959, с.367.
- 23.: См. Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. II, - М 1957, с. 234-235.
24. Скрынников Р.Г. Царство террора. - СПб., 1992, с.72.
25. Скрынников Р.Г. Государство и Церковь на Руси XIV-XVI вв. - Новосибирск, 1991, с.188.
26. Послания Иосифа Волоцкого с.279.
27. Анхимюк Б.В. Слово на "Списание Иосифа" - памятник раннего нестяжательства - В кн.: Записки отдела рукописей... Вып. 49, - 1990, с. 129; здесь же ссылки на работы А.И. Плигузова.
28. Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. - Л., 1970, с.104, 106.
29. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. - Вильнюс, 1991, с.21.
30. Казакова Н.А. Цит. соч., с. 152; Она же. Вассиан Патрикеев и его сочинения. - М., - Л., 1960, с. 117, 279. - Выделено мною. - В.К., Она же. Очерки по истории русской общественной мысли..., с. 132.
31. Зубов Андрей. Пути России. - "Континент", М., - Париж, 1993, №75, с. 133.
32. Послания Иосифа Волоцкого..., с.368.

33. Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. - М., 1971, с. 106.
34. Послания Иосифа Волоцкого..., с. 368.
35. Там же, с. 228.
36. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. - Л., 1988, с. 116, 117.
37. Прохоров Г.М. Нил Сорский. - В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI в. Часть 2. - Л., 1989, с. 138.
38. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI века. - М. - Л., 1960.
39. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения..., с. 140, 141.
40. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения..., с. 65-72.
41. Анхимюк Ю.В. Указ., соч., с. 137.
42. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с.273.
43. Анхимюк Ю.В. Указ. соч., с. 137, 138.
44. Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века. - М. -Л., 1955, с. 219. Здесь и далее курсив мой. - В.К.
45. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. - М.Л., 1950, с.415.
46. Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. С.119.
47. Иванов П. Указ. соч. с. 514.
48. Послания Иосифа Волоцкого. с. 239-240.
49. Житие преподобного Иосифа Волоколамского. Сост. Саввою, еп. Крутицким. М., 1865. с.11.
50. Поскольку вообще принято "обличать" преподобного Иосифа, в историографии господствует мнение о его полнейшей неправоте в конфликте со святителем Серапионом. Между тем проблема достаточна

сложна. В начале 1507 года, в обстановке тяжких притеснений и насилий, чинимых волоколамским князем Федором, преподобный Иосиф перевел свой монастырь под патронат Василия III. При этом он нарушил церковный канон,

так как должен был прежде получить разрешение архиепископа Новгородского Серапиона. Позже преподобный отправил своего доверенного старца в Новгород за разрешением, но из-за "морového поветрия" старец прибыл туда с большим опозданием, и оскорбленный архиепископ не принял посланца, а затем, весной 1509 года, по наущению волоколамского князя отлучил от Церкви преподобного Иосифа и его монастырь. Мера эта явно была чрезмерно суровой, и святителя Серапиона сместили с его поста. Решить со всей определенностью вопрос "кто виноват?" не представляется возможным. История эта особенно прискорбна потому, что преподобный Иосиф и святитель Серапион были безусловными единомышленниками.

51. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. с.127-133.
52. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с.280.
53. Анхимюк Ю.В. Указ. соч. с.121.
54. Прохоров Г.М. Нил Сорский. с. 139.
55. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991 (по указателям).
56. Прохоров Г.М. Нил (в миру Николай Васильевич Полев) Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV - XVI в. Л., 1989. Ч.2. с. 129-131.
57. Послания Иосифа Волоцкого. с.367.
58. Бегунов Ю.К. "Слово иное" - новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением Церкви. ТОДРЛ 1964. Т. 20. с. 351.
59. Там же. с. 355, 356, 360.

60. Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. с. 201.
61. Скрынников Р.Г. Государство и Церковь на Руси. с. 171, 172.
62. Прохоров Г.М. Нил Сорский. с. 135, 136.
63. См.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий, с. 205, 207, 208.
64. Послания Иосифа Волоцкого. с. 228.
65. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения, с. 128-129, 208.
66. Там же. с. 129.
67. Прохоров Г.М. Нил Сорский. с. 138.
68. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения, с. 118.
69. Житие преподобного Иосифа Волоцкого. с. 12.
70. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1903. с. 533.
71. Цит. по: Богош Ю. Фома Аквинский. М., 1975. с. 45, 46.
72. Григулевич И.Р. История инквизиции. М., 1970. с. 271.
73. Достоверны сведения именно о девяти казненных. Ю.В. Анхимюк сослался на одну из летописей, где указано иное количество - 27 казненных, но здесь скорее всего речь идет об осужденных за ересь вообще (см.: Анхимюк Ю.В. Указ. соч. с. 121).
74. См. об этом: Кожинов Вадим. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1990, с. 50-54, 196-200.
75. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви, с. 489-505; Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы "с хилоны и турки" и проблема "жидовская мудрствующих". ТОДРЛ. 1972. Т. 27. с. 329-369.
76. См., например: Турилов А.А., Чернецов А.В. 1) Отреченная книга Рафли. ТОДРЛ. 1985. Т. 60. с. 260-344; 2) К культурно-исторической характеристике ереси "жидовствующих". Герменевтика древнерусской литературы XI-XVI века. М., 1989. Сб. 1. с. 407-429; Дмитриев М.В.

- Православие и реформация. М., 1990. с. 48-52, 63-64 (здесь широко привлечена зарубежная литература по этой проблеме).
77. См.: Лавров Л.И. К истории русско-кавказских отношений XV в. - В изд.: Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. - Майкоп, 1957, т.1, с. 17-26; Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы - ... с. 350-359; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (Очерки социально- политической истории). - М., 1982, с. 82-84, 286-287; Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV - первая половина XVI в. - М., 1990, с. 66-67.
78. См.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблема торговли. - М., 1990, с. 193,269.
79. Лавров Л.И., указ. соч., с. 23.
80. Послание инока Саввы на жидов и на еретики. - М., 1900, с.1 (2-ая пагинация).
81. Прохоров Г.М., указ. соч., с.354.
82. Просветитель..., с. 132.
83. Зубов А., цит. соч., с.132.
84. Послания Иосифа Волоцкого...с.162
85. Федотов Г. Святые Древней Руси с. 186.
86. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения 122-128.
- 87.Скрынников Р.Г. 1) Царство террора, с. 170.
89. Федотов Г.П. Святой Филипп, митрополит Московский., 1991. с. 33.
89. Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII веков - Л, 1977. с. 131.
91. Дмитриева Р.П. Герман Полев. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XV-XVI в. Л., 1988. 4.1. с. 153.
92. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. с. 287.
93. Там же.
94. Послания Иосифа Волоцкого. с. 3, 68 и др.

95. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. с. 433.
96. Попов Г.В. Живопись и литература Москвы середины XV - начала XVI века. М., 1975. с. 80-83 (см. Также указатель имен).
97. Там же. с. 42.
98. Данилова И.Е. Иконографический состав фресок Рождественской церкви Ферапонтова монастыря. Из истории русского и западноевропейского Искусства. Материалы и исследования. М., 1960. с.120.
99. "Послание... началохудожнику божественных и честных икон" Иосифа Волоцкого цит. по кн.: Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси. с. 334, 335, 336.
100. Там же. с. 323.
101. Флоровский Г.В. Пути русского богословия, с. 19.
102. Попов Г.В. Указ. соч. с. 114.
103. Там же.
104. Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. с. 1
105. Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1979. с. 286.
106. Настольная книга священнослужителя. Месяцеслов (сентябрь - февраль). М., 1978. Т. 2. с. 368.
107. См.; Памятники литературы Древней Руси. Конец XV - первая половина XVI Века. - М., 1984, с. 732.
108. Паламарчук Петр. Москва или Третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М., 1991, с. 26
109. Цит. по кн.: Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV-XVI вв.). - М., 1998, с. 344, 345, 359. В этом капитальном исследовании содержится истинное толкование идеи Третьего Рима.
110. Послания Иосифа Волоцкого..., с. 229, 230.

В. М. КИРИЛЛИН

«Сказание на Новгородские еретики»

ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО
ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ И РУССКИЙ ПЕРЕВОД

От переводчика

В последней трети XV - начале XVI столетия общественность Московской Руси пережила такое бурное брожение умов, какого до той поры никогда не испытывала. Отражения этой, пережитой тогда, смуты выказывались в последующей российской бытийственности многообразно и, между прочим, все еще не до конца выявлены и не вполне осмыслены. Речь идет о так называемой новгородско-московской ереси, а точнее — о достаточно определенном комплексе умонастроений, которые уже современниками были оценены как "жидовство", "жидовствование", "ересь жидовствующих".

Должно сразу отметить: означенные умонастроения, по справедливим наблюдениям многих исследователей, в своем внутреннем, сущностном развитии не достигли доктринальной цельности и единства. Однако применительно к христианству, Православию, собственно русским церковно-религиозным традициям и устоям они все же оказались однозначно деструктивными: питающие их идеи по сути представляли собой полное или частичное неприятие, отрицание принятой на Руси системы духовных ценностей и модели общественного и индивидуального религиозного поведения, конкретно же — выражались в декларациях критики и протеста и соответствующих последним поступках.

В плане ментальном и в контексте европейского средневековья "ересь жидовствующих" явилась как периферийный и, по видимому, многократно преломленный рефлекс того мощного духовно-интеллектуального процесса, который примерно с кон-

ца XIII века будоражил Западную Европу. Я имею в виду великое, конечно же, по своей значимости и последствиям движение гуманизма, бесспорно, оставившее мировой культуре огромные богатства, но, к сожалению, вместе со всем положительным несшее в себе и отрицательное. В самом деле, не следует забывать: поскольку европейский гуманизм возрастал как дитя метафизической борьбы разума против духа, науки против веры, а смыслом и целью этой борьбы (может быть, тогда — в средние века — мало кем осознаваемый) была, в сущности, эмансипация идеи и бытия человека от бытия и идеи Бога, постольку внутренняя логика данного движения закономерно и неминуемо вела к постепенному умалению некогда доминирующей сферы религиозной мысли за счет все увеличивающейся сферы секулярной мысли, к неодолимому утверждению рационализма на постаменте всепозволительной и всепроникающей критики и если и не к полному атеизму, то к очевидному стремлению использовать теологию как инструмент общественного управления и таким образом веру в Бога расчетливо подчинить служению сугубо социальным и индивидуалистическим интересам. Отсюда не удивительно, что в лоне гуманизма вывелись умонастроения, подвергавшие сомнению и даже отторжению глубоко гуманистическое содержание христианской религии и религиозного опыта христианской Церкви. Выражением таковых умонастроений были, разумеется, ереси, причем — самых различных толков. История христианства немало их знает. В частности, и средние века по данному предмету доставляют богатейший материал.

Ереси, как известно, возникали в различной среде — например, профанной или элитарной, различались по характеру — скажем, были рационалистическими или мистическими; преследовали разные цели — религиозные, политические, социальные. Но наряду с отличительными чертами ереси всегда имели и не-

что общее. Во-первых, все они возрастали на почве субъективного, хотя и нередко объективно обусловленного, неприятия существующего порядка вещей, сложившегося образа жизни, во-вторых, все они так или иначе были критически направлены против догматики и организационно-обрядовых традиций, принятых Церковью, в-третьих, все они находили идейную опору, с одной стороны в ранних еретических учениях эпохи вселенских соборов, а с другой — в современных философских концепциях, появлявшихся по мере развития области научного знания, причем часто — в инохристианских культурах: иудейской, языческой, исламской. Собственно, и те умонастроения, которые отличают ересь жидовствующих, вполне отчетливо характеризуются отмеченными общими типологическими для всякой ереси, особенностями.

Итак, в контексте всевропейского средневекового менталитета ересь жидовствующих представляется, фигурально говоря, порочным плодом гуманизма. И вот что любопытно: родившись в православной "Русии", сей плод оказался нежизнеспособным ребенком, но зато удивительным образом предварил идейно аналогичные порождения Западной Европы — реформацию и протестантизм, столь преобразившие в конце концов духовную жизнь европейских народов, которая некогда — в ограде католицизма — отличалась все-таки известным единством и гармоничностью.

У ереси жидовствующих имелись, конечно же, не только глобальные ментальные предпосылки. В науке много говорено прежде всего о конкретных социально-исторических причинах, экономико-политических и церковно-государственных мотивах ее возникновения и распространения в Московской Руси¹. Эта

¹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. — Клибанов А. И. Ре-

внешняя сторона в общем достаточно изучена, и потому здесь вряд ли стоит уделять внимание данному предмету еще раз (тем более, что публикуемый ниже текст позволяет вполне наглядно представить и панораму и остроту случившегося тогда конфликта). Гораздо важнее отметить другое: а именно то, что означенная ересь возникла не вдруг и не на пустом месте; ее появление имело, очевидно, свою довольно длительную предысторию, хотя и плохо освещенную. Во всяком случае, вполне можно говорить о предварительном и постепенном приготовлении отдельных русских умов к ереси, вполне можно указать и на ту злокачественную почву, которая послужила питательной средой для ересе-семейства.

Действительно, уже давно выявлена идейная связь "жидовская мудрствующих" с их предшественниками — "стригольниками", явившимися в Новгородской епархии столетием раньше и исповедовавшими сходные взгляды, которые, заметим, и к концу XV века еще не были изжиты². Кроме того, установлено, что само стригольничество, в свою очередь, было идейно связано с ересями "солунских" и "болгарских" жидовствующих XIV столетия³. Правда, не все ученые разделяют такой взгляд на стригольничество. Известны и попытки его защиты,

формационные движения в России в XIV- первой половине XVI в. М., 1960. — Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV- начала XVI века. М.; Л., 1960.

² Зимин А. А. Указ. соч.

³ Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы "с хионы и турки" и проблема "жидовская мудрствующих" // Труды отд. древнерус. литер. Л., 1972. Т. 27. С.329-269. — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903. С. 396.

особенно в советской медиевистике. Такова, например, позиция академика Б. А. Рыбакова. Свое последнее исследование он строит прямо как апологию стригольничества⁴. Смело раздвигая исторические рамки этого — сугубо русского — движения и расширяя круг источников, якобы сопряженных с ним (храмовые расписи, иконопись, книжная миниатюра и орнаментика, мелкая пластика, памятники литературы и прочее), автор в итоге полагает, что псково-новгородские стригольники были "той передовой, наиболее культурной частью русского городского посада XIII-XIV вв., которая призывала к Разуму, пропагандировала книжность, установила культ Премудрости и подавала пример "чистого жития", а также "вела общество к более высокому уровню понимания своих задач"⁵. Думается, это мнение, хотя и принадлежит маститому ученому, не соответствует исторической правде.

Между прочим, идейно предварявшие стригольничество ереси солунских и болгарских жидовствующих тоже имели источник: по-видимому, сформировались не без влияния со стороны караимства — неталмудического (контрраввинистического в изначальной основе) религиозного движения евреев⁶. Следовательно, одно только зарождение ереси русских жидовствующих было обусловлено очевидной традицией: тем именно, что в недрах средневековых православных государств и народов (Византии, Болгарии, Руси) к XV веку накопился уже значительный опыт иноверия и инакомыслия, основанный как раз на

⁴ Рыбаков Б. А. Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.

⁵ Там же. С. 335.

⁶ Прохоров Г. М. Указ. Соч.

принципиальной критике христианства и пересмотре его коренных положений.

Необходимо также иметь в виду и целый пучок духовно-интеллектуальных импульсов, способствовавших данному процессу. К еретичеству могли подталкивать, например, не только импульсы отрицательные (невежество, непонимание, неприятие), но и положительные (пытливое любопытство, стремление к образованию, самостоятельность мысли), не только внутренние (собственное побуждение, истекающее от искаженности религиозных представлений, самоомнение), но и внешние (реальное или мистическое воздействие со стороны, слепое, некритическое следование чужому мнению), не только будто бы созидательные (благое намерение что-либо улучшить), но и разрушительные (злой умысел, расчет на уничтожение) и т.п.

Должно, кроме того, помнить, что в плане накопления опыта критицизма именно Новгород Великий — благодаря своим разнообразным связям с окружающим миром, своему старинному вольнолюбию и горделивому стремлению к независимости, включая и духовную, от кого и чего бы то ни было — представлял собой особенно подходящее место: здесь без труда, в непосредственном общении могли быть почувствованы и оценены, например, отличия между православием и католичеством, между христианством и другими религиями; здесь запросто могли быть уловлены любые бродившие по миру идеи и настроения, здесь отлично — в области знания вообще — срабатывала *разница потенциалов* и, соответственно, легко возникало напряженное *поле* для умственных беспокойств и блужданий. Так что зарождение ереси жидовствующих не где-нибудь, а в Новгороде совсем не удивительно.

Судя по тому, что известно о начале ереси жидовствующих и характере первых ее проявлений, — данное учение было завоз-

ным, иностранным, а его прозелиты ориентировались (и, по-видимому, во многом) именно на нехристианские, чуждые Православию идеи и формы. Этому, считается, весьма способствовали: во-первых, теснейшие контакты Новгорода с Литвой и Польшей ⁷, где пребывало тогда немало иноверцев, в частности, евреев разных вероисповедных толков — караимов, раввинистов, каббалистов ⁸; во-вторых, — известное колебание Новгорода между великим князем Литовским и великим князем Московским ⁹. Однако, будучи привитой извне, ересь жидовствующих распространилась тем не менее уже исключительно в русском обществе — сначала в Новгороде, а потом в Москве, причем поразила собой как простонародье, так и привилегированные сферы, главным образом, белое духовенство и мирян высокого ранга ¹⁰.

Надо признать: хотя в целом еретическое движение не было внутренне — концептуально и дисциплинарно — единым, тем не менее оно обладало очень сильными качествами, весьма способствовавшими его успеху. Еретиков отличала близость к властным структурам, закрытый, конспиративный характер общения и сравнительная образованность. Особого внимания заслуживает именно последнее свойство. Ибо, анализируя то немногое, что известно об умственных интересах и занятиях еретиков, можно точнее определить идейные корни и лучше понять сущность их учения, — самый спорный предмет в науке.

⁷ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. С. 140-142.

⁸ Григорьев В. В. Еврейские религиозные секты в России. СПб., 1847. С. 5.

⁹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 140-142.

¹⁰ Зимин А. А. Указ. соч. С. 84-85.

Действительно, круг чтения еретиков был довольно широк и разнообразен, причем бытовавшие среди них сочинения были: либо достаточно редко встречавшимися в русских библиотеках — по самым разным причинам и, конечно же, не только из-за неготовности русских книжников воспринимать содержательно сложные тексты; либо вовсе не встречавшимися — в силу их несоответствия духу и смыслу Православия; либо, наконец, едва лишь известными, но известными под знаком именно вредности, неполезности для жизни во Христе.

Популярные у жидовствующих сочинения являлись в основном переводными и по своему происхождению могут быть разделены на две группы — на христианские и нехристианские. К первой группе относились сочинения богословско-полемические и агиографические — например, сочинения Дионисия Ареопагита, житие папы Сильвестра, слова Афанасия Александрийского против ариан, слово Козьмы Пресвитера против богомилов, послание патриарха Фотия болгарскому царю Борису-Михаилу ¹¹. Все они, вероятно, привлекали внимание еретиков прежде всего содержащейся в них ортодоксальной аргументацией по поводу различных догматических, церковно-практических и религиозно-философских вопросов. Однако такой сугубо конфессиональной христианской литературой жидовствующие не ограничивались. Их интересовали и светские по содержанию тексты — например, Мудрость Менандра, сборник нравоучительных афоризмов и сентенций древнегреческого драматурга о любви, дружбе, вражде, добре, зле, труде, учении, лени, семейной жизни и т.д.; причем главной, связующей темой всех этих этико-философских изречений, по преданию, собранных воедино святым Григорием Богословом, был вопрос о силе и возможностях разума, о значении просвещения и образованности.

Именно данная особенность сборника, по-видимому, и вызвала специальный интерес еретиков, тяготевших к рационализму.

Итак, популярная среди жидовствующих христианская литература в целом указывает на их очевидную приверженность к занятиям отвлеченными предметами и принадлежность, соответственно, к интеллектуальной элите. Собственно такой вывод подтверждается и теми ветхозаветными текстами, которые, оказавшись в сфере внимания еретиков, вместе с тем вообще в славянской письменности были весьма редки, либо только-только, к концу XV века, появились в славянских переводах. По-видимому, особый интерес у еретиков вызывали книги Бытия, Царств, Притчей Соломона, Пророков, Премудростей Иисуса, сына Сирахова. Но в чем конкретно состоял этот интерес, какова была его специфика сравнительно с православным подходом, пока не установлено. Можно лишь в самом общем плане предположить, что их интересовали вопросы о судьбах тварного мира, о мессианстве и мессианских чаяниях, о мудрости Божественной и человеческой.

Что же касается текстов второй группы — нехристианских, к которым влеклась мысль жидовствующих, то таковые, как установлено, в исконном своем виде принадлежали к еврейской или арабской книжной традиции, но на русский язык были переведены, по мнению большинства ученых, именно с еврейского. Эти тексты также различались в плане содержания.

Одни из них, думается, были вполне адекватны религиозным запросам жидовствующих. Известны, например, некоторые ветхозаветные тексты, переведенные на славянский не с греческого — по Септуагинте, а с древнееврейского масоретского

¹¹ Лурье Я. С. Указ. соч. С.187.

оригинала. Это Книга Эсфирь, Книга пророка Даниила ¹² и др. Известна, кроме того, и так называемая Псалтирь еврейская, — сделанный неким Федором "новокрещеным" перевод с какого-то еврейского молитвенника (краткого варианта праздничного молитвенника "Махазор") ¹³. И совершенно справедливо отмечалось, что подобные тексты, будучи введенными в обиход древнерусского чтения, предназначены были, помимо религиозных целей, к тому, чтобы "ослепить малоосведомленных русских идей искаженности ветхозаветной Библии, на которую опиралась вся христианская Церковь" ¹⁴. Особенно показательна в этом отношении Псалтирь еврейская, ибо в ней, во-первых, отсутствуют какие бы то ни было пророчества о Сыне Божиим Иисусе Христе, во-вторых, отчетливо просвечивает "иудейская оппозиция учению о троичности лиц Божества", в-третьих, прослеживается "тенденция восстановления земного царства единого Бога в Израиле" ¹⁵. Отсюда не удивительно, что всякий древнерусский читатель, склонный по натуре к критицизму и недостаточно твердо держащийся Православия, вполне мог *заразиться*, прельститься таким текстом и принять его в качестве идейной опоры для собственных произвольных религиозных установлений, которые, ес-

¹² Евсеев И. Е. 1) О книге Эсфирь // Известия АН. 1898. Т.8, № 5. С.329-344; 2) Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в. // Чтения в Общ-ве ист. и древ. Российских. М., 1902. Кн.3. С.127-164.

¹³ Сперанский М. Н. Псалтирь жидовствующих в переводе Федора Еврея / Изд. Об-ва ист. и древ. Российских: М., 1907. Отд. отт.

¹⁴ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т.1. С. 503-504.

¹⁵ Сперанский М. Н. Указ. соч. С. 12-13.

тественно, должны были войти в противоречие с комплексом понятий, знаний, убеждений, обрядовых действий, выработанных и откristаллизованных в христианском соборном опыте богопостижения, богоисповедания и богослужения.

Другую разновидность нехристианских книг, популярных у еретиков, составили книги светские. Это — либо научные, либо паранаучные сочинения, которые опять-таки и своим происхождением и своим содержанием связаны были прежде всего с умственной жизнью средневекового еврейства. Так, книга "Шестокрыль" представляла собой славянский перевод трактата "Шеш кнафаим" - руководства по математическому определению лунно-солнечного движения, написанного в 1365 году евреем Иммануэлем бен Я'аковом Бонфисом. И примечательно, что на Руси данная книга использовалась именно в гадательной практике ¹⁶. Читали жидовствующие и переводные труды по философии. Примером может служить "Книга, глаголемая логика" — пересказ сочинения "Миллот ха-хигайон", автором которого был известный еврейский ученый XII-XIII в., раввинист Моисей бен Маймун (Маймонид) ¹⁷. К текстам из круга еретиков приня-

¹⁶ Краткая еврейская энциклопедия. Т.2: Габбай-Измир. Иерусалим: О-во по исслед. еврейских общин, 1982. С. 508-509. — Кузак В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X-XVII вв. М., 1976. С. 50-51, 78-80. — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903. С. 413-418.

¹⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Т.2. С. 508-509. — Симонов Р. А., Стяжкин Н. И. Историко-логический обзор древнерусских текстов "Книга, глаголемая логика" и "Логика Авиасафа" / Философские науки. 1977. № 5. С. 132-143. — Соболевский А. И. Указ. соч. С. 401-409.

то относить также "Трактат о сфере" Иоанна де Сакрабоско, или Джона Галифакса, английского ученого XIII века; это сочинение содержалось в одной из древнерусских "Космографий", переведенной, между прочим, с еврейского оригинала¹⁸. Следует, наконец, отметить и такие сочинения, как "Учение луннику", "Рафли", "Тайная тайных" (или "Аристотелевы врата"). История названных книг опять-таки связана с еврейской средневековой литературой (связь их, кроме того, с арабоязычной традицией¹⁹ в данном случае не имеет значения), и важно, что, несмотря на различие в содержании, все они обнаруживают известное сходство, поскольку так или иначе касаются темы сокровенного, эзотерического знания, в них, например, имеются гадательно-астрологические разделы, где описаны некоторые способы предвидения будущего, а также приемы магического воздействия на реальность. Особенно показательны книги "Рафли" и "Тайная тайных": будучи текстуально связанными между собой, они, оказывается, близки также и к упоминавшейся уже "Логике" Маймонида²⁰. Данное обстоятельство свидетельствует не только о принадлежности означенных сочинений к одному кругу, но, думается, и о том, что их читатели — "жидовская мудрствующая" — сочетали интерес к естественным наукам, к рационалисти-

¹⁸ Кузаков В. К. Указ. соч. С.85-86.

¹⁹ Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси "жидовствующих" // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI-XVI века. М.: ИМЛИ РАН, 1989. С. 417-418.

²⁰ Турилов А. А., Чернецов А. В. К изучению отреченных книг // Естественные представления Древней Руси. М., 1988. С. 134. — Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси "жидовствующих". С. 414.

ческому образу мысли и познания с интересом к метафизике, мистике, оккультизму.

Итак, популярная среди еретиков нехристианская литература отличается в генетическом отношении очевидным единством с еврейской средневековой книжностью, причем, судя по указанным произведениям, книжностью именно раввинистического, а не караимского толка. Но вместе с тем нехристианская литература еретиков характеризуется еще и единством времени и места ее внедрения в сферу восточнославянской, в частности, русской умственной жизни. Действительно, по общепризнанному мнению, все названные выше тексты в виде древнерусских переводов появились на Руси во второй половине XV века; то есть их появление вполне синхронно процессу зарождения и распространения ереси жудовствующих. Все эти переводы, кроме того, обладают заметной языковой общностью: они отражают более или менее плохое знание древнерусского литературного языка и содержат малорусские, белорусские, польские диалектизмы, а также гебраизмы. Такие черты позволяют полагать, что родиной данных переводов была литовская Русь, а их авторами, вероятнее всего, были лица еврейской национальности, проживающие здесь в XV столетии в весьма изрядном количестве. Кстати, как раз в Литву и Польшу и как раз к означенному времени переместились из Западной европы центры еврейской образованности ²¹. Этим, несомненно, оправдывается известная убежденность относительно действительного влияния со сторо-

²¹ Берлин И. З. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пб., 1919. — Бернадский С. А. Литовские евреи: История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии (1388-1569). СПб., 1883.

ны именно еврейской книжности и мысли на так называемое пробуждение общественного сознания, а точнее - увлечение еретическими идеями, имевшее место в Московском государстве в последней трети XV века. Такая убежденность, между прочим, вполне согласуется с тем, как на Руси интерпретировали саму ересь и еретиков современники-очевидцы, сохранявшие верность Православию.

Должно однако отметить: мнение о еврейских корнях ереси не всеми признается. Так, в советской медиевистике учение жидовствующих иногда рассматривали на более широком фоне европейского гуманизма и классовой борьбы, избегая вместе с тем конкретизации в решении вопроса об истоках учения²². Но ведь взгляд на жидовствование как на умонастроение, тесно связанное с влиянием со стороны еврейского менталитета, помимо вышеприведенных доводов, подтверждается также характером и существом собственного, оригинального текста, вышедшего непосредственно из среды русских еретиков. Я имею в виду "Лаодикийское послание" Федора Курицына. Действительно, в последнее время многие ученые пришли к выводу о связи этого таинственного текста с еврейской мыслью (правда, высказывались и альтернативные мнения: о связи памятника с античной или даже с христианской святоотеческой традицией). Причем те, кто усматривает в сочинении Федора Курицына еврейские корни, расходясь друг с другом в конкретике своих предположений (Дж. Файн, например, соотносит "Лаодикийское послание" с иудаизмом, Ф. Кемпер — с фарисейством, И. Мейер — с трудами

²² Клибанов А. И. Указ. соч. С. 176-251, 305-332.

Моисея Маймонида, Ф. Лилиенфельд — с каббалой ²³), по существу, все же сходятся, поскольку так или иначе, но указывают именно на раввинистическую линию развития еврейской религиозной культуры как на очевидный источник влияния, из которого черпал вдохновение и идеи русский еретик Федор Курицын.

В этом отношении особенно реальной представляется связь "Лаодикийского послания" с каббалой. И вот почему. Во-первых, среди жидовствующих были в ходу некоторые ветхозаветные книги, переведенные на русский язык, как уже указывалось, прямо с масоретских оригиналов. Но ведь появление и распространение среди евреев текста Священного Писания в виде Масоры, по мнению некоторых исследователей, связано как раз с каббалистической традицией ²⁴. Во-вторых, распространяемые еретиками книги "РАФЛИ" и "Тайная тайных" также содержат некоторые элементы, позволяющие судить о связи этих книг с каббалой — точнее, с ее символическим разделом, который посвящен обоснованию правомерности определенных спекуляций с буквами и числами — например, с помощью гематрии и нотарикона, якобы способных раскрывать таинственные пути Божественной Премудрости ²⁵, отмеченные соответствия и совпадения, во всяком случае, указывают на их глубинное, сущностное единство и представляются симптоматичными. Думаю, имея их в виду, исследователь может с полным правом конкретизировать общий вывод о еврейском культурно-религиозном влиянии на рус-

²³ Григоренко А. Ю. "Лаодикийское послание" и его литературное окружение // Труды отд. древнерус. литер. А., 1990. Т.43. С.324-329.

²⁴ Григорьев В. В. Еврейские религиозные секты в России. СПб., 1847. С. 159.

²⁵ Там же. С. 170-173.

ских жидовствующих. И вероятнее всего таковое оказывалось со стороны именно каббалистов, которые в русле средневекового иудаизма представляли весьма сильное учено-религиозное течение, между прочим, конгениальное раввинизму и проистекающее из древнего фарисейства. Кстати, косвенным подтверждением вывода о генетической связи умствований русских еретиков с иудейской каббалой является то обстоятельство, что буквально тогда же — только чуть позже, в конце XV - начале XVI в., — и в Западной Европе каббала использовалась как положительный источник знания. Так, ее всерьез пытались приспособить к христианству (причем с целью создания более совершенной, чем все существующие, универсальной и синкретической теологии) итальянец Джованни Пико делла Мирандола и немец Иоганн Рейхлин ²⁶. И, между прочим, в лоне католической Церкви взгляды названных мыслителей-гуманистов были тоже квалифицированы как еретические. Без сомнения, отмеченная здесь культурно-историческая параллель не только оправдана, но и весьма показательна, — особенно если рассматривать ее в контексте хорошо известных контактов Московской Руси в XV веке как раз с Италией и Германией.

Итак, ересь жидовствующих, если говорить только о ее идейно-содержательной стороне, возникла: во-первых, на исторически подготовленной критикой и ложноучительством почве; во-вторых, как отражение общеевропейского гуманистического движения; в-третьих, под воздействием еврейской религиозной и научно-философской мысли. В результате духовно-интеллектуальное состояние некоторых русских людей было третирано умонастроениями, по существу всецело враждеб-

²⁶ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 344-355, 371-373. — Философская энциклопедия. В 5-ти тт. М., 1967. Т. 4. С. 254. 486-487.

ными Православию и основанным на нем устоям жизни. Будучи распространяемы тайно, эти умонастроения оказались тем более заразительны; будучи поддерживаемы в самых верхних сферах светской власти они угрожали быть тем более губительными. Хуле и попранию подверглось самое главное — вера, нормы поведения, святыни христиан. Реальность религиозной революции обрела катастрофические формы, ведь ее победа должна была радикально изменить жизнь нации — и не только в церковном отношении, но также в политическом, экономическом, культурном, а главное — относительно домостроительства Божия о спасении человечества.

При таких обстоятельствах Русская Церковь, естественно, должна была найти в себе силы для принципиальнейшей борьбы. Именно в этом контексте общественного напряжения и появляется знаменитый труд преподобного Иосифа, игумена Успенского Волоколамского монастыря, — "Книга на новгородские еретики" или "Просветитель", как стали ее называть позднее ²⁷, труд не только обличительный, но и исповеднический, апологетический. Данная книга во многих отношениях замечательна: она содержит живой, наполненный яркими бытовыми картинами и историческими аналогиями рассказ о деяниях и бесчинствах еретиков, детальный анализ и непримиримую критику их взглядов, проникновенные размышления о Боге, Благовести, Спасении, о жизненной необходимости веры в евангельские истины и соблюдения апостольских и святоотеческих заветов. Представляя собой интереснейший памятник древнерусского богословия (в сущности, это первый на Руси самостоятельный опыт систематизации богословских знаний), а так-

²⁷ Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Изд. 2-е. Казань. 1882 (Вст. ст. И. Я. Порфирьева).

же памятник конкретной, остро направленной полемики, глубоко осознанного патриотизма и гражданственности, книга преподобного Иосифа явилась в мир русской умственной жизни как сокрушительное теоретическое оружие, причем одинаково пригодное и для аргументированного опровержения неправомыслящих, и для утверждения, просвещения малосведущих в коренных вопросах Православия. Не удивительна поэтому огромная популярность этого сочинения среди древнерусских книжников: к нему, как к источнику истинного христианского знания, неоднократно обращались в своей общественно-религиозной борьбе последователи преподобного Иосифа, — например, в середине XVI столетия, при осуждении ересей Матвея Башкина и Феодосия Косого, или — в XVII века, в полемике с раскольниками митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия Корсакова; небезызвестен также интерес к этой книге царя Иоанна Васильевича Грозного.

Сохранились различные рукописные версии "Книги на новгородские еретики". Все они свидетельствуют о ее литературном развитии во времени. По мнению многих исследователей, книга еще при жизни автора претерпела текстуальные изменения. Таковые касались в основном общего состава (объема) сочинения и особенностей его повествовательной структуры, связанных, в частности, с характером трактовки личности и деятельности митрополита "всех Руси" Зосимы ("Брадатового"). Уже в дореволюционной историографии было установлено, что первый вариант своей книги преподобный Иосиф создал еще до оставления Зосимой в 1494 году первосвятительской кафедры. Эта так называемая краткая редакция "Просветителя" содержала предисловие — "Сказание о новоявившейся ереси" и 11-ть слов, или глав ²⁸.

²⁸ Булгаков Н. А. Преподобный Иосиф Волоцкий. СПб., 1865. — Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1900. Т.2. Ч.1. —

Высказывалось мнение и о том, что к 1494 году преподобным Иосифом было составлено три редакции книги: в первой о еретичестве Зосимы не говорилось ни слова, во второй Зосима лишь однажды упоминался как еретик и, наконец, в третьей содержались развернутые обвинения против него ²⁹. Однако, по убеждению советского автора Я. С. Лурье, специально занимавшегося текстологией "Просветителя", преподобный Иосиф Волоцкий составил краткую редакцию своей книги несколько позже — накануне церковного собора 1504 года "на еретики"; при этом он использовал свои ранние полемические сочинения, равно и сочинения своих современников, соратников по борьбе с ересью. Поводом для такой работы послужил политический крах (в 1502 г.) именитых покровителей ереси при дворе великого князя Иоанна III — его невестки Елены Стефановны Волошанки, внука Дмитрия Ивановича и др. Как полагает Я. С. Лурье, после собора 1504 года, осудившего еретиков, преподобный Иосиф написал еще пять слов (с такой датировкой согласны, кажется, все серьезные исследователи) и затем включил их в свою книгу как 12-16 главы, одновременно он отредактировал текст вступительного "Сказания", откуда почти полностью исключены были выпады против митрополита Зосимы. Так возникла вторая — пространная — редакция "Просветителя", распространившаяся позднее в нескольких текстуальных вариантах, или изводах ³⁰. Необходимо

Хрущев И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868.

²⁹ Попов Н. П. Иосифово сказание о ереси жидовствующих по спискам Великих Миней // Импер. отд. рус. языка и словесности АН. СПб., 1913. Т.18, кн. 1. С.173-197.

³⁰ Лурье Я. С. Указ. соч. С. 96-121, 149-152, 218-219, 421-422, 458-461, 469-474.

отметить и мнение новейшего исследователя А. И. Плигузова. Выводы его таковы: первоначально книга насчитывала 10 слов и составлена была между 1 сентября 1492 и 17 мая 1494 г., затем — в 1508-1513/14 гг. — появилась 11-словная редакция, а в середине или второй половине 10-х гг. XVI века была составлена 16-словная версия книги. Что же касается "смягченных" вариантов сочинения (не содержащих выпадов против митрополита Зосимы и великого князя Иоанна III), то все они сформировались не ранее конца 10-х — начала 20-х гг. XVI столетия, и следовательно, перу преподобного Иосифа не принадлежат ³¹. Очевидно, точку зрения последнего исследователя нельзя считать окончательной, ибо Я. С. Лурье на закате своей жизни вновь обратился к вопросу происхождения "Книги на новгородских еретиков" и вновь настаивал, критикуя положения А. И. Плигузова, на собственной датировке памятника ³².

Таким образом, литературная история "Просветителя" сложна. Однако как бы она ни складывалась в действительности и что бы об этом ни думали специалисты, нельзя не признать: самым популярным в Древней Руси считался текст пространной редакции сочинения волоколамского игумена. Именно его чаще всего переписывали русские книжники XVI - XVII вв. ³³. Освященный авторитетом Великих Миней Четьих, он стал как бы каноническим, то есть по сути более прочих редакций книги отве-

³¹ Плигузов А. И. "Книга на еретиков" Иосифа Волоцкого // История и палеография. Сб. ст. М., 1993. С. 90-139.

³² Лурье Я. С. Когда написана была «Книга на новгородских еретиков»? // Труды отд. древнерус. литературы. СПб., 1996. Т. XLIX. С. 78-88.

³³ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV-XVI вв. М., Л., 1955. С. 463-466.

чающим запросам соборного разума Русской Православной Церкви. Конечно же, при его многократной переписке в него вкрадывались мелкие разночтения, так что со временем появилось несколько "изводов" означенной редакции, но в целом этот текст оставался неизменным.

Ныне, в пору восстановления в России христианской жизни, возвращения многих россиян к Матери Церкви, возрождения русского Православия и вместе с тем в пору глубочайшего духовного кризиса, переживаемого русским народом, в пору мучительнейших исканий религиозной Истины, которые на деле нередко ведут людей к уклонению, отдалению от Нее и к обособлению друг от друга, — совершенно необходим опыт прошлого. И несомненно, бесценным источником знания о таком опыте как раз и является "Просветитель" преподобного Иосифа Волоцкого. Книга эта очень нужна сегодня. Думается, ее освоение освежит если не богословскую мысль, то духовную жизнь современных православных верующих во всяком случае. Однако древнерусский текст "Просветителя" весьма не легок для восприятия и понимания, — особенно теперь, когда сознание даже многих церковных людей утратило связь с церковно-славянской языковой традицией. Это собственно и побудило автора настоящих строк к работе над русским переводом книги. Правда "Просветитель" уже издан на русском языке³⁴. И казалось бы, надлежит радоваться данной книге. Но любовь к древнерусскому слову и умонастроению как явлению своеобразному и дивному, а также привычка к научной строгости и требовательности не позволяют в полной мере такую радость почувствовать. Дело в том, что указанное издание не обладает, думается, необходимыми качествами. Во-первых, переводчики слишком вольно обошлись с ориги-

³⁴ Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель / Перев. подг. Е. В. Кравец и Л. П. Медведева. М., 1993.

нальным текстом преподобного Иосифа Волоцкого, отнесясь с очевидным равнодушием к его поэтике, стилю, духу. Они переложили труд почтенного древнерусского писателя слишком по-своему, по-современному, а ведь это — памятник православной культуры определенной эпохи и среды, определенной литературной и языковой традиции. Следовало бы, наверно, об этом помнить и следовало бы стремиться к сохранению, насколько возможно, присущих ему внешних особенностей (в лексике, в синтаксисе, в структуре). Во-вторых, переводчики совсем не озаботились проблемой адекватного восприятия всего содержания книги преподобного Иосифа. А ведь в ней запечатлен весьма значительный объем средневекового православного знания с присущими ему историческими реалиями и ориентирами, богословской аргументацией, логикой философских рассуждений и выводов. Очень многое поэтому в тексте "Просветителя" требует комментирования — идейно-смыслового и фактологического. Без такого рода пояснений данная книга — памятник древнерусской мысли — просто не достигнет желанной цели, то есть не сделается достоянием именно современного сознания. К сожалению, издание, о котором идет речь, означенным запросам не отвечает. Потребность же по-настоящему почувствовать и понять ее замечательного автора остается. Этим и оправдана данная работа.

Для публикации избрана пространный редакция "Просветителя" и, конкретно, ее список, содержащийся в сборнике № 204 из собрания графа Н. П. Румянцева (Российская Государственная библиотека) ³⁵. Этот же текст взят за основу для перевода. И вот почему. Во-первых, означенная рукопись содержит наиболее замечательный — "минейный" — извод простран-

³⁵ Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцева музея. СПб., 1842. С. 270-274.

ной редакции, то есть версию, которая в 1538 году была включена в состав первого — Софийского — комплекта Великих Миней Четних ³⁶. Во-вторых, данная рукопись, созданная в конце 20-х — начале 30-х гг. XVI столетия ³⁷, содержит, по-видимому, наиболее ранний список "минейного" извода, послуживший, возможно, протографом для последнего ³⁸. В-третьих, эта рукопись принадлежала некогда самому святителю Макарию, знаменитому последователю преподобного Иосифа Волоцкого, организатору работы по составлению Великих Миней Четних и Предстоятелю Русской Православной Церкви ³⁹: став митрополитом «всех Руси», он передал ее в Пафнутьев Боровский монастырь как «вклад» «на память своей души и по своим родителям в вечный поминак» ⁴⁰. Так что избранная рукопись, несомненно, имеет особое значение как памятник древнерусской, церковной письменности и литературы.

Выше уже отмечалось, что редакция "Просветителя", содержащаяся в указанной рукописи, текстуально отличается от более ранней, краткой версии книги преподобного Иосифа. По-

³⁶ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 440.

³⁷ Собрание Н.П. Румянцева. Ф. 256. Дополн. и уточн. к описи А.Х. Востокова "Опис. рус. и слав. рукоп. Румянц. музеума" /СПб., 1842/... М.: Отд. рукоп. ГБА, 1975-1977. Машинопись. С. 55.

³⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Втор. пол. XIV-XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 84.

³⁹ Макарий (Веретенников), игум. Великие Макарьевские Четвы-Минеи — сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. Сб. 29. М., 1989. С. 106-126. — Он же. Московский митрополит Макарий и его время. Сб. ст. М., 1996.

⁴⁰ Востоков А. Указ. соч. С. 274.

этому при воспроизведении древнерусского текста "Просветителя" (буквальном; подчеркнутые заглавные буквы тождественны киноварным инициалам) и составлении его русского перевода по необходимости использовался и краткая версия произведения: отличающие ее фрагменты приводятся в подстрочных примечаниях. Разумеется, при этом переводчик не мог обойтись без помощи известного казанского издания памятника, а также современных критических публикаций отдельных разделов книги ⁴¹.

⁴¹ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч.

Грѣшнаго инока Иосифа ска-
заніе ш новоявившейся(я) / ере-
си новгородскѣхъ еретиковъ,
и ѡстѣпниковъ. Алегѣа прѡ-
топопа. и Дениса / попа. и
Федора Коурицана. и ннѣхъ
иже / тако же мдрѣ твоую-
щихъ.

Подобаеть ведати іако
много ересѣ / в различнаа
лѣта, и времена дѣволъ /
внесе. и многъ плевелъ злѡ-
вѣрїа слоу/жащими емѡ ересе-
началникы безако/нныими. вѣ
всей вселеннѣи насѣвѣвъ, на /
превращенїе и سموщенїе пра-
вѣа вѣрѣы. / нхъ же проклин-
наеть бжѣ твѣнаа и аплѣ каа
/ цркви. и сннми 1 едино-
мысленикы нхъ. ш ни/хъ же
много соу^т списанїа стѣхъ
профѣнѣхъ и вѣго/носнѣхъ шѣ
нашихъ. но іаже в прѣвѣхъ лѣ-
тѣхъ / павльшаася еретикы,
вси видѣ^т правѡ (л. 1) //
славїа свѣтѡ^м прѡсвѣщаеми.

Грешного инока Иосифа Ска-
зание о новоявившейся ереси
новгородских еретиков и от-
ступников — Алексея прото-
попа, и Дениса попа, и Федора
Курицына, и прочих, кто так
же мудрствует.

Подобает ведать, что много-
численные ереси в разные го-
ды и времена диавол создал и
множество плевел зловерия
через служащих ему ересена-
чальников незаконных во
всей вселенной рассеял ради
извращения и смущения пра-
вой веры, и таковые учения
проклинает божественная и
апостольская Церковь, а вме-
сте с ними — и последовате-
лей их; и об этом имеются
многие писания святых препо-
добных и богоносных отцов
наших. Но о еретиках, явив-
шихся в прежние годы знают
все, просвещенные светом пра-
вославия, и поминают их с
проклятиями все, наученные

и пш^а клат^{воу} / снхъ имоу^т от божественных писаний. О
 ѿ бж^{твенъ}хъ писаннн на- нынешних же многих ересях,
 оучи/вшеса, а еже нне в на- которые в наши времена диа-
 ша лѣта многи ере/си вол через безбожных еретиков
 дѣволъ бѣ^{божнъ}ими еретикъы распространил, во благо будет,
 всѣавъ. / праведно непщева^х полагаю, рассказать, дабы не
 сказати. како да оученѣа / нхъ внимали мы учениям их и с
 оубѣжимъ. и съвр^{шеною} не- совершенной ненавистью воз-
 навестнѣо / възненавидимъ ненавидели их.
 нхъ.

Има^т же сказаннѣ снце. роус- Итак, вот сказание об этом.
 скаа великаа земля. иже оубв Русская великая земля еще в
 дре/вле идолъ нествества древности идолонеиствова-
 шмрачаше^т тмою. до кунца вала, была омрачена тьмою и
 осквернена соущи, и безбож- до последних пределов оск-
 нъхъ / прилежащи^х дѣлехъ. вернена, безбожным предава-
 ясь деяниям.

Егда же единороднѣи/снъ Когда же Единородный Сын
 бж^{тн}, сынъ въ адрѣ^х шчнхъ и Божий, сущий в лоне Отчем,
 свшего съ/зданѣа не тръпа не смог более видеть, как Его
 зрѣти грѣхо^м порабу/цаема. творение грехами поработа-
 о семъ свѣимъ ма^{рдѣ}емъ пре- ется, и на это Свое милосер-
 клннъ/са. авн^т члкъ по на^т дие обратил, тогда к нам
 крмнѣ грѣха. и ѿча пре/стола явился как Человек без-
 не вставль въ двѣю всеанса грешный и, Отцова престола
 на^т радѣ. / да и мы вселимса не оставляя, в Деву вселился
 на небса. и ѿ древнаго нас ради, дабы и мы посели-
 па/денѣа встаху^м, и ѿ грѣха лись на небесах, и от древнего

свѣбодихомся. / преднее
снѣтвреніе възпріемше. все
оубо / павтское еже в насъ
свършнвъ смвтре/ніе. крѣтъ
же и смръть възпріемъ, и съ
нвнзімі / преславнв сътвв-
ривъ земнаа. и в/десноую ве-
личествіа шѣа сѣде. самовид-
це^а (л. Іоб.) // его ѹчнkw^а по
вѣщаніи в видѣніи вгнензі^х
/ азъикъ, оутѣшителъни дхъ
посла. и по/сла ихъ въ вса
азъикы првсвѣщати въ
т/мѣ невидѣніа сѣдаци^х. и
крѣтнги ихъ / во има шѣа и
сна и стго дха, тако^ж штолѣ.
/ вѣемъ оубв всточнзіа кон-
ца. вѣем же / западнзіа
пріати првходити. сѣве-
рнзіа и южнзіа првтицати
странзі. и / повелѣннзіа имъ
испзпнюще заповѣ^а. /

Тогда сщенизи Андрей
единъ сынъ ш двою/надесате
числа плъка оучнкъ хѣъ, бра-
тъ / Петра врховнаго апла.

падения восстали, и от греха
освободились. Великое всы-
повление восприав и великое
житейское за нас совершив
попечение, Он крест и смерть
претерпел и с небесными си-
лами преславно соединил зем-
ные. Воскреснув же из мерт-
вых, со славою на небеса воз-
несся и одесную величества
Отца Своего сел; и свидетель-
ствующим о Нем ученикам, по
обещанию, через нисхождение
огненных языков утешитель-
ный Дух радовал; и послал их
во все народы: просвещать во
тьме невежества пребывающих
и крестить таковых во имя
Отца и Сына и Святого Духа.
И тогда одним из них восточ-
ные страны, другим западные
пришлось пройти, а третьим
северные и южные пересечьна-
роды, поведенные исполняя
заповеди.

Тогда святой Андрей, один
из двенадцати учеников Хри-
стовых, брат Петра, верховно-
го апостола, от Иерусалима в

Ѡ Иерѡлима в Сина/пїю приде.
 и Ѡ Синопїа в Херсонь. и Ѡ
 Херсо/на понде Днепрѡ^м
 вврѣхъ, и ста пшд горамї /
 при вресѣ. и заутра вставъ и
 ре^х къ сжцимъ / тѣ с нимъ
 оучїнкѡ^м, видите ли горы сїа,
 га^к / на си^х гора^х восїаетъ
 блгать бжїа, и боудеть /
 град великъ. и цркѣви многи
 имать бгъ въ/завигноути, и
 вшед на горы тѣа и ба^ви
 нх. / и постави крѣтъ и по
 мшанса бгж. и снї/де з гв
 рзы, идеже е^н нїе град Кые
 въ. и понде / по Днепрѣ
 вврѣхъ, и прїиде идеже нынѣ
 / Новѣгвродѣ Великын. и
 Ѡтоудѣ понде в ва/раги и
 прїиде в Римъ. прѡповѣдати
 же (л. 2) // слово спсѣное в
 Ржстѣн земли. възбраненъ
 въ^н Ѡ стго дха его^х соудбы
 безана многа. / и сего ра^м
 соутъ сїа несказаннзы. по
 всѣм же / же странамъ
 спсѣнаа прѡповѣдь еуѣльская

Синопию пришел, и от Сино
 пии — в Херсон, и от Херсона
 направился вверх по Днепру;
 и остановился у гор прибреж
 ных, и утром, проснувшись,
 сказал сопровождавшим его
 ученикам: «Видите ли горы
 эти? На горах этих просияет
 благодать Божия, и возникнет
 город великий, и церкви мно
 гие Богом будут созданы». И,
 поднявшись на горы те, благо
 словил их, и поставил крест, и
 помолился Богу, и сошел с го
 ры, где есть ныне город Киев.

И пошел по Днепру вверх, и
 пришел на место, где ныне
 Новгород великий, и оттуда
 двинулся к варягам, и прибыл
 в Рим. Проповедовать же сло
 во спасения в Русской земле
 ему запрещено было Святым
 Духом, Которого «судьба —
 бездна великая» (Пс.35,7) ² и
 потому о них невозможно рас
 сказать.

По всем же странам спаси
 тельная проповедь евангель
 ская распространилась, и все

/ ИЗЪДЕ. И ВСИ ѿ ТМЪ
 ИДШЛСІА ИЗБАВЕ/НИ БЪША, И
 СВѢТѢМЪ БГОРАЗУМІА ВЪЗ-
 РИ/ША. ТОЧІЮ ЖЕ РОУСКАА
 ЗЕМЛА ПОМРАЧИ/ШЕСА ТМОЮ
 ТМОЮ ИДШЛОВѢСІА. И СКВЕР-
 НЪМИ ДѢЛЪИ ДѢ КОНЦА ОСК-
 ВЕРНЕНА СОУЩИ. И МНОГО /
 ОУБѢ ВРЕМѢ ПРЕДЕ ПО ВЪЗНЕ-
 СЕНІИ НА НЕБСА / ЕДИНОРОУФНАГО
 СНА БЖІА И ЯКО В ТЪСІСЦѢ /
 ЛѢТЪ ДВСТІЖЕ. ѿ СЪЗДАНІА
 МИРЯ, / ЛѢТЪ 5. И .Ф.

Но не тръпа свего
 съзѣ/нїа зрѣти погыбающа.
 стѣа и блажена/а и поклоннаа
 Трѣца. и посѣти на востокъ
 / свѣше. и свѣтомъ
 бгоразумїа прсвѣ/ти. и вѣ-
 ршю и бл҃гочестїемъ
 прмѣршстїю же и разоумѣмъ,
 самшдръжца и влѣты всеа /
 ржѣскаѣа земля. блаженнаго
 Владимера снѣ / Стѣславова,
 и внука Игорева, и
 блаженнаго Юльгы. правно-
 ўка же Рюрикова. / прирѣ

от тьмы идольской избавлены
 были и светом богопознания
 озарились. Только Русская
 земля помрачена была тьмою
 идолобесия и скверными де-
 лами до последней крайности
 осквернялась. И много вре-
 мени прошло по Вознесении
 на небеса Единородного Сына
 Божия, почти тысячелетие ми-
 нуло, от сотворения же мира
 — 6500 лет³.

Но не могла Свое творение
 видеть гибнущим Святая, и
 Блаженная, и Досточтимая
 Троица, и потому посетила
 нас, низойдя свыше; и просве-
 тила светом богопознания, и
 верою, и благочестием, пре-
 мудростью же и разумом са-
 модержца и владыку Русской
 земли, блаженного Владимира,
 сына Святославова, и внука
 Игорева и блаженной Ольги,
 правнука Рюрикава. Ибо обра-
 тилось к нему Всевидящее
 Око и просветило его божест-

бѣ на него всевидѣющее око, и
про/свѣти его бж^твензѣ^м
кр^теніемъ, и бзѣ^т снѣ / свѣ-
та. и не токмѣ * самъ единъ
пѣца^с (л. 2об.) // сп^ттиса,
но и всѣх^х сп^тти пѣвижеса. и
всѣ^м / повелѣ кр^ттитиса въ
има ѡца и сѣа и стѣо / аха.
ѡ того време, сѣнце
евѣальскве зе/млю нашѣ ѡсѣа.
и апѣльскзи грѣм^н на^т ѡгласи.
/ и бж^твензѣа цр^ккви, и ма-
настѣри съста/виша^т. и
бѣша мнози стѣне же и
прѣвнѣи, / чю^атворци же и
знаменосци. и такѣ^х
зла/тѣма кришма на нѣса
възлетахѣ. и тако^х / древле
неч^ттѣемъ всѣх^х превзѣде
рѣ^сскаа зем/ля. тако и ннѣ^т
бл^гочестіемъ всѣх^х ѡдолѣ. / въ
ннѣ^тх^х бѣ страна^х аще и мнози
баше бл^го/честивн же и пра-
веднѣи. но мнози бѣа/хѣ не-
честивѣи же и невѣрнѣи с ни-
ми живѣ/ще, и еретическаа
моудрѣствоюще. /

венным крещением, и стал он
сыном Света. Однако не толь-
ко сам он, единолично, захотел
спастись, но и всех спасти
вознамерился и всем повелел
креститься во имя Отца и
Сына и Святого Духа.

С той поры солнце евангель-
ское над землей нашей вос-
сияло, и апостольский гром
нас научает, и божественные
церкви и монастыри устраи-
ются, и многие святители на-
ши и преподобные, чудо-
творцы же и предзнаменова-
ний вестники, будто на золо-
тых крыльях, в небеса возне-
слись. И подобно тому как в
древности нечестием всех пре-
взошла Русская земля, так и
ныне благочестием всех пре-
одолела. Ведь в иных странах
даже если и много бывает бла-
гочестивых и праведных, то
много же нечестивых и невер-
ных живет с ними, еретически
мудрствуя.

В РЖСТѢИ ЖЕ ЗЕМЛИ НЕ ТОК-
МУ ВЕСИ И СЕЛА / МНОЗИИ НЕ-
СВѢДѢМЪИ, но и гради мнози
соут. / иже ни единого умо-
уца невѣрна, ни ер/тическаа
моудрѣствоюще. но вси
еди/наго пастыра ХѢ едина
увчата соут. и вси / едѣно
моудрѣствѣюще. и вси сла-
ваще / чтѣдоу⁴ Трцѣ. ере-
тика же ни свѣдѣствѣ⁴, / ни-
гдѣ * никто видѣлъ е⁴, и та-
ко быша / ѱ. и Ѡ. лѣт.

Но шде еже на на⁴ твеша
зло/бѣи сатана ненавидай
дшера дѣволъ вселѣ (л. 3)//
кавѣи, злы⁴ помощникъ и
спшспѣшникъ, / вѣи шмет-
никъ. поглѣтивѣи мира всеѣ
/ и не насытивѣиса. възне-
навидѣвѣи небо / и землю и
вѣчнѣи тмѣ възжѣлѣвѣи.
зри, / чтѣ творить и что
квзньствоуеть. /

Бѣи⁴ оубѣ в та времена жи-
двинѣ именемь / Схарїа. и
сен баше дѣволшвѣ съсоутѣ и

В Русской же земле не толь-
ко деревни и села многие без-
вестные, но и города многие
есть, в которых нет ни одного
неверного или еретически
мудрствующего; напротив, все
единого только Пастыря, Хри-
ста, есть овцы, и притом все
единомысленно мудрствуют, и
все славят Чистую Троицу;
еретика же и злочестивого ни-
где же никто не видел. И так
было 470 лет.

О, за что же нам твоя злоба,
сатана, ненавидящий добро,
диавол вселукавый, злых по-
мощник и защитник, Божий
отметник, поглотивший весь
мир и не насытившийся, воз-
ненавидевший небо и землю и
вечной тьмы взалкавший?!

Зри же, человеце, что он
творит и какво кознодейству-
ет!

Некогда жил жидовин по
имени Схария⁵. И вот этот
диаволов сосуд, обученный

избу/ченъ всакомѹ заудѣн-
ства изоверѣте/нїю, чародѣн-
ствѹ же и чернокнижїю.
звѣ/здохаконїю же и аст-
ро(л)огы. живзын / въ градѣ
нарицаемѣ⁶ Къевѣ. знаемъ
сы⁷ то/гда соуцемѹ князю
нарицаемомѹ Мнха/на,
христїанинѹ соуцѹ. и
христїань/скаа моудрѣст-
вѹюце. сїоу Александрѹ, /
внѹкоу же Владимеровѹ, прав-
ноукѹ же / Вольгѹрдовѹ.

Ҁен оубѹ князь Мнхана /
в лѣт. 5.ц.б.б. прїде в Ве-
ликїи Новѹгорѹѣ. / въ дїи
княженїа великого князя
Іванна / Василїевича. и с
нимъ прїде в Великїи Новѹ-
горѹѣ жидѹвинѹ Схарїа. и
тѹи преже пре/льсти попа
Дениса и въ жидѹвство
Шве/де. Денисъ же приведе к
немоу прѹтопопа / Алексїа.
еще тогѹа попа соуца на Мн-
ханѹ/вскїи оуанци. и тѹи
такѹ же Штоупни⁸ (л. Зоб.) //

всяческим злодейственным
изобретениям: чародейству и
чернокнижию, звездозаконию
и астрологам ⁶, обитавший в
городе, нарицаемом Киев, был
известен тамошнему князю
Михаилу, христианину и хри-
стианских истин знатоку, сыну
Александра, внуку Владимира
и правнуку Ольгерда ⁷.

Тот князь Михаил в лето
6979 (1470) ¹⁰, во дни княже-
ния великого князя Ивана Ва-
сильевича ¹¹, прибыл в Вели-
кий Новгород ¹². Вместе с ним
в Великий Новгород прибыл и
жидовин Схария. И прежде
всех он обольстил попа Дени-
са ¹³ и в жидовство его обра-
тил. Денис же привел к нему
протопопа Алексея ¹⁴, тогда
еще бывшего попом на Ми-
хайловской улице ¹⁵, и тот
также отступником сделался
непорочной и истинной хри-

вѣ^ѣ непорочнѣа и истиннѣа
христѣанскѣа / вѣрѣа. потом
же прѣидоша из Литвѣа инѣ/и
жидѣве. им же имена, Осн^ѣ
Шмоило Ска/равен. Мѣсен
Ханоушѣ. толко же Алеѣин /
и Денисѣ пѣѣщанѣа полѣжиша
ш жидѣвѣ/скѣи вѣрѣѣ, такѣ^ѣ
всеѣѣа с нимѣ^ѣ же и гѣ/сти и
оучитѣса жидѣствѣѣ. и не
тѣв/кѣмѣ * самѣи но и женѣа
сѣвѣа и дѣти наоучѣ/ша жи
дѣствѣѣ. вѣсхѣтѣша же и вѣ-
рѣѣ/зати— вѣ жидѣвскѣю
вѣрѣѣ. и не повелѣша / имѣ
жидѣве глѣѣе, аще оубѣдѣтъ
сѣа хрѣ/стѣанѣ и вѣсхѣтѣтъ
вѣдѣти и боудете / вѣблѣче-
ни. но дрѣжите тѣнно жидѣв-
ство, / гѣвѣствѣно хрѣт—
ѣанѣство. прѣмениша / же имѣ
Алеѣинѣо нарекоша имѣ емѣ^ѣ 9
Абрамѣѣ / жѣноу же его на-
рекоша Сарра. Потом же
Але/ѣинѣ наоучѣи многѣѣ^ѣ жидѣв-
ствоу, еще же и сѣвѣ/тѣа сѣвѣ-
го, Ивашка Маѣѣимова. и шѣа

стианской веры. Потом же
приехали из Литвы ¹⁶ другие
иудеи, а имена им — Иосиф
Шмоилов Скарабей да Мои-
сей Хануш ¹⁷. И такую Алек-
сей и Денис надежду возло-
жили на жидовскую веру, что
стали всегда с ними трапезни-
чать и обучаться у них жидов-
ству, и не только сами, но и
жен своих и детей склонили к
жидовству, и даже захотели
обрезаться ради жидовской
веры. Но не разрешили им
жиды, говоря так: «Если, мол,
узнают об этом христиане и
захотят убедиться в том во-
очию, то будете обличены, по-
этому храните в тайне свое
жидовство, явно же держитесь
христианства». И переменили
имя Алексею, нарекли его
именем Абрам, жену же его
нарекли Сарой.

После этого Алексей научил
многих жидовству, в том чис-
ле зятя своего Ивашку Макси-
мова и отца его попа Максима
¹⁸, а также множество попов, и

его / по па Маѣма. и многы^х
Ѡ пош^а. и Ѡ діаконъ / и Ѡ
прштъ^х людеи. Денис же по-
пъ тако же / многы^х наѣчи
жидовствовати. потомъ /
прштопопа Гаврила Софенскаго
жидовство/вати наоѣчи. на-
оѣчиша же и Гридю Клоча. /
Грида же Клав^а, наоѣчи Гри-
горѣа Тоѣнина (л. 4) // жидо-
ствѣ, его же шѣе вше в Но-
вѣгородѣ / великоу власть
имѣа. потом же многы^х /
наоѣчиша. а се соѣ^т имена
и^х. по па Григорѣа. / сѣа его
Самсона. Гридю діака Борисог-
лѣскаѣ. / Лавреша. Мишяка
Собаку. Васюка Сѣхого, / Де-
нисова сѣта. да по па Фе-
дора, да по па / Василиа, По-
кровьскы^х. да по па Іакв^а
ап—льскаѣ. / да Юрьку Се-
менова сѣа Длѣгаго. да Ав-
дѣа / да Степана, кри-
лошанѣ. да по па Іванна /
Вѣскри—ьскаго. да Шедокима
Люаншѣ. да / діаконна Ма-

диаконѣ, и простых людей.
Денис же поп тоже многих
научил жидовствовать, затем и
протопопа Гаврилу Софий-
скаго ¹⁹ жидовствовать научил
и, кроме того, научил Гридю
Клоча. А Гридя Клоч научил
Григория Тучина жидовству,
отец которого обладал в Нов-
городе великой властью ²⁰. И
таким образом многих научи-
ли, а поименно — по па Гри-
гория и сына его Самсона;
Гридю, дьяка Борисоглебскаго
²¹; Лавреша; Мишука Собаку;
Васюка Сухого, Денисова зятя;
да по па Федора, да по па Васи-
лия Покровскаго ²², да по па
Якова Апостольскаго ²³, да
Юрку Семенова сына Долгова,
да Авдея, да Степана — кри-
лошан ²⁴, да по па Ивана Вос-
кресенскаго ²⁵, да Евдокима
Лелюша, да диакона Макара,
да дьяка Самоху, да по па
Наума ²⁶, и других многих. И
столько сотворили они безза-
коний, сколько не было и от
древних еретиков.

кара. да діака Самохѣ. да
по/па Наоума; и ннѣхъ многѣхъ.
И толнка сътво/риша без-
аконїа како ни древнїи ере-
тици:t /

У кто двстоинно възпла-
четса том бѣды. / кзын
азыкъ възглетъ съдѣанна,
кзын слѣхъ / кротцѣ приметъ
таковоу повѣсть?!

Бж—твеное въ Хѣо превѣч-
ное Рж—тво еже Ѡ / оца
ложно нарекоша, и възчлчєнїю
его еже / нашего ра^{ан} спсєнїа,
поржгашеса глѣоще. / како Бгъ
ѡцѣ вседрѣжителъ не имать
сѣна / ни стго дѣа.
єдїносщцнзын и съпрѣстолизы
/ себѣ, и како нѣ— стзыа
Трцѣа. а еже книгы / глѣють
како Бгъ ѡцѣ вседрѣжителъ
имать / слово и дѣхъ. то
єсть слово произноснѣ, (л.
4об.) // и дѣхъ на въздоусѣ
разнѣвалиса. а его же / пи-
санїа наричють Хѣ сѣна Бжїа,
тзын ещє / не роднаса єсть.

О, кто же подобающим обра-
зом восплачется о той беде,
чей языкъ возглаголет о соде-
янном, чей слухъ с кротостью
воспримет повесть об этом?!

Вот ведь Божественное Хри-
стово предвечное рождество от
Отца ложным они нарекли и
над вочеловечением Его, на-
шего ради спасения, надруга-
лись, говоря так: «Бог Отец
Вседержитель не имеет ни
Сына, ни Святого Духа —
единосущных и сопредельных
Себе, и нет Святой Троицы, а
ежели книги свидетельствуют,
будто Бог Отец Вседержитель
имеет Слово и Дух, то речь в
них идет о слове произноси-
мом ²⁷ и о духе в воздухе раз-
литом ²⁸, а кого писания назы-
вают Христом Сыном Божи-
им, то таковой еще не родил-

егда * рш^{ан}тса тогѣ нари-
 че/тса снъ Бжн не по со-
 уществу но по благѣти. / Тако*
 Мшѣсен, двѣз и прочн
 пр*рци. а его / же глѣють
 хртїане хѣ бга, тѣн простъ
 члкъ / е— а не бгъ. и рас-
 патъ взы— ѿ тоуден, и истлѣ
 / въ гробѣ. сего ра^{ан} рекоша
 пш^{ао}баеть ннѣ за/конъ
 Мшисеовъ дрѣжати. еше *
 глѣюще и сен, / егда не мш-
 жаша бгъ сп—ти Адама ѿ
 ада и / соуцихъ с нимъ. и еда
 не имѣаше не—нзла силы. /
 и прр*кы и првѣтннкы, еже
 послати испазни/ти хотѣнїе
 свше. но самъ сице тако не-
 ста/жатель и нищъ, и
 възчлчивса и пострада. / и
 симъ прехитри дїавола. не пш^{ао}
 баеть оубо / бгж тако твш-
 рити, и многаа хуленїа и /
 оуничженїа глахоу на бж—
 твеню цркъв, / и на всеч—
 тнзла иконы, глѣюще тако не
 подоба/еть покланати— рѣ-

ся, когда же родится, тогда и
 назван будет сыном Божиим
 — и не по существу, но по
 благодати, как Моисей, и Да-
 вид, и другие пророки; а о ком
 говорят христиане как о Хри-
 сте Боге, тот лишь простой
 человек, но не Бог и распят
 был иудеями и истлел во гроб-
 е ²⁹; именно поэтому, мол,
 подобает ныне закон Моисеев
 соблюдать». Еще же и так
 учили: «Неужели не мог Бог
 спасти Адама от ада и бывших
 с ним, и неужели не имел Он
 небесных сил, и пророков, и
 праведников, чтобы послать
 их исполнить желание Свое,
 но Сам сошел, будто не-
 стяжатель и нищий, и вочело-
 вечился, и пострадал, и этим
 перехитрил диавола, хотя не
 подобает Богу так поступать?»
 И многие хуления и уничиже-
 ния возводили они на Божест-
 венную Церковь и на всечест-
 ные иконы, говоря, что не по-
 добает поклоняться рукотво-
 рению и что не подобает изо-

котвренію. и тако не / по^{ло}.
баеть писати на стѣхъ ико-
нахъ стѣю / Трцѣ. Авраамъ
бв глѣюще Бга видѣ съ
двѣ/ма ангелшма а не Трцѣ.
и бж—твензы^м икона^м / и
чт—номѣ кр—тоу възбра-
нающе поклан/тиса. и швы
в нечистаа мѣста и скверна^а
(л. 5) // метахъ. инѣа же зѣ-
вѣ коусающе такъ^к бѣ/снѣи
ѡси, инѣа же съкрѣшающе.
инѣа же / въ шгнь възме-
тающе. и глѣхъ поржгаемса /
икона^м симъ тако^к жидове Хоу
поржгашеса. / **Ш** сквернѣи
азыци, ш мръскаа и гнлаа
оу/ста. елици бѣоуоульнѣи
шнѣ испоустнша / гла—. то-
гда же приспѣ х концю и
сеѣмаа тѣсж/ца лѣ^т, ш съ-
твореніа всего мира. еретици^к
/ глѣхоу тако сеѣмь тѣсжѣ
лѣ^т сквнчаса. и па/схаліа
пренде. а втвараго Хѣа при-
шествіа / несть. И писанна
шѣскаа соу^т ложна. по^{ло}.

бражать на святых иконах
Святую Троицу, ибо Авраам,
утверждали, Бога видел вместе
с двумя ангелами, а не Троицу
³⁰. И божественным иконам и
честному Кресту запрещали
поклоняться, одни из них бро-
сая в нечистые и скверные
места, другие зубами кусая,
будто бешеные псы, прочие же
ломаая, иные же в огонь повер-
гая, и при этом призывали:
«Надругаемся над иконами
этими также, как жида над
Христом надругались!».

О, скверные языки, о, мерз-
кие и гнилые уста, богохуль-
ные те испутившие возглаше-
ния!

Тогда же подошла к концу и
седьмая тысяча лет от сотво-
рения всего мира. Еретики же
говорили, что семь тысяч лет
истекли и пасхалия кончилась,
а второго Христова пришеств-
вия не случилось, и потому
писания отеческие ложны, по-
добает их огнем сожигать. И
не только отеческие писания

БА/ЕТЬ СИ^Х УГНЕМЬ СЪЖЕЩИ. И
НЕ ТОКМО ОЧЬСКА^А / ПИСАНІА
ХУЛАЩЕ, НО И АП—ЛЬСКАА.
ГЛАХОУ / БШ ЧТО РАДИ НѢ—
ВТВОРАГО ПРИШЕСТВІА ХВА. / А
ОУЖЕ ВРЕМЯ ЕМУ БЪГТИ. АП—АН
ОУБШ НАПИ/САША, ТАКО ХС РО-
ДИСА В ПИСЛЕДНАА ЛѢТА. / И
ОУЖЕ ТЫСЖЦА И ПАТЬСО^Т ЛѢ^Т
ПРЕДЕ ПО ХВѢ / РЖ—ТВѢ, А
ВТВОРАГО ПРИШЕСТВІА НѢ— И
АП—ЛЬ/СКАА ПИСАНІА ЛОЖНА СО-
У^Т. ЕЩЕ * И СТГО ЕФРЕ^М/МА
ПИСАНІА ХУЛАЩЕ ГЛЮЩЕ ТАКО
ЛОЖНА СОУ^Т / ПИСАНІА ЕГО, ПИ-
САЛЪ БШ €— ТАКО СЕ ОУЖЕ ГЪ
НАШЪ / ІС ХС ГРАДЕТЬ СО-
УДИТИ ЖИВЫ^М И МРТВЫМЪ. /
И СЕ КОНЕЦЪ ПРИСПѢ. И ПОСЛЕ
ЕГО ПИСАНІА ТЫСЖЦА ЛѢ^Т
ПРЕДЕ, А ВТВОРАГО ПРИШЕСТВІА
НѢ—. (л. 50б.) // И НЕ ТОКМУ
СТГО ЕФРЕМА ПИСАНІА ОУКО-
РАЮЩЕ, / НО И ВСА БЖ—
ТВЕНАА ПИСАНІА УЧЬСКАА ОУКО-
РА/ХОУ. И НЕ ТОКМУ ПИСАНІА,
НО И САМЫН ТЪИ / ШЕРАЗЪ

хулили, но и апостольские,
ибо вопрошали: «Чего ради
нет второго пришествия Хри-
стова? Уже настала пора ему
быть. Ведь апостолы писали,
что Христос родился в по-
следние времена, но уже тыся-
ча лет прошло после Христова
рождества, а второго пришест-
вия все нет. Потому и апо-
стольские писания ложны»
Еще же и святого Ефрема пи-
сания хулили, утверждая, буд-
то ложны они. Ибо он писал,
что уже Господь наш Иисус
Христос грядет судить живых
и мертвых и уже конец насту-
пает, но после его писаний
тысяча лет истекла, а второго
пришествия нет. И не только
святого Ефрема писания уко-
ряли, но и все божественные
писания отеческие укоряли. И
не только писания, но и сам
образ иноческий и жительство
иноческое укоряли, говоря,
что иноки уже отступили от
пророческих, и от евангель-
ских, и от апостольских заве-

и ншчскѣмъ и житѣльствѣ
и ншчскѣ / оукорѣюще глахѣ.
и ако и ншчѣ оубо ѿстоу/пиша
ѿ прѣрчскѣхъ и ѿ евангѣльскѣхъ
и ѿ апѣльскѣхъ / оученій. и
самшчсмѣшленіемъ и само-
шчченіемъ изобретоша себѣ
житіе. и шста/вѣше заповѣ^а
Бжїю дрзжати преданіе
члѣч/скаа. И ншчѣ же глѣють,
и ако аще бѣи бѣшѣ и ншчскѣ
житѣльство бжѣоуднѣ. бѣшѣ
бѣи ѿбо / и самъ Хсѣ и бж-
твеннїи апѣли въ и ншчскомѣ
/ образѣ. и ншчѣ же видимъ Хсѣ
написана, та/ко же и стѣхъ
апѣлъ в мирскомѣ образѣ а
не / въ и ншчскомѣ. и ншчѣ же
глѣють, и ако не ѿ аггѣла стѣ
преданъ бѣи^с Пахомїю шбра^а
и ншчскѣмъ, / еже е — схима.
аще бѣи аггѣлъ Бжїи свѣтель
/ бѣи гавнаѣса, но понеже
чернъ гавнаѣса. се естѣ / зна-
меніе вѣсовскаѣ дѣнства. и ншчѣ
же ра/звращаютъ слѣвеса
стѣто апѣла Павла. еже / к

тов, и самоизмышлением и
самоучением изобрели себе
житіе, и удалились от запове-
ди Божией сохранять обыкно-
вения человеческие ³¹.

Некоторые же утверждают
так «Если бы было инокское
житіе богоугодным, то и Сам
Христос и божественные апо-
столы пребывали бы в инокс-
ком образе. Ныне же видим
Христа, а также святых апо-
столов, написанными в мир-
ском образе, а не в инокс-
ком».

Некоторые же говорят: «Не
от ангела святого предан был
Пахомию образ инокский, то
есть схима! Если б — от ан-
гела Божия, то светлым был
бы тот образ; но поскольку он
черен, то это — знак бесов-
ского деяния».

Некоторые же извращают
слова святого апостола Павла,
который писал к Тимофею
так: «Дух де речью глаголет,
что в последние времена от-
ступят иные от веры, внимая

Тимѡфею пишеть гла, Дѣхъ
 же рѣчию / глеть. яко в послѣ-
 вѣнѣаа времена ѡступат /
 нѣци ѡ вѣрѣ внимающе
 дѣхомъ лествичим / и
 оученіемъ вѣсовьскымъ в ли-
 цемѣрии зло(л. 5) // савесникъ
 ижженъ свѣю съвѣстїю.
 възбраняюще женитиса, и
 оудалати— ѡ брашенъ. таже
 Бгъ сътворивъ снѣденіе съ
 блго/дареніемъ вѣрныѣмъ, и по-
 знавши истинноу. / еретици
 же глають, яко сѣа рекъ е—
 стѣи / ап—лъ Павелъ ѡ
 иноцѣхъ. тѣи еѡ възбраняют /
 женитиса и брашенъ ѡшата-
 ти— ѡ ннхъ же / писано е—
 прѡклатъ всакъ иже не вста-
 вить / сѣмени въ гнѣни. И
 не токмо до сего преста/ша
 скверни и нечисти. но пїюще
 и ѡбѣда/ющеса. и въ сѣи
 великѣи постъ и въ вса /
 стѣиа посты. и въ средѣ и
 въ пѣтокъ, ма/сѡ гдоуше и
 блѣдѣмъ сквернѣщеса. и въ

духамъ льстивымъ и учениямъ
 бесовскимъ в лицемерии зло-
 словесниковъ, сожженныхъ сво-
 ей совѣстью, запрещающа
 жє жениться и требуя избегатьъ еды,
 которую Богъ сотворилъ, дабы
 вкушали еѣ с благодареніемъ
 верные и познавшие истину»
 (I Тим. 4: 1-3)³². Еретики же
 говорятъ, будто это сказалъ свя-
 той апостолъ Павелъ объ инокахъ,
 ибо они запрещають жениться
 и требуютъ отъ еды воздержива-
 ться, и именно о такихъ на-
 писано: «Проклятъ всякій, кто
 не оставитъ семени в Израилѣ!»
 (Вт. 25: 9)³³. И не только до
 того дошли скверные и нечес-
 тивые, но упивались и объеда-
 лись, и во святой и велики
 постъ, и во все святыя посты, и
 в среду, и в пятницу мясо ели
 и блудомъ осквернялись, потомъ
 же в святую церковь шли и
 святую литургию совершали.

БЖЕ/СТВЕНЪЯ ЦРКВИ ВЪХОДАЩЕ
И СТОЮЮ АНТЪ/РГЮ СВЪРЪ-
ШАЮЩЕ.

КАКО НЕ УДИВИМСЯ
НЕ/ИЗГЛАГОЛАННОМУ ТИ СЛОВЕ
ДАВГОТРЪПЕННЮ. КА/КО НЕИЗ-
РЕЧЕНЪЯ ТВЕМЕ БЛГОСТИ ИЗРЕ-
ЧЕМЪ / ГЛОУБИНОУ. ДРЪЗНУША
КО ИНЪЕМЪ СКВЕРНИИ ТИ /
ЛЪЗЪЦИ, ВЛИКОЕ СЕ И ЛОУКАВОЕ
ПРВЪЩЕВА/ТИ. И САМОЮ ТОУ
ДЪВЪ И БЦЪ ПОУХЪАТИ. / И ВЕЛИ-
КАГО ПРЪТЧЮ ИВАННА. И СТЪИХЪ
АП—ЛЪ, И / МЧНЪКЪ. ³⁴
ИЩЕННЪИ СЪЛЪИ, И ПРЪПЪИЗЪИХЪ
И БГЪ/НОСНЪИХЪ ШЦЪ НАШИХЪ. ТО-
ЛКА И ТАКОВА СЪТВО/РИША
САТАНИНЪ ПРВЪЩЕЦЪ. АЛЕГЪИ И
ДЕНИСЪ (Л. БОБ.) // В ВЕЛИ-
КОМЪ НОВЪГОРОДЪ.

ВЪ ЛЪТО ЖЕ, / Б.Ц.П.И.
ПРИДЕ КНАЗЪ ВЕЛИКЪИИ ИВАННЪ
/ ВАСИЛЪВЕНЧЪ В ВЕЛИКЪИИ
НОВЪГОРЪТЪ. И ТОГДА / ВЪАТЪ
АЛЕГЪИА ПОПА НА МОСКВОУ НА
ПРЪТЪ/ПОПЪСТВО, КЪ ЦРКВИ
ПРЧ—ТЪЯ ОУСПЕНТА. И ДЕ/НИСА

Как же не удивимся неизъяснимому Твоему, Слово, долготерпению, как неизреченной Твоей благодати изречем глупину!

Дерзнули другим скверные те люди великое и лукавое то учение извещать, и саму Деву Богородицу хулить, и великого Предтечу Иоанна, и святых апостолов, и мучеников, и преосвященных святителей, и преподобных богоносных отцов наших. И немало таковых дел сотворили сатаны первенцы, Алексей и Денис, в Великом Новгороде.

В лето же 6988-е /1480/ прибыл князь великий Иоанн Васильевич в Великий Новгород, тогда и взял он Алексея попа в Москву на протопопство к церкви Пречистой Успения ³⁵, а Дениса попа — к церкви Архангела Михаила ³⁶.

попа къ архіагелѣу Мнханлоу.

Но кто / безъ слезъ имаѣт ис-
повѣдати, елика и како / ва
сътвориша сѣи сквернѣи ѱи съ
свннмі / поборникы. По при-
шествіи бѣ на Мѣскеѣ / в
великомъ шномъ и мно-
гочлѣстѣмъ гра^{лѣ}, / еще не
смѣюще прохвѣтити ничто *
неповѣрно. / но таахоуца іакѣ*
зміевѣ въ скважнѣ. / члѣкомъ
же являющеса сѣи и кротци,
пра/венѣи възєѣржннці. тай-
но же сѣюще сѣма / сквер-
ное. и многыа дѣла погнѣнша
и в. жї/дѣвство ѿведоша,
іакѣ* нѣкыимъ ѿ/бѣжати и
вѣрѣзатнса въ жидовскѣю /
вѣрж. ѿ нихъ же е— Ивашко
Черныи іакѣ* / именемъ тако
же и дѣлази. и станннкѣ еѣ /
Игнатъ Зоуєшвѣ.

Въ лѣто же 5.ц./ч.г. по-
ставленъ бѣ— архіпк—пѣ Ве-
ликомѣ / Новоугорѣдѣ и
Псковоу, сѣеннѣи Генадіє. /
и полуженъ бѣ— іакѣ свѣ-

Но кто без слез сумеет пове-
дать о том, сколько и что со-
творили эти скверные псы
вместе со своими поборни-
ками?! Ведь по пришествии в
Москву они в этом великом и
многолюдном городе сначала
не смели делать ничего непо-
добающего, но таились, будто
змеи в яме, и, представляясь
перед людьми святыми и
кроткими, праведными воз-
держниками, тайно сеяли се-
мена скверные; и немало душ
погубили и в жидовство обра-
тили, так что некоторые из на-
рода бежали и обрезались в
жидовскую веру, например,
Ивашка Черный — как по
имени, так и по делам, и сота-
инственник его Игнат Зубов
37

В лето же 6993-е (1484) по-
ставлен был архиепископом
Великого Новгорода и Пскова
преосвященный Геннадий ⁴⁰.
Возжжен он был, будто свет
на свече, Божиим судом; будто

тианикъ на свѣ/цниціѣ
 Бжїимъ соудѡ^м. такъ левъ по-
 ущенъ (л. 7) // въ— на злѡ-
 дѣственнѡмъ еретикѣ. оуст-
 ре/ми въ сѧ тако ѿ чаща
 бжт—венъ^х писанїи. / и тако
 ѿ вѣсокъ^х и краснъ^х горъ
 прр^ческыѣхъ / и апл—скыѣхъ
 оученїи. иже ногты свшми
 ра/стръзалъ тѣ^х сквернѡмъ
 оутробѣ, напи/вшаасѧ яда
 жидовскаго. зѡубѣи же
 свон/ми съкръшѡа и растръ-
 заа и ѿ камень раз/бивѡа.
 шни же оустремиша— на бѣ-
 ганїе. / и прїдоша на Мѣск-
 воу готовоу имѣще / помшщѣ,
 Алѣксїа прѡтопопа. и Деннса
 пш/па. оуже многы^х прель-
 стиша и приверѣ/тѣше в
 помшщѣ свшѣмъ сквернѡмъ жи-
 довскѡмъ вѣрѣ. ѿ чернѡцов
 же нѣкоего не ре/коу
 архїмандрїта, но сквернїтелѧ.
 раѣю/щасѧ калѣ влоунѣомъ.
 именовъ Зосимѡу. / такъ^х
 прѣваго еретика Зосимъ Чер-

лев, пущен был на злодейских
 еретиков. Ибо произрос он из
 чащи Божественных Писаний
 и нисшел с высоких и пре-
 красных гор пророческих и
 апостольских учений. И по-
 тому бросился он растерзы-
 вать скверные утробы упив-
 шихся яда жидовского, зубами
 своими сокрушая и растерзы-
 вая их и о камень /веры/ их
 разбивая. Те же пустились в
 бегство и пришли в Москву,
 где была у них защита. Ведь
 Алексей протопоп и Денис
 поп уже многих людей оболь-
 стили и приобрели в помощь
 своей скверной жидовской ве-
 ре. Среди же чернѡцов был
 там некто /кого не назову ар-
 химандритом, но оскверните-
 лем, радующимся калу блуд-
 ному/ по имени Зосима ⁴¹, по-
 добный первому еретикѡ Зо-
 симе Черному ⁴², — так и его,
 окаяннаго, совратили. Потом
 же привлекли к своей ереси
 чернѡца Захара ⁴³, потом от
 двора великаго князя — Фе-

наго. / Тако и сего шканинаго
Зосимъ. потом же / привле-
коша къ свшен ереси черныца
Заха/ра. Потом же ѿ двора
великаго князя, / Федора
Коурицина, да дѣаковъ крт—
овъхъ³⁸ / Истомъ да Сверчка.
ѿ коупьцовъ же Семена /
Кленова. Фе⁴⁰р же Коурицинъ
и Истома и Све/рчекъ и Се-
менъ Кленовъ, многы^х на-
оучиша / жидовствовать.
Толикъ * дръзнове(л.
Тоб.)//нѣ тогаѣ имѣахоу къ
дръжавномъ, прѣто/попъ
Алѣѣи и Федор Коурицинъ.
яко никто / же ннъ звѣздъ-
законію бѣ прилежахоу / и
многымъ баснословіемъ. и ас-
трологы и / чародѣнствоу и
чернокнижю. Сего радѣ / мно-
зи к нн^а оукавшиша— и по-
грасоша въ / глочеиннѣ
ѿстоупленія. снаходн бѣ пре-
скв^е/риын сатана и шврѣте
многыхъ имоуцихъ / землю
срѣднѣю въраноу и оумаг-

дора Курицына⁴⁴, да дьяков
крестовых — Истому и
Сверчка⁴⁵, а от купцов — Се-
мена Кленова⁴⁶. Федор же
Курицын, и Истома, и Свер-
чок, и Семен Кленов многих
научили жидовствовать. И
большую свободу тогда имели
перед державным протопоп
Алексей и Федор Курицын.
Как никто другой. Ибо усерд-
ствовали они в изучении звез-
дозакония, и многих басносло-
вии, и астрологии, и чародей-
ства, и чернокнижия. И по-
тому люди к ним обратились
и погрязли во глубине отступ-
ления, что явился пре-
скверный сатана и нашел мно-
гих, имеющих в сердце землю,
вспаханную и взрыхленную
сластями житейскими —
тщеславием, и сребролюбием,
и сластолюбием, и неправдою;
рассеял он в них скверные
свои плевелы — в скверно-
убийственных этих ехидниных
чадах, покусившихся на Мило-
стивого и Сладчайшего моего

Владыку.

О земля, о солнце! Как стерпели вы это?! Ведь неизменно оставались они в скверне хулы и поругания, изрыгая их мерзкими своими языками на Единородного Сына Божия, и на Пречистую Его Матерь, и на всех святых!

Происходило же это во времена Геронтия митрополита ⁴⁷, ибо сам он, по-христиански мудрствуя, нисколько не заботился о других, погибающих — увы мне! — Христовых овцах в еретическом учении; или невежеством был удержан, или просто не радел о них, или боялся державного. Но вскоре Геронтий преставился.

чENOУ сла/стми житїискъыми.
39 и сластѣлюбїемъ и
не/правдѣю. И постѣа в ннх
сквернѣа свѣа плѣ/вѣлѣи
сквернѣоубїственнѣх шнѣх
ехѣднн/но исчадїе дрѣз
ноувшнх на мат—нѣаго и
слаѣ/каго ми Вакѣоу. Ѡ зем-
ле, ѡ снѣце како трѣ/пнши,
ни единомъ вѣ сквернѣи оста-
виша / хоуѣи и поржганїа, еѣ
* не нѣлѣаша мрѣскѣи/ми
свѣими лѣзѣкѣи. на едно-
рѣнѣаго снѣ / Бжїа, и на
прч—тоѣю его мтрѣ и на вса
сѣѣа.

Ѡа бѣшѣа в лѣта Геронтїа
митропо/лнта. самъ оѣвѣ бѣ
хрт—їанскаѣ моу/дрѣствоуѣа.
ѡ прочнх же ннмало попечеса.
/ погѣбаюцнх оувѣи мнѣ
Хбѣемъ шѣцѣмъ / еретиче-
скѣи оученїемъ, нн
грѣбостїю / сѣдрѣжнмъ. нн
не радѣше ѡ снхъ. нн боа(л.
8)/щеса дрѣжавнаго. помалѣ
же Геронтїю / преставлѣшѣса.

Въ лѣтѣ 5.ц.ч.з. миноу/вшж
 же малу времени, Истома
 дякъ ста/инникъ дяволовъ,
 адвѣзъ пѣсѣ. оучникъ /
 Алексѣевъ растръзаетса оуди-
 цю Бжіа гнѣ/ва. сквернѣе во
 его срѣдѣ, иже семѣлоукавѣхъ
 / дѣхвѣ жнанице его съгни и
 чрево его прѣ/гни. и призва к
 себѣ нѣкоего врача. онъ /
 видѣвъ сказа емѣ. тако бжт—
 венѣин гнѣ/въ е— и не исцѣла-
 ны члѣвскыи врачеваніемъ. и
 тако много моучимъ из-
 врѣже скверноую сво/ю дшж.
 непомнозѣ же и ѡкаанѣин
 онъ / сатанинъ съсоуѣ и
 дяволовъ вепрь. при/шедѣин
 ѡ лоуга и ѡзобавѣин винограѣ
 хѣвъ. / Алексѣин гліо прѣтопопъ.
 изврѣже свою скверноую
 дшж в ржцѣ сатанѣ. постиже
 бѣ / на него Бжіи соуѣ. и
 ѡдръжимъ бѣ⁴⁸ болѣзнійю /
 лютою. и пораженъ бѣ— ме-
 чемъ Бжіа сѣда. /

Въ лѣто 5.ц.ч.б. мѣа сен-

Спустя же немного, в лето
 6997-е (1489/90), Истома дякъ,
 сотаинственник дяволов, адов
 пѣс, ученик Алексея, растерзан
 был удою Божьего гнева, ибо
 скверное его сердце, жилище
 семи лукавых духов, сгнило и
 чрево его прогнило. И призвал
 он к себе некоего врача. Тот
 же, осмотрев его, сказал, что
 на нем Божий гнев и его не
 исцелить человеческим врачев-
 ванием. И так он в тяжких
 мучениях испустил свою
 скверную душу. Через некото-
 рое же время и окаянный са-
 танин сосуд и дяволов вепрь,
 выскочивший из лесу и поте-
 рявший насаждения Христовы,
 — Алексей, говорю, протопоп,
 — извергнул свою скверную
 душу в руки сатаны, ибо на-
 стиг и его Божий суд. И одер-
 жим он был болезнью лютой,
 и поражен был мечом Божия
 суда.

В лето 6999-е /1490/, 26 сен-
 тября, по прошествии малого

Табрл. кс. 49 / малѹ же вре-
мени миноушѹ, и пресѣеннѹин
/ архіепк—пѹ, Великого Нѣва-
города и Псковѹа / Генадіе.
присылае^т кѹ державннмѹ, и
к ми/трополитѹ Зосиме, еше
бѹ не вѣдома / ваше емѹ
злвдѣиственое сквернѹа дѹша
(л. 80б.) // нхѹ. 50 и прино-
сатса многаа истиннаа свѣ-
лн/тельство, на новгородскѹх
еретиковѹ. / елнци блхѹ в
Нѣвѣгородѣ и лнци на Мш-
сѹ/квѹ привѣгоша. в хоулѣ
и в поржганіи / бжт—венѹх
иконѹ, и чт—нѹх и жи-
вотворл/цих крѣтовѹ. и пове-
лѣнїемъ державнаго, / съб-
раша— епк—пн. архіепк—пѹ
Ростовскѹин / Тихонѹ. и
епк—пѹ Нифонтѹ
Суздальскѹин. / Сѹмеш^н Рѹ-
занскѹин. Вассіанѹ Тверскѹин.
/ Прохорѹ Сарскѹин. Фило-
фен Прьмскѹин. / и архиман-
дрити и игоумени, и ве-
сѣиннѹн / събврѹ Рѹ—скѹа

времени, преосвященный ар-
хиепископ Великого Новгоро-
да и Пскова Геннадий на-
правил послание к держав-
ному и к митрополиту Зосиме,
ибо не ведал еще о злодействе
скверных душ их, и предста-
вил им многие истинные сви-
детельства на новгородских
еретиков, которые находились
в Новгороде и которые в Мо-
скову перебежали, — о хуле и о
поругании ими божественных
икон и честных и животворя-
щих крестов. И по повелению
державного собрались епи-
скопы: архиепископ Ростов-
ский Тихон, и епископ Ни-
фонт Суздальский, Симеон
Рязанский, Вассиан Тверской,
Прохор Сарский, Филофей
Пермский ⁵¹, и архимандриты,
и игумены, и весь священный
собор Русской митрополии.

митрополѣа.

Въ лѣто / 5.ц.ч.б. шк-
тѣбра .зі. прїдоша же к
мі/трополнтѣ Исосимѣ ⁵², Зо-
сима же повелѣ / прѣклінати
еретикѣи новгородскаго / прѣ-
топопа Гаврила. оумрѣлъ бѣ
оуже бѣ/ше дшєю мрѣтвѣи
прѣтопопъ Алексїи. и / попа
Дениса Архангельскаго. и попа
Мазни/ма Иѣанновскаго. и
попа Василїа Покрѣвскаго.
и дїакѣна Макара Никольска-
го. / и дїака Гридю Борисог-
лѣбскаго. и Васка / зѣтѣ
Денисѣва. и Самоухѣ дїака
Никѣ/скаго. и всѣх еретико-
вѣ, елицѣ таѣ * мѣд-
рѣ/ствѣють, И нїи же по-
слани бѣша ѿ дрѣ(л.
9)//жавнаго в Великїи Новѣ-
городѣ, къ архїепк—пж / Ге-
надїю. он же за четыредеса⁷
поприщѣ по/велѣваше всаж-
ти ихъ на конѣ в сѣдла /
ючнѣе. и одежа ихъ повелѣ
шбращати пѣ/редѣ^а назадѣ. и

В лето 6999-е, 17 октября,
обратились они к ми-
трополиту Зосиме. Зосима же
повелел проклинать еретиков:
новгородского протоппа Гав-
риила, ибо умер уже тогда
душею мертвый протопп
Алексей, и попа Дениса Ар-
хангельского, и попа Максима
Иоанновского ⁵⁴, и попа Ва-
силия Покровского, и диакона
Макара Никольского ⁵⁵, и дья-
ка Гридю Борисоглебского, и
Ваську, зятя Денисова, и Са-
моху, дьяка Никольского, и
всех еретиков, которые так же
мудрствуют.

И одни из них посланы бы-
ли державным в Великий
Новгород к архиепископу Ген-
надью. А он за 40 поприщ от
Новгорода повелел посадить
их на коней, в седла вычные,
и одежду их выворотить наиз-
нанку, и спиной повелел обра-
тить их к головам конским,
дабы зрели они на запад, во
уготованный им огонь; а на

хрепѣтъ^м повелѣѣ обращати /
и хѣ къ глаба^м конскѣмъ, тако
да зра^т на запа^а. / въ оуѣт-
тованнѣмъ имъ шгнь. а на
глав и^х / повелѣѣ възвѣжиги
шлѣмѣмъ берестенѣмъ / встрѣ-
тако бѣсѣвскѣмъ, а еловци
мшча/анѣ. а венци соломанѣ
с сѣномъ смѣшенѣ. / а ми-
шени писанѣ на шлѣмѣхъ черни-
ло^м, се е — сата/инно воин-
ство. и повелѣѣ водити по
градѣ / и срѣтаюци^м ихъ пле-
вати на нихъ и глати. / се
врази Бжїи, и хрт—ѣанстїи хо-
улицѣ. по/том же повелѣѣ
пожещи шлѣмѣмъ иже на глаба^х
/ ихъ. сѣа сѣтѣври доврѣни
шнѣ пастырь, хо/та оустра-
шити нечестивѣмъ, и безбож-
нѣмъ еретикѣ. И не токму
снѣмъ, но и про/чи^м оужаса, и
страха испѣзненѣ позорѣ, поне
/ на снѣхъ зраше оуцѣлшмѣд-
ратса. Ини же / еретници
всѣжуютса ѿ дрѣжавнаго в
за/точенїа и изганїа. Денисѣ

головы их повелел возложить
шлемы берестяные — острые,
подобно бесовским, а еловцы
у них чтоб были мочаль-
ными, а верхушки — соломен-
ные с сеном вперемешку, а
клейма на шлемах — с надпи-
сью чернилами: «Се сатанино
воинство!» И повелел он во-
дить их по городу, и чтоб
встречные плевали на них и
говорили: «Вот враги Божий и
христианства ругатели!» По-
том же повелел он сжигать
шлемы прямо на головах их.
И так поступил добрый тот
пастырь, желая устрашить не-
честивых и безбожных ерети-
ков. И не только для них, но и
для других ужаса и страха ис-
полнено было это зрелище,
дабы, на таковых смотря, они
вразумились.

Некоторые же еретики осуж-
дены были державным в зато-
чение и изгнание. Денис же
поп по проклятии и заточе-
нии обуян был вселившимся в
него бесом гнусным и целый

же попъ по прѡ/клатѣи и за-
 точенѣи преданъ бѣ— вселше-
 моу/са в него бѣсѹ хуланомѹ.
 и пребѣзы— мѣсачное (л. 9об.)
 // врѣмѣ козавгласоуѣ
 сквернѣи, гласѣи звѣ/рскѣи
 и скотѣи. и всакѣи^х птицѣи и
 гадовѣ. / и тако заѣ изврѣ-
 же сквернѣю и еретическѣю
 свѣю дѣш. тако же и Захаръ
 чернецъ / по^абно томоу
 мдрѣствѣ^а 53.

Влетѣша / бо ѿ на— како
 цѣрковѣ добрѡпѣснѣи како
 сла/вѣи великогласнѣи. како
 ластѡвнѣи слакѡгла/голанѣи,
 бж—твеннѣи стѣлѣ. и величнѣи
 чю^атво/рци, Петрѣ, и Алексѣи.
 и ннѣи православнѣи / стѣлѣ,
 иже посрѣ^а сада црковнаго
 вглашаю/ще оуши слышаци^х
 православіа оученіе. ѿлетѣша
 како шри крилатѣи, иже ногтѣи
 / свнннн истрѣзающе очеса
 незраци^х пра/во смѡтреніе
 хѣо. ѿлетѣша къ хѣу иже /
 крылатѣи покрѣвающе вѣрнѣи^х

месяц, скверный, неистово
 орал на разные голоса — зве-
 ринные и скотские, и всяческих
 птиц и гадов, и с тем в злобе
 извергнул скверную и ерети-
 ческую свою душу. Так же
 умер и Захар чернец, подобно
 Денису мудрствовавший.

О, отлетели от нас птицы
 доброгласные, соловьи гром-
 козвучные, ласточки сладко-
 глаголивые — божественные
 святители и великие чудо-
 творцы Петр и Алексий, и
 прочие православные святи-
 тели, которые посреди сада
 церковного возвещали вни-
 мающим учение Православия,
 отлетели будто орлы крыла-
 тые, когтями своими растер-
 завшие очи не видящих истин-
 ное попечение Христово; отле-
 тели ко Христу те, кто крыль-
 ями своими покрывали вер-

множествъ. и / оставаше
на— сирѣи⁵⁷. И нѣи же мнози
оуче/ници, Алезѣа прѣтопопа и
Дениса попа, сѣи / соу⁷. Фе-
^арѣ Коурицинѣ дѣакѣ великого
кнѣза, / да Сверчекѣ. да
Ивашку Мадимов⁸. да Семен
/ Кленовѣ. и мнози нѣи, иже
в таниѣ дрѣ/жаще ереси мно-
гѣ. десѣтословѣмѣ на
жи/дѣство оучаще. и садду-
кеискою. и месали/искѣю
ересь дрѣжаще, и многа раз-
враще/нѣ творѣще. и нѣ ви-
дѣхѣ блѣгѣозоу(л. 10)//мнѣ^к.
и писанѣа бжт—венѣа вѣдѣ-
щи^к. тѣхѣ / еще в жидѣство
не смѣюще приводити. / но
нѣкѣа главизнѣи бжт—венѣа
писанѣа ве/тѣаго же зовѣта и
новаго накриво ска/зоюще и
кѣ свѣей ереси прѣхѣщѣюще.
/ и баснословіа нѣкаа. и
звѣздозаконѣа / оучѣахѣ. и
по звѣзда^м смѣтрити. и
стро/ити роженѣ. и житѣ
чѣльское, а писанѣе / бжт—ве-

ных множество; и оставили
нас сиротами.

И вот имена иных учеников
Алексея прѣтопопа и Дениса
попа: Федор Курицын, дѣак
великого князя, да Сверчок, да
Ивашка Максимов, да Семен
Кленов; и немало было дру-
гих, которые в тайне ис-
поведовали многие ереси, с
помощью десѣтословіа жи-
довству учили, и саддукей-
скую⁵⁸ и месалианскую⁵⁹
ереси соблюдали, и многие
развращения творили. А в ком
видели богомыслие и Писаний
Божественных разумение, тех
сразу в жидѣство воздерживали
обращать, но отдельные
места Божественного Пи-
сания — Вѣтхого и Нового
Заветов — превратно им тол-
ковали и своей ересью со-
блѣзняли их, и баснословіям
неким и звездозаконіям по-
степенно учили, и — по звез-
дам угадывать и пред-
сказывать рождение и судьбу
человеческую, а Писание Бо-

ное презирати тако ничтѣмъ съ-
ще / и не потребнѣ члѣкѣмъ.
прѣстѣннихъ же на / жидѣ-
ство ѹчахоу. аще ктѣмъ и не
ѡстоу/пи в жидѣство. то
мнози навѣчишася / ѡ нихъ
писанїа бжт—вѣнаа оукарати.
/ и на трѣзѣщнхъ и в дв-
мѣхъ, ѡ вѣре любв/прѣнїе
твѡрѣхъ. и съмнѣнїе имѣа-
хоу. /

И ⁶⁰ толико бѣ— سموуцѣнїе
вѣ хрт—їанехъ, тако/ва же ни-
когда же бѣша. ѡнеи же
слнще / бл҃гочестїа начлѣт
всїати в Рус—кон земли. /
иницескѣи же чинѣ, иже в
монастырехъ, / и иже в по-
устѣини прѣбѣзѣюще. тако же
/ и ѡ мирскѣхъ члѣкѣхъ и
бл҃городнѣхъ и хрт—олюбивѣхъ,
/ мнози съгражахоуся срѣди.
и многѣи ско/рѣи и печалн
дїша имоуцѣ исплѣненѣи, и не
/ мѡгѣще трѣпѣти пагоуб-
нѣи и б҃гохоу(л. 10об.)//анѣи
боура съ слезами горкими б҃га

жественное — презирать как
не имеющее смысла и не нуж-
ное людям. Тех же, кто по-
проще, прямо жидовству обу-
чали. И если кто и не об-
ращался в жидовство, то все
же многие научились от них
Писания Божественные уко-
рять, и стали на торжищах и
по домам о вере спорить, и со-
мнение возымели.

И такое распространилось
смущение среди христиан, ко-
торого никогда не было с тех
пор, как солнце благочестия
воссияло над Русской землей,
Иноческий же чин, в монасты-
рях и пустынях пребывающий,
а также многие из мирян бла-
городных и христолюбивых —
укрепились сердцами, и мно-
гими скорбями и печальми
душевными исполнились, и
будучи не в силах терпеть па-
губную и богохульную бурю,
со слезами горькими Бога мо-
лили, да упразднит пагубную
ту жидовскую зиму, и согреет

молл/хѸ, да оупразнить
 пагбенноу ю шноу жи/дшвскоу ю
 змиѸ и сзгрѣеть срѣѣа па-
 матію, / едношцинѸа
 ТрѸца, и шзарить исти/ниѸ.
 и възсѣаеть слѣнце блѣгочестѣа и
 пакш / мицно комѸ тако
 пшвѣизатиса ш том. / еже
 исквернити пагбенѸа плевел-
 лы жи/дшвскѸа. съ скверно-
 плевелосѣателемѸ. / и шви
 оубш, обличиша тѣх ѡстѸп-
 леніе, / и сквернаа дѣла. и не
 престахѸ обличаю/ще, и всѣм
 повѣдающе. тѣх ерети-
 че/ство и сквернаа дѣла. би
 шни же къ дрѸжа/вшимѸ
 приходать, и на тѸа клевет-
 цоуѸ. / и абіе неповинни за-
 точеніемъ шсоужаю/тсѸ ѡ
 дрѸжавнаго, и скрѸби многы
 и юззы, / и темница. и раз-
 грабленіе имѣніемъ
 прѣе/млють. шви же спшстра-
 дають тѣм аще / не из-
 гнаніемъ. но писаніемъ оутѣ-
 шите/анѸимѸ. и тѣлесныѸ по-

сердца памятью о единосущ-
 ной Троице, и озарит истину,
 и да воссияет солнце благочес-
 тия. И кто как мог, так и ста-
 рался о том, чтобы искоренить
 пагубные плевелы жидовские
 вместе со скверноплевелосея-
 телем. Одни обличили тех от-
 ступление и скверные дела, и
 непрестано обличали и всем
 разъясняли их еретичество и
 скверные дела, те же к дер-
 жавному обратились и их ок-
 леветали, и тогда неповинные
 на заточение были осуждены
 державным — и скорби мно-
 гие, и неволю, и темницы, и
 разграбление своих имений
 претерпели. Другие же состра-
 дали таковым — хотя и не в
 изгнании, но в писаниях уте-
 шительных, и в их телесной
 нужде и ущемленности стара-
 лись утешить их, а также про-
 тив еретических речений оп-
 ровержительные и обличи-
 тельные ответы, на Божест-
 венном Писании основанные,
 посылали, еретикам противо-

тревъ скоудашть / ѡтѣшаю-
ще тѣ^м. еще же и прѡтивоу /
еретическы^х глѣ. съпрѡтивнѡ
и обличн/телно ѡвѣщанїе, ѡ
бжт—вензѣх писанїи
съ/внрающе посълаахѹ, ере-
тику^м спрѡти/вающеся.

И таковыа ра^м бѣды и
азъ (л. 11) // малѡ нѣчтѡ
събра^х ѡ бжт—вензѣх писанїи.
/ съпрѡтивнѡ и обличительно
еретическы^м / рѣчемъ. аще
невѣжа и грѣбъ, но шба^ч
длѣ/жнѡ ми е — ѡ снѣх не
нераднѡ. прѡтивоу / моеа
силы. аще оубѡ Антїохъ внѣ
живзын / в лаврѣ стѣѡ Са-
вы. и оубѡ звѣрообраз/ны^х
прѣсъ нахоженїе видѣвъ. тако
блговрѣ/меннѹ нѣкоюю шбрѣ-
те винж. и того ра^м / великѹ
книгѣ ѡ бжт—вензѣх писанїи
нзбра. / тако же и стѣын Нн-
конъ, живзын въ Антї/охїи в
Чернѣн горѣ. везбожны^х то-
урковъ / оустремленїе зра.
многа ѡ бжт—вензѣх / пи-

И такой ради беды и я кое-
что выбрал из Божественных
Писаний в опровержение и
обличение еретических суесло-
вий. И пусть я невежествен и
груб, но все-таки невозможно
мне было ими пренебречь.
Противно это моей воле. Ведь
еще Антиох, живший в лавре
святого Саввы, звероподобных
персов нашествие видя, вос-
принял такое как благосло-
венный повод и потому соста-
вил великую книгу — из Бо-
жественных Писаний избор-
ник ⁶³. Так же и святой Ни-
кон, живший в Антиохии на
Черной горе, безбожных турок
нападение зря, многое из Бо-
жественных Писаний выписал
на пользу чтущим ⁶⁴. Ныне же
не персы и не турки, но сам

санѣи написа в ползѣ прѣчи-
тающимъ. / нѣ не прѣси,
ниже тоурки. но самъ
дѣа/волъ, и все его воинствѣ
оплѣчившеса / на Хвѣ
црковѣ, какъ звѣрѣ дивѣ. не
плѣти члѣа вкѣшахѣ, ниже
крови пѣахѣ. / но дѣа по-
гѣбляюще, ей же ве— миръ
недѣа/стоинъ. и да кто же
ми зазрѣтъ, тако / въ всакъ
словѣ изывихѣ.
еретичествѣа/юцихѣ, и жидѣв-
скаа моудрѣствѣаюцихѣ.
Длѣдѣа гѣао прѣтопопа. и Фѣ
шѣра Коурици/на. и попа Де-
ниса. и подобныхѣ имъ. Тако /
бѣ и стѣи бжт—венѣи оцѣи
наши написаша, (л. 110б.) //
на дрѣвнѣа еретикѣа. и въ
мнѣжаншихѣ / мѣстѣхѣ изыви-
шиа. имена ихѣ и ересѣ ихѣ.
/ Того ра^{ан} тако да вѣдѣшма
боудѣтъ и въ дрѣвнѣа / ро-
дѣа. тако снѣхѣ оученѣа дѣаволска
сжѣтъ изо/шѣрѣтенѣа. събрахѣ
же въедино ѿ разлѣчнѣихѣ

диавол. и все его воинство
ополчились на Христову Цер-
ковь; будто звери дикие, не
плоть человека пожирают и не
кровью упиваются, но душу
губят, перед которой и весь
мир ничего не стоит. Потому
да никто же меня укорит, что
во всяком слове своем обли-
чил еретичествующих и по-
жидовски мудрствующих, —
Алексея, повторю, протоппа,
и Федора Курицына, и попа
Дениса, и подобных им.

Ибо так же и святые божест-
венные отцы наши писали на
древних еретиков и в много-
численнейших сочинениях об-
личали имена их и ереси их,
для того, чтоб известно стало
древним народам, что таковых
учения дьявольским являются
изобретением. Собрал и я во-
едино извлечения из различ-
ных Писаний Божественных,
дабы знающие Божественные
Писания, прочитав это, вспо-
нили их, а не знающие, прочи-
тав, вразумились; и если кому

писанїи ежт—венѣхъ. како да
вѣдаше / ежт—вѣда писанїа
првчетъше да възпш/манѣть
себѣ. не вѣдѣше нже првчет-
ше / да разумѣють. и аще
комѣ чтш потре/енш воудеть
првтивѣ еретическы^м рѣче^м. /
и блгтѣю Бжїею веращеть
готово безъ / труда в кв-
емжѣ славѣ...⁶²

понадобится опровергнуть ере-
тические речи, да с Благода-
тию Божией нашел бы пригото-
вленное для этого без труда
в каждом слове...

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ В краткой редакции по Рогожскому списку № 530 (РГБ, Рогожское собр.): «с ними» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифео-
дальные еретические движения на Руси XIV-XVI вв. М.; Л., 1955.
С. 466).

² Здесь и далее цитаты из Священного Писания, приведенные
преподобным Иосифом Волоцким, сверяются с русским сино-
дальным переводом и с первопечатным славянским текстом Би-
блии (Острожская Библия /Фототипич. изд. М.: Л.: "Слово-Арт".
1988). В данном случае преподобный Иосиф перефразирует биб-
лейский текст применительно к третьему Лицу Бога и, по-види-
мому, имея в виду Его неисчислимые ("бездна великая") произ-
воления ("судьбы") о мире.

³ В Древней Руси была принята система летоисчисления от дней
сотворения мира. Считалось, что таковое произошло за 5500 лет
до рождения Христа (это — так называемая Александрийская
Эра). Однако в западнохристианской средневековой традиции

счет лет вели от даты рождения Христова, полагая при этом, что последнюю отделяет от времени сотворения мира 5508 лет (Согласно Византийской, Царьградской Эре). Независимо от того, какой системой пользовался преподобный Иосиф Волоцкий, он в любом случае допустил загадочную неточность, относя Крещение Руси к 6500 г. от С. М., а не к 5496 г., как указывали русские летописи.

⁴ В краткой редакции: «святыю» (Козакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения. С. 468).

⁵ Личность Схарии, от которого, по "Сказанию", началась в Новгороде ересь, стала предметом принципиальных научных споров, продолжающихся до сих пор. Одни исследователи признают свидетельство преподобного Иосифа достоверным и считают Схарию реальной исторической фигурой, другие полагают, что волоколамский игумен прибег в данном случае к тенденциозному вымыслу с целью усиления обличительного пафоса своей критики еретиков, дабы убедительнее показать тождество еретического учения с иудаизмом. Основанием для этих споров служит факт отсутствия имени Схарии в других древнерусских источниках, рассказывающих о ереси. Имеются лишь косвенные данные. Так, в 1488 г. инок Савва (насельник Троицкого Сенновского монастыря, находившегося на Корельском перешейке, в Вотской пятине Новгородской области) составил компиляцию выписок из различных противоиудейских сочинений — "Послание на жидов и на еретики". В предисловии к "Посланию" Савва, обращаясь к Дмитрию Васильевичу Шеину, ходившему в 1487-1488 гг. послом Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею, писал: «И ты, господине Дмитрей, коли был еси послом и говорил еси с тем жидовином с

Захариею с Скарюю. И я, господине Дмитрей, молюся тебе — что еси от него слышал словеса добры или худы, то пожалуй, господине, отложи их от сердца своего и от уст своих, якоже некоторое скаредие» (Послание инока Саввы на жидов и на еретики / Предисл. С. А. Белокурова // Чтения в об-ве ист. и древ. Российских. М., 1902. Кн. 3, отд. 2. С. 1). Кроме того, по документам Крымского приказа известно, что примерно с конца 1482 — начала 1483 г. по апрель 1500 г. московский князь Иоанн III вел переговоры о переходе к нему на службу с неким — проживавшим то в Крыму, то в Черкассах — Захарией Скаррой или Захарией Гуил-Гурсисом, причем называл его в разные годы по-разному: «жидовинном», «евреяннинном», «таманским князем», «черкасином», «фрязинном» (Булгаков Н. А.. Преподобный Иосиф Волоцкий. СПб., 1865. С. 41, 71-73, 77, 114, 309). Наконец, последнее косвенное свидетельство о Схарии предоставлено святителем Геннадием, архиепископом Новгородским, который самолично обнаружил ересь, произвел розыск и явился первым обвинителем этого учения перед великим князем и духовенством. В "Послании" митрополиту Зосиме, написанном в октябре 1490 г. он так писал о начале ереси: «А что которые лнговские ока/я/нные дела прозябли в Русской земан... коли был в Новеграде князь Михаил Оленкович (Александрович - В.К.), а с ним был жидовин еретик, да от того жидовина распростерлась ересь в Новгородской земан, а держали ее тайно... и яз слышав то, до о том грамоту послал» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 375). Рассматривая приведенные данные, историки единодушно полагают, что и у инока Саввы, и в делах Крымского приказа речь идет об одном и том

же лице — о Захарии Скаре Гуил-Гурсисе. Однако разногласия вызывает национальная и религиозная принадлежность последнего, а также вопрос о его отношении к «жидовину» Схарии Иосифа Волоцкого и к безымянному «жидовину» архиепископа Геннадия. В дореволюционной историографии крымский и черкасский житель Захария, как правило, отождествлялся с ересиархом Схарией, учившим в Новгороде в 1470-1471 гг.; вслед за автором "Просветителя" считали, что последний действительно был евреем и действительно обращал православных новгородцев именно в «жидовскую веру», или в ветхозаветное иудейство (Макарий /Булгаков/. История Русской Церкви. Книга четвертая. Часть первая. М., 1996. С. 53-55; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. II (Перв. половина т.). С. 585-598/. В советской науке по этим вопросам высказывались различные мнения. Наиболее обстоятельными являются исследования Я. С. Лурье, Г. М. Прохорова и К. В. Айвазяна. Лурье, выражая недоверие к преподобному Иосифу, полностью отрицает реальное существование новгородского ересиарха Схарии, по убеждению ученого, автор "Просветителя" измыслил его, используя при этом Послания инока Саввы и архиепископа Геннадия. Что же касается Захарии Скары Гуил-Гурсиса, то, оценивая именование последнего в Крымских делах и в Послании инока Саввы «жидовином» и «евреянином» как ошибочное, возникшее в результате недоразумения, Лурье отождествляет этого «таманского князя» с упоминаемым в генуэзских документах Захарией Гвизольфи, итальянцем по национальности и католиком по вероисповеданию. Таким образом снимается вопрос об иудаистских корнях ереси жидовствующих (Лурье Я. С. Идеологическая

борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.: Л., 1960. С. 129-188). Прохоров полагает, что и Схария преподобного Иосифа Волоцкого, и Захария Скара (или Захария Гуил-Гурсис) Крымских дел и Послания Саввы, и Захария Гвизольфи генуэзских документов — одно лицо, выступавшее под различными именами. По происхождению этот Захария был полуитальянцем-получеркесом, поэтому его называли то «фрязином», то «черкасином»; а по вере он был караимом, поэтому именовался то «жидовином», то «евреянином» (Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы "с хноны и турки" и проблема "жидовская мудрствующих" // Труды отд. древнерус. литер. Л., 1972. Т. 27. С.329-269). Наконец, Айвазян приходит к выводу, что Захария Гвизольфи вообще не имел никакого отношения ни к ересиарху Схарии, ни к Захарии Скаре Гуил-Гурсису, тогда как два последних имени относятся к одному и тому же лицу. В 1470 г. в Новгород вместе с русско-литовским князем Михаилом Александровичем действительно приезжал «жидовин Схария» — тот самый, который позднее переписывался с Иоанном III и упоминался иноком Саввой. Однако он не был евреем и не исповедовал иудаизма. Преподобный Иосиф намеренно «евреизировал» его имя — Скара, чтобы придать большую убедительность своим обвинениям еретиков в отпадении в «жидовскую веру». На самом деле Скара был армянином и держался распространенного в Венгрии, Валахии и Польско-Литовском княжестве павликианства — «армянской ереси», близкой или даже тождественной к зародившейся в Новгороде с конца XIV в. и сохранявшейся в XV в. ереси стригольников. Кроме того, Айвазян, рассматривая принципиальный вопрос о трактовке употребляемой Иосифом Волоцким применительно к ереси

и еретикам терминологии, в частности термина «жидовин», и при этом опираясь на мысль Прохорова о том, что в средние века людей определяли скорее «по их вере, чем по крови», — полагает, будто в Древней Руси слово «жидовин» использовали не в этническом смысле, а в религиозном. Отсюда армянина-павликанца Захарию Скару называли «жидовином» по сходству исповедуемого им учения с иудаизмом, но не потому, что он был евреем. Подобное происходило и с другими лицами (Айвазян К. В. Ересиарх Захария Скара и крымско-литовские армяне // Армянская и русская средневековые культуры. Ереван, 1986. С. 403-444). Однако такому взгляду противоречат данные лексикографии. Согласно последним, слова «жид», «жидовин» во многих древнерусских переводных и оригинальных текстах употреблялись именно и прежде всего в смысле их этнического содержания, а производные от них слова — «жидовитися», «жидовствовать» и др. — в вероисповедническом смысле (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 870-871; Словарь русского языка XI-XV вв. М., 1978. Вып. 5. С. 107-108). Это обстоятельство позволяет усомниться в правомерности отнесения «жидовина Схарни» к какой бы то ни было национальности и вере кроме еврейской. Несомненно, преподобный Иосиф (как и другие древнерусские писатели), говоря «жидовин», подразумевал все же еврея и по крови и по вере. Между прочим, косвенным подтверждением такого вывода является именование крымского адресата Иоанна III «князем». Дело в том, что у евреев — в частности, у фарисеев — долго сохранялся древний обычай, по которому применительно к законоучителям — гиллелитам — использовали титул «князь» — «наси» (Еврейская энциклопедия / Под общ. ред.

Л. Каценельсона и Д. Г. Гинзбурга. СПб., б.г. Т. 11. С. 548). Этого обычая держались и наследники фарисеев каббалисты. Так, например, в конце XIII столетия в Толедо местные каббалисты называли князем — в знак особого уважения — каббалиста же Тодроса бен Иосифа Абулафию (Еврейская энциклопедия. Т. 9. С. 37/. Так что если жидовин Схария, согласно преподобному Иосифу, совративший новгородцев в ересь, действительно был каббалистом и действительно тождественен адресату Иоанна III, «жидовину» и «евреянину» Захарии Скаре, то обращение к нему одновременно и как к «таманскому князю» не удивительно и объяснимо. И последнее. Вряд ли вообще справедлив и основателен известный скепсис по отношению к свидетельствам преподобного Иосифа. Думается, жидовин Схария все-таки реальная историческая фигура. Этого, кстати, не отрицают и еврейские ученые. Больше того, они полагают даже, что появление Схарии в Новгороде, как и легкое усвоение новгородцами распространявшейся им ереси, было вполне закономерно и обусловлено рядом культурно-исторических причин (Еврейская энциклопедия. Т. 7. С. 577-582/.

⁶ Речь идет об оккультных знаниях, сурово осуждаемых в средние века. «**Чародейство**» — мнимое искусство с помощью магических приемов, колдовства вызывать различные явления, в том числе сверхъестественные, управлять природой, предугадывать будущее. Средствами чародейства служили заклинания, заговоры, талисманы, амулеты, кольца, венки, части тела животных, «приворотные» снадобья. «**Чернокнижие**» — умение колдовать по «**черным**» книгам, или сборникам, содер­жащим в себе каббалистические знаки,

формулы заклинаний, заговоров, магические рецепты, суеверные приметы, рекомендации к изготовлению амулетов и талисманов и пользованию ими, разъяснение снов и прочее. «Звездозаконие» — собственно *астрономия* (греч.). В Древней Руси этим термином, по-видимому, чаще пользовались применительно к мистическому учению о звездах, астрологии (Словарь русского языка XI-XV вв. М., 1978. Вып. 5. С. 347). «Астролог» — книга по астрологии (Словарь русского языка XI-XV вв. М., 1975. С. 56/. В Древней Руси бытовали различные сочинения астрономо-астрологическо-гадательного содержания — Лунники, Альманахи, Космографии, Шестокрылы и т.п. Все они относились к разряду «отреченных книг», то есть бесполезных, предосудительных, уводящих от Божественной истины (Христианство: Энциклопедический словарь в 2 томах. М., 1993. Т. 1. С. 106).

⁷ Имена князей, составивших одну из ветвей в потомстве великого князя литовского Гедимина, род которого считался на Руси вторым по знатности после Рюриковичей.

⁸ В краткой редакции добавлено: «Пити» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 469).

⁹ В краткой редакции вместо словосочетания только местоимение «его» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 469).

¹⁰ В средние века счет времени вели не только исходя из различных представлений о времени сотворения мира и времени рождения во плоти Иисуса Христа, но также исходя из различных представлений о начале календарного года: как известно, византийский — и гражданский, и церковный — год начинался с сентября; у южных славян и на Руси примерно до XIV в. держались

более древней традиции, начиная новый год с марта, но уже в XVI столетии господствующим здесь становится сентябрьский год, одновременно в западнорусских землях, в зоне соприкосновения православных с католическим миром, принят был январский год. Данное обстоятельство вызывает известные трудности при согласовании древнерусских дат от сотворения мира с современным летоисчислением от Рождества Христова. Применительно к Московской Руси чаще всего приходится делать перевод с сентябрьского, церковного счета на январский, гражданский. В научной хронологии при этом следуют вот какому правилу: если то или иное историческое событие происходило в сентябре — декабре, то коэффициентом разницы служит число 5509, отнимая его от старой даты, получают точный год в исчислении от Рождества Христова, если же какое-либо событие происходило в январе-августе, то вычитают число 5508; так же поступают, если древнерусская дата лишена указания на месяц.

¹¹ Иоанн III Васильевич (1440-1505) великий князь «всєя Русі». В период его княжения Московское государство окончательно освободилось от татарского ига и значительно усилилось за счет присоединения Новгорода и Новгородской области, ряда удельных княжеств (Тверь, Ярославль и пр.) и литовских земель (Чернигов, Стародуб и пр.). Вторым браком Иоанн III был женат (с 1472 г.) на племяннице последнего византийского царя Зое (Софье) Палеолог. Это дало основание русским книжникам для развития идеи о царском достоинстве русских великих князей. По политическим соображениям Иоанн III покровительствовал еретикам, поскольку их антицерковные настроения идейно подкрепляли его настоятельное стремление присоединить к государственной казне

церковно-монастырские земельные владения. Но в конце жизни, так и не сумев одолеть сопротивления православных его секуляризационным планам, охладел к сторонникам ереси и способствовал их осуждению на церковном соборе 1504 г.

¹² Согласно новгородско-псковскому летописанию, Михаил Александрович, киевский князь и вассал польского короля Казимира IV, прибыл в Новгород, будучи приглашенным новгородцами в наместники, в ноябре 1470 г., сразу после смерти святителя Ионы, архиепископа Новгородского, но в марте 1471 г., как только умер его брат и соправитель Семен, вернулся в Киев. Известно, что Михаил воспитан был в Православии и по матери приходился двоюродным братом великому князю московскому Иоанну III. Небезынтересно также и то, что он пребывал в родстве с женой сына Иоанна III, Ивана Ивановича Молодого, Еленой Стефановной Волошанкой. Она являлась его племянницей. Эти факты проясняют любопытную связь: по свидетельству Иосифа Волоцкого, ересь жидовствующих зародилась в ближайшем киевском окружении Михаила Александровича, а его родственники — и Иоанн III, и Елена Стефановна, и Иван Иванович — впоследствии весьма благоволят еретикам.

¹³ Имена еретиков, указанные преподобным Иосифом в "Сказании", встречаются и в других противоеретических текстах. Но подробных биографических сведений о еретиках источники не содержат. О Денисе известно, что он умер вскоре после церковного собора 1490 г., на котором был осужден.

¹⁴ Алексей умер до собора 1490 г. Об этом в октябре 1490 г. свидетельствовал святитель Геннадий в своем послании к митро-

политу Зосиме (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 376).

¹⁵ Михайловская улица находилась на Торговой стороне Новгорода, в Словенском конце. Алексей, видимо, служил тогда в одной из двух имевшихся здесь церквей — Архистратига Михаила (построенной в 1302 г.) и Благовещенской (построенной в 1362 г.).

¹⁶ Литовское княжество образовалось в 50-е годы XIII в. Уже тогда в его состав вошла часть русской территории — например, города Гродно, Пинск, Полоцк, Витебск, данью был обложен Смоленск. И впоследствии Литва усиливалась за счет присоединения новых русских земель. В XIV в., при Ольгерде, в ее пределы влились Брянское, Северское, Черниговское княжества, Подольская и Киевская земли, некоторые из Волынских уделов. При этом примкнувшие к Литве русские территории сохраняли свою самостоятельность и самобытность. Между прочим, литовские князья постоянно стремились утвердить свое влияние также в Новгороде и Пскове. В XV в. начался процесс объединения Литвы с Польшей, завершившийся в 1569 г. образованием Польско-Литовского государства. Что касается религиозной жизни Литвы, то в XIV - XV вв. приоритетом здесь обладало Православие. Правда со стороны Литовской епархии неоднократно предпринимались попытки обособиться от Московской митрополии. И в конце концов это удалось: в 1458 г. была создана самостоятельная западно-русская митрополия с центром в Киеве, а первосвященитель литовский получил титул митрополита «Киевского, литовского и всей нижней России».

17 В рукописях эти имена перечисляются без четкой пунктуации: «Осиф Шмойло Скаравей. Мосей Ханушь». Это дало повод для сомнений относительно числа явившихся в Новгород «иудеев»: «Пришло не более пяти человек, — полагал крупный церковный историк, — но менее ли, и если менее, то сколько именно, остается неизвестным» (Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. II (Перв. половина т.). С. 560). Однако большинство исследователей считают, что у Иосифа речь идет лишь о двух лицах. К сожалению, в других русских источниках о них вообще нет информации, — возможно, потому, что их пребывание в Новгороде, как и «жидовина Бухарин», было краткосрочным.

18 О Иване Максимове известно, что он «в жидовство свел» сноху Иоанна Ш Елену Стефановну Волошанку. Поп Максим был осужден собором 1490 г.

19 Вероятно, Гаврила был настоятелем знаменитого в Древней Руси Софийского кафедрального собора в Новгороде. Сохранившееся до наших дней здание этого храма возведено в 1045 г., при князе Владимире Новгородском, сыне Ярослава Мудрого. Освящена церковь во имя Софии Премудрости Божией в 1052 г., в год смерти Владимира.

20 Известно, что Григорий Михайлович Тучин был новгородским боярином (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 506).

21 Самсон вместе с другими еретиками перебрался в Москву. Здесь в 1488 г. был осужден церковным собором на «градскую казнь», затем отправлен в Новгород к архиепископу Геннадию для «розыска», в ходе предпринятого Геннадием расследования покаялся и дал показания, в частности впервые свидетельствовал о

Федоре Курицыне как еретике. Гридя (Григорий), видимо, служил дьяконом в церкви Бориса и Глеба, которая находилась на Торговой стороне Новгорода, в Плотенском конце, на Запольской улице (построена в 1377 г.). Относительно Гриди собор 1488 г., кроме показаний на него, данных попом Наумом, других свидетельств не нашел. Поэтому он без наказания был отправлен в Новгород к архиепископу Геннадию для специального розыска. Но собор 1490 г. уже обличил и осудил его как еретика.

²² Василий Покровский мог служить в одной из двух Новгородских церквей Покрова Богородицы: одна располагалась в Кремле, на юго-западной стороне от Софийского собора (построена в 1305 г.); другая являлась соборным храмом Зверина Покровского монастыря (построена в 1335 г.). Соборным приговором 1490 г. Василий был отлучен от Церкви.

²³ В Новгороде было несколько церквей, которым соответствует название «Апостольской», и где мог служить Яков, две находились на Софийской стороне: "Апостолов Петра и Павла" — в Неревском конце, за Земляным валом, на Панской, впоследствии Зверинской улице (построена в 1406 г.) и "Двенадцати апостолов" — между Чудинской и Прусской улицами, у Большого Земляного вала, в саду архиерейского дома (известна с 1230 г.); на Торговой стороне также было две церкви: "Апостолов Петра и Павла" — в Словенском конце (возникла не позднее XII в.) и "Апостола Филиппа" — в прежнем Словенском конце, на Нутной, впоследствии Никольской улице (построена в 1383 г.).

²⁴ Крылошанин — то же, что клирошанин, в древнерусском употреблении имело два значения: по первому — священно- или

церковнослужитель, член клира; по второму — младший член церковного прихода, певчий, чтец (Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 95).

²⁵ В Новгороде имелись три церкви "Воскресения Христова": 1) на Красном поле, к востоку от Торговой стороны, на окраине Плотницкого конца (основана в качестве монастырской в 1415 г.); 2) соборная в Воскресенском женском монастыре, близ Новгорода, на Софийской стороне, у озера Мячина (построена в 1196 г.); 3) соборная в Воскресенском Деревяницком мужском монастыре, на берегу Волхова, к северу от Новгорода (возведена в 1348 г.).

²⁶ Макар и Самуха осуждены собором 1490 г. и отлучены от Церкви. Поп Наум известен тем, что именно благодаря его покаянию святитель Геннадий Новгородский узнал о существовании ереси и еретиков. Как следует из Послания Геннадия епископу Сарскому Прохору (1487 г.), Наум не только раскаялся, но и, предоставив еретические «тетради», рассказал, как еретики «молились по-жидовски» и как ими были «превращены псалмы на их обычай» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 309-312).

²⁷ По-видимому, последователи Схарии, отрицая учение о Божественной Троице, не признавали святоотеческой экзегезы, например, новозаветного откровения: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... И Слово стало плотью...» (Ин.1: 1-14). В христианском понимании здесь термином «Слово» определено второе лицо Троицы — Сын Божий, Христос, от вечности пребывающий с Отцом и воплотившийся для спасения че-

ловечества. Однако согласно преподобному Иосифу, на Руси имело место неправославное восприятие подобных текстов Священного Писания — вероятно, в духе антитринитариев-динамистов III в. Так, один из них — Павел Самосатский, утверждая, «что Слово Божие не имеет ни субстанционального, ни личного бытия, не совечно Отцу», учил о нем как о «слове произносном, то есть как бы о некотором движении воздуха» (Ильинский Ф. Русские Богомилы XV в. ("жидовствующие") / Богословский вестник: Июль-Август. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1905. С. 452). Это почти буквальное совпадение с рассуждениями русских еретиков.

²⁸ В христианском понимании словом «Дух» в Священном Писании означает прежде всего третья ипостась Божественной Троицы — Дух Святой (Быт. 1: 2; 6: 3), творческая и промыслительная сила, которой Бог оживотворяет, пробуждает и укрепляет все сущее (Быт. 2: 7, Иов. 27: 3; 33: 4; Ис. 42: 1, 6), которая предвечно исходит от Бога Отца (Ин. 15: 26), пребывает в Сыне (Рим. 8: 9), посылается в мир от Отца Сыном (Ин. 15: 26). Но, как видно, еретики отвергали такое — ипостасное — толкование понятия Духа и изъясняли последнее, опираясь на ветхозаветную традицию, как ветер («дух в воздухе разлитый») — таинственную силу: то сокрушительную (Иез. 13: 13; 27: 26), то ласкающую (3 Цар. 9: 12), то иссушающую (Исх. 14: 21), то живительную (3 Цар. 18: 45).

²⁹ В данном пункте рассуждения еретиков восходят к древнейшим ересям «лжепророков». Известно, что уже в конце I в. н. э. были в ходу подобные измышления, опиравшиеся на мессианские идеи иудейских писателей и отрицавшие веру в то, что Иисус был Сыном Божиим, «пришедшим во плоти». Против таких принци-

пиаально антихристианских умонастроений непримиримо боролся апостол Иоанн Богослов: «Многие обольстители, — писал он, — вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист" (2 Ин.: 7. Ср.: 1 Ин. 2: 22; 4: 2-3).

³⁰ Здесь преподобный Иосиф, выставляя данное утверждение еретиков в вину им, к сожалению, не берет во внимание данных историко-богословского свойства. Дело в том, что относительно библейского рассказа о гостеприимстве Авраама /Быт. 18/, который послужил литературной основой для развития, в частности, троической иконографии, не было единства мнений еще у святых отцов и учителей Церкви. Во всяком случае, к VI в. в патристической литературе определились и параллельно существовали три точки зрения по этому поводу. Одни экзегеты (свв. Иустин Философ, Иринеи Лионский, Афанасий Великий и др.) полагали, что в трех явившихся Аврааму мужах надлежит усматривать трех ангелов, другие (свв. Иоанн Златоуст, Феодорит-Киррский, Августин Блаженный, Григорий Великий) в трех гостях Авраама видели Бога — чаще Сына Божия Иисуса Христа — и двух Его ангелов, наконец, третьи (свв. Кирилл Александрийский, Максим Исповедник, Амвросий Медиоланский) полагали, что Аврааму в виде трех посетителей был явлен образ Пресвятой и Единосущной Троицы. Эта разноречивость толкований одного и того же эпизода библейского повествования отразилась также в гимнографии и иконографии (см. Озолин Н., прот. "Троица" или "Пятидесятница?" // *Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв.: Антология* / Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М., 1993. С. 375-384). Таким образом, воспроизводимое и критикуемое пре-

подобным Иосифом Волоцким мнение еретиков о недопустимости изображать Божественную Троицу исходя из тринитарного понимания рассказа о гостеприимстве Авраама, на самом деле, было не столько еретическим, сколько, с одной стороны, отражающим старую экзегетическую традицию, а с другой — не соответствующим (внешне) более поздней практике, утвердившейся в русском именно церковном обиходе.

³¹ В Древней Руси под влиянием эсхатологических представлений зафиксированных в некоторых византийских сочинениях (апокрифических — "Отравление" Мефодия Патарского, святоотеческих — "Диоптра", или "Зерцало" Филиппа Пустынника, агиографических — Житие св. Андрея Юродивого, исторических — "История" Льва Диакона), верили, что «второе пришествие» Христа, знаменующее собой начало на земле Царства Божия, свершится ровно через 7000 лет после сотворения мира. Соответственно, это должно было произойти в 1492 г., которым и заканчивались древнерусские пасхальные расчеты. Поскольку в тот год ничего не случилось, еретики подвергли резкой критике веру вообще во «второе пришествие», а заодно — и писавших на данную тему церковных авторов — в частности св. Ефрема Сирина.

³² Преподобный Иосиф Волоцкий здесь и далее воспроизводит текст Священного Писания не вполне точно (ср.: Острожская Библия /Фототипич. изд. М., Л.: "Слово-Арт", 1988.). С ним он вообще, подобно другим древнерусским писателям, обращается довольно свободно, смело изменяя по необходимости его структуру — как грамматико-синтаксически, так и лексико-семантически (разновидность самостоятельного литературного творчества). При

переводе таких библейских цитат переводчик, следуя тексту, заданному преподобным Иосифом, конечно же, учитывал опыт синодального русского перевода Библии.

³³ Известная по святоотеческой литературе парафраза библейского текста. Встречается, например, у св. Иоанна Дамаскина (Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 1992. С. 157).

³⁴ В краткой редакции выделенных слов нет (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 471).

³⁵ Успенский собор в Кремле. Основан в 1326 г. московским князем Иваном Калитой. В 1479 г. заново построен по образцу Владимирского Успенского собора мастером из Венеции Аристотелем Фиораванти. Здесь хранились главные государственные святыни, покоились мощи русских первосвятителей.

³⁶ Архангельский собор в Кремле. Основан в 1333 г. Иваном Калитой. В 1508 г. перестроен "фрязином" Алевизом Новым. Служил усыпальницей московских великих князей и царей.

³⁷ Иван Черный — московский писец. Сохранилось несколько переписанных им и при его участии книг: "Летописец Еллинский и Римский", "Лествица" Иоанна Синайского, "Библейский сборник". Игнат Зубов — купец. Оба были связаны с еретиками и, боясь наказания, бежали между 1487 и 1490 гг. в Литву. Там и тот и другой вскоре умерли, еще до начала церковного собора на еретиков 1490 г. (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Втор. пол. XIV—XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 393-394).

38 В некоторых списках "Сказания" к выражению "дьяков крестовых" добавлено: «великого князя» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 471).

39 В рукописи на правом поле тем же почерком приписка: «тщеславїе* и сребролюбїемь».

40 Святитель Геннадий (Гонозов). Окормляя Новгородскую епархию с 1484 до 1504 г. Первым обнаружил ересь и начал борьбу с еретиками. К тому же призывал в ряде посланий 80-90-х годов XV в. наиболее видных русских иерархов, причем был сторонником жестких мер. Опасаясь распространения еретических устроений в обществе, заботился о просвещении и повышении уровня образованности духовенства. С этой целью собирал и изучал бывшую в ходу у еретиков литературу, создал в Новгороде литературный кружок, силами которого были написаны несколько антиеретических сочинений. Это прежде всего послания самого Геннадия 1487-1490 гг. — епископам Прохору Сарскому и Нифонту Суздальскому, архиепископу Иоасафу, бывшему Ростовскому, митрополиту Зосиме и собору епископов, а также грамота Геннадия "О пасхалии на осьмюю тысячю лет" и предисловие к пасхалии — 1492 г.; трактат Дмитрия Траханиота "О летах седьмой тысячи" — 1489 г., сочинение доминиканца Вениамина "Събрание от божественнаго Писання, от Ветхаго и Новаго, на лухонмцев"). Осуществлены переводы ряда богословских и полемических трактатов (так, Вениамин перевел итальянское религиозно-нравственное сочинение XII в. "Флорес дарованиям и злобам", Дмитрий Герасимов перевел с латинского антииудейские сочинения Николая де Лиры и Самуила Евреина). Со-

ставлен первый в России и среди славянских народов вообще полный свод книг Священного Писания в переводе на славянский язык ("Геннадиевская Библия", 1499 г.). Умер в 1505 г. в опале (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Втор. пол. XIV—XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 145-146).

⁴¹ Зосима Брадатый — предстоятель Русской Православной Церкви с 1490 по 1494 гг. Сразу после поставления в митрополита всея Руси возглавил церковный собор (1490 г.), отцы которого осудили и отлучили от Церкви нескольких еретиков. Однако вскоре сам был заподозрен в еретичестве и отправлен на покой. Зосима считается автором двух литературных памятников — "Соборного приговора и поучения против еретиков" (1490) и "Изложения пасхалии" (1492). Им обоснована теория о перемещении центра Православия из Константинополя в Москву, в XVI столетии переработанная русскими писателями в теорию "Москва - третий Рим" (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Втор. пол. XIV—XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 364-367).

⁴² Прозвище "Черный" указывает здесь на принадлежность его носителя к монашеству. Вероятно, имеется в виду русский еретик XIII в. По сообщению Софийской первой летописи, в Ярославле в 1262 г. был убит некий «Зосима преступник», посол татарского царя Кутлубея, за то, что он, прикрываясь обликом монаха, явил себя «сосудом» сатаны, «пьяницей», «студословцем и празднословцем», «кощюнником», отвергшимся от Христа и вступившим «в прелесть» ложного «пророка Махмета», «бесерменном», поносившим крест и «святые церкви» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. Т.5. С. 190).

⁴³ Захар — игумен Успенского Немчинова монастыря в Псковской области. Примерно в 1486 г. святитель Геннадий Новгородский уличил его в отпадении в ересь «стригольничества». По свидетельству Геннадия, Захар сам не причащался в течение трех лет и своих монахов не допускал к причастию, считая, что причащаться не у кого, поскольку «попы» и архиереи возводятся в сан «по мзде» (за деньги). Это давало повод обвинять его в непризнании священства. Церковный собор 1490 г. осудил также Захара как первого среди еретиков за «хулу» на Иисуса Христа, Богоматерь, святых и постановления семи Вселенских соборов. Он был отлучен от Церкви, сурово наказан и вскоре после собора 1490 г. умер.

⁴⁴ Курицын Федор Васильевич — посольский дьяк великого князя Иоанна III, видный государственный деятель. В 1482-1484 гг. ездил с посольством в Молдавию (Валахию) и Венгрию, затем до осени 1485 г. находился в турецком плену. Предполагают, что во время пребывания за границей Курицын мог познакомиться с «жидовином Схарией». По возвращении в Москву отстал главой московских еретиков. Однако решения собора 1490 г. его не коснулись, так как он был близок не только к Иоанну III, но и к его невестке — молдавской княжне Елене Стефановне. Умер Курицын не ранее 1500 г. С его именем связывают два литературных текста. «Лаодикийское послание» — созданное, возможно, под влиянием «алфавитной мистики», каббалы и криптографической традиции, а также «Сказание о Дракуле воеводе» — беллетристическое сочинение о жестоком, но справедливом властителе (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI —

перв. пол. XIV в. Л., 1987. Вып. 2: Втор. пол. XIV—XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 504-510).

⁴⁵ Принято думать, что Истома и Сверчок были дьяками (чиновниками) Иоанна III. Однако термин «дьяк крестовый» может означать и священнослужителя — диакона крестовой, то есть домово́й церкви (Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 45). Кроме того, об Истоме известно, что он умер еще до церковного собора 1490 г.

⁴⁶ Семен Кленов имел даже какие-то еретические сочинения. На церковном соборе 1504 г. он был осужден и отправлен на покаяние в монастырь к преподобному Иосифу Волоцкому. Последний оценил подобное наказание как слишком мягкое и к тому же опасное для неискушенной монастырской братии и увещевал Иоанна III применить к еретикам более жесткие меры.

⁴⁷ Геронтий — митрополит всея Руси с 1473 по 1489 г. Отношение к нему со стороны Иоанна III было неприязненным. Противником Геронтия — прежде всего из-за спора по вопросу о направлении крестного хода вокруг храма — был также и архимандрит Чудова монастыря Геннадий (Гонозов). Очевидно поэтому начатая последним в 1487 г. (уже когда Геннадий стал Новгородским архиепископом) борьба с ересью жидовствующих не нашла поддержки в лице Геронтия.

⁴⁸ В краткой редакции: «быв» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 472).

⁴⁹ В краткой редакции выделенный читается иначе: «...суда Прежде же умертвѣна его своимъ волхованиемъ подойде дръжавнаго, да поставит на великомъ престоле святительскомъ сквернаго съсуда сатанина, его же онъ напои яда жидовьскаго, Зосиму гла-

голю *скверного* (в Рогожском списке: «нечистаго»), нже по мале и высть в лето 6999 месяца сентября 26» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 472). — «Но перед смертью своей он вохвованием надоумил державного, дабы тот поставил на великий престол святительский скверный сосуд сатанин, который он же напоил ядом жидовским, — Зосиму, говорю, скверного. Что вскоре и случилось, в лето 6999-е (1490), 26 сентября». В результате купирования текста в Минеинной редакции "Просветителя", как и в публикуемом списке появилась хронологическая неувязка: дата "26 сентября" относится к акту поставления в митрополита «всех Р҃си» Симоновского архимандрита Зосимы; а фраза «малѹ же времени мноуѹшѹ» — к моменту составления Геннадием послания к великому князю и митрополиту.

⁵⁰ В краткой редакции: «его» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 472), так что тяжесть обвинения в ереси падает только на Зосиму, тогда как в публикуемом пространным тексте "Сказания" констатируется, что ересью, наряду с митрополитом Зосимой, был прельщен и Иоанн III.

⁵¹ Тихон (Малышкин) был ростовским владыкой с 1489 по 1503 г.. Нифонт окормлял Суздальскую епархию с 1484 по 1508 г., известны послания к нему о еретиках от архиепископа Новгородского Геннадия (1488) и от игумена Иосифа Волоцкого (1489 или 1490). Симеон — епископ Рязанский с 1481 г., умер в 1496 г.. Вассиан — князь Стригин-Оболенский, Тверской епископ с 1477 г., умер в 1508 г.; известно раннее послание к нему преподобного Иосифа "О Троице"; написанное, когда Вассиан был еще

архимандритом Тверского Отроча монастыря. Прохор — епископ Сарский (Сарайский, Крутицкий) с 1471 по 1492 г.; известно послание к нему о еретиках от святителя Геннадия (1487). Филофей — епископ Пермский (и Вологодский) с 1471 по 1501 г..

⁵² В краткой редакции: «...Зосиме, еще не ведяще известно, яко той есть начааник и учитель еретиком. Зосима же творяшесе христианская мудрствуюя, повеле...» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 472). Перевод: «...Зосиме, еще ведь не знали хорошо, что он был покровителем и учителем еретиков. Зосима же, притворяясь по-христиански мудрствующим, повеле...».

⁵³ В краткой редакции следом читается: «По разсечени бо и по растеръзани пред адомъ текущихъ псовъ оныхъ и сыновъ погнбелныхъ, въскорменныхъ ядомъ жидовскимъ, но и еще великъ съсудъ злобе и главня съдомскаго огня изоставшна, змий тмоглавный, огню геоньскому пища, Арие новый, Манента злейший, сатанин первенець, Зосима прескверный. Яко ж преже речено бысть, посадися злодейственный сей на месте святемъ. И абие не възможе удръжати яда жидовскаго в скверномъ своемъ сердци, но и на многихъ лица излия, и оскверни великий святительский прьстолъ церкви Божия (в Рогожскомъ списке: «Божия слова») Матере, ея же достойтъ нареци земное небо, сияющу, яко великое солнце посреде Руския земля, украшену всяческими видами и чудотворными иконами и мощьми святыхъ, и аще бы благоволи Богъ в созданныхъ жити, в той вляше, где бо инде; и в сей ныне превываа черныи онъ вранъ изимаеъ очеса напившимся житна сего суетнаго и уснувшимъ в смерть дүшевнүю» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 473). Перевод:

«Но после рассечения и растерзания ад предваряющих псов тех и сынов погибели, вскормленных ядом жидовским, еще великий сосуд злобы и головня содомского огня оставался, змей тьмоглавный, огня геенского пища, Арий новый, Манента злейший, сатанин первенец, Зосима прескверный. Как прежде сказано было, сел он, злодейственный, на месте святом. И не мог удержать яда жидовского в скверном своем сердце, и на многих людей изверг его, и осквернил великий святительский престол Церкви Божией Матери, которую достодолжно называть земным небом, сияющим, как великое солнце в Русской земле, украшенной всяческой лепотою, чудотворными иконами, и мощами святых, так что если бы благоволил Бог посреди сотворенного Им жить, то жила бы только в ней. Ибо где же еще? Но здесь ныне пребывает черный ворон, извергает он очи у наслаждающихся житейством суетным и уснувших в смерти душевной».

Маэнта — вероятно, искаженное воспроизведение имени ранневизантийского еретика Манеса, или Манета. В соборном послании архиепископа Иерусалимского Софрония к патриарху Константинопольскому Сергию, которое было зачитано на VI Вселенском соборе, наряду с другими еретиками, предан анафеме и некий «Манес, соименный своей безбожной маний» (Деяния Вселенских соборов. Казань, 1871. Т.6. С. 337). В анафематствовании VII Вселенского собора, видимо, он же оглашается как Манет, причем причислен здесь к еретикам «фантазистам и докетам» (Деяния Вселенских соборов. Казань. 1873. Т.7. С. 661). Таким образом, "Манента", исповедуя призрачность, ирреальность телесного пребывания Бога Сына в земной жизни среди людей (эта ересь была распространена во II-III вв.), отрицал главные дог-

маты христианства: о действительном воплощении Спасителя, рождении Его от Девы, страдании, смерти, воскресении во плоти; иными словами, он отрицал богочеловечество Христа и не признавал Пречистую Марию Богородицей. Любопытно, что в 1-м Слове "Просветителя" преподобный Иосиф вновь поминает Маненту и при этом с уточнением: называя его «духоборцем», то есть отрицателем Духа Святого как третьей ипостаси Божества.

⁵⁴ Максим, видимо, служил в церкви Иоанна Богослова, построенной на Торговой стороне Новгорода в качестве соборной монастырской в 1384 г.

⁵⁵ Макар мог служить в одной из трех Новгородских церквей: 1) Святителя Николая на Софийской стороне близ Зверина Покровского монастыря (основана в 1135 г.); 2) Николо-Дворищенском соборе на Торговой стороне (заложена в 1113 г.); 3) Николаевской "на Липне", у устья реки Мсты (основана вместе с мужским монастырем в начале XII в.).

⁵⁶ Еловец — флажок, лоскуток ткани, султан на шлеме.

⁵⁷ В краткой редакции следом читается: «Скверный же и злобесный въак оболокъся в пастырскую одежу, и нх же убо простейших овретааше, напаяше яда жидовьскаго, инех же скверняше содомьскими сквернами, зний пагубный, и объядаяся и упивааяся и свиньским житнем живый и всяко нечестие и претыкание и съблази на непорочную христианскую веру полагаа, и Господа нашего Исуса Христа истиннаго Бога похулив, и глаголаше, яко Христос сам себе нарек Богом, тако же и на пречистую Богородицу многие хулы глаголаше, и вожественна животворяща кресты в скверных местехъ полагаа, и свята иконы

огнем жьгы и волъваны нарицаа, и еуангельская предання и апостольския уставы и всех святых писания отмеща, и глаголя сице: "А что то царство небесное? А что то второе пришествие? А что то възкресение мертвым? Ничего того несть, — умер кто ни, то умер, по та места и был"» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 473). Перевод: «Скверный же и злобесный волк облачился в пастырское одеяние и кого попроще находил, тех упивал ядом жиловским, некоторых же осквернял он содомитскими сквернами, змей пагубный; и сам обедался, и упивался, и свинской жизнью жил; и всякое бесчестие, и вражду, и смуту на непорочную христианскую веру навлекал; и Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога, хулил и говорил, будто Христос Сам себя назвал Богом; также и на Пречистую Богородицу многие хулы наговаривал; и божественные животворящие кресты в скверные места бросал; и святые иконы в огне сжигал, идолами их называя, и Евангельские предання, и апостольские уставы, и всех святых писания отрицал, и говорил так: "А что такое царство небесное? А что такое второе пришествие? А что такое воскресение мертвых? Ничего этого нет. Умер если кто, то умер, До той поры и жил"».

⁵⁸ Саддукеи — древнееврейская религиозная секта или партия, во время благовестия Христова объединявшая высших лиц иудейской церковной иерархии, священническую аристократию. По отношению к Писанию, Преданию и религиозным обрядам иудеев саддукеи допускали скептицизм и рационализм, Они признавали волю человека абсолютно свободной, отрицали бессмертие души и воскресение мертвых, а также существование ангелов и злых ду-

хов, учили, что в будущем веке не будет ни вечного блаженства для праведников, ни вечных мук для грешников, и потому еще при жизни стремились обрести благополучие и богатство. Саддукеи были наиболее яростными врагами Христа, а впоследствии — Иерусалимской Церкви и первых христиан (Библейская энциклопедия / Сост. архим. Никифор. М., 1891. С. 614; Смирнов Е. История христианской Церкви. Изд. 10-е. Пг, 1915. С. 14-15).

⁵⁹ Мессалиане, или евхиты ("молящиеся", греч.) — во 2-й половине IV в. монахи-отшельники в некоторых христианских монастырях Сирии, Армении и Малой Азии. Не признавая церковной иерархии, таинств и обрядов, мессалиане вместе с тем исповедовали и практиковали восторженность и экстаз как главное, благотворное условие молитвенного делания. Они были убеждены, что человек от рождения находится во власти злого духа, однако с помощью специальных и непрерывных молитв его можно изгнать и таким образом освободить тело от страстей, а душу — от стремления ко злу. В этом новом состоянии человек освобождается от греха, входит в осязаемое общение с Богом, и может даже предвидеть будущее. Кроме того, мессалиане заблуждались относительно догмата о Троице: лица Отца, Сына и Духа они трактовали лишь как формы проявления одного и того же Божества. Учение мессалиан было осуждено как ересь на третьем Вселенском соборе в 431 г. (Смирнов Е. История христианской Церкви. С. 281-282).

⁶⁰ В рукописи на поле, против этой строки, приписка полууставом, более светлыми чернилами: «зри».

⁶¹ В краткой редакции на месте выделенного текста читается: «...обличиша того отступленне и сквернаа дела содомская, он

же несмирную брань на тех въздвизаетъ, и оубо от божественнаго причащения отлучаетъ, елци же священници или диаconi, сих от священства отлучаетъ, глаголаша же, яко не подобает осуждати ни еретика ни отступника, глаголаше же и се, яко аще и еретик будетъ святитель или священник, и аще кого отлучити или не благословитъ, последуетъ божественный суд его суду. Не ведящен же божественнаго писання, боящеся обличити того отступление; прочитающен же божественна писання ведяху, яко не токмо осуждати подобает еретиковъ и отступниковъ, но и проклинати, и не точью проклинати, но и казнемъ лютымъ предаати» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. С. 474). Перевод: «...Обличили его (Зосимы) отступление и скверные дела содомитские. Он же непримиримую борьбу с ними начал: некоторых от Божественного причащения отлучил, а кто был священником или диаконом, тех от священства отлучил, говоря, что не подобает осуждать ни еретика, ни отступника. Говорил же еще и так: "Если, мол, еретиком будет святитель или священник и если кого он отлучит и не благословит, то последует Божественный суд его суду". Не знающие же Божественного Писания боялись обличать его отступление, начитанные же в Божественном Писании знали, что не только осуждать надо еретиков и отступников, но и проклинать, и не только проклинать, но и казням лютым подвергать». По учению жидовствующих, получается, «Божественный суд» будет таким же, как суд, произведенный еретиком («последует» употреблено здесь, по-видимому, в значении подражания, уподобления, согласия. — Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1991. С. 181-182). Отсюда следует, что даже если священнослужитель и впадает в ересь,

он все равно является проводником воли Божией. Такой вывод, естественно, должен был рассматриваться православными как богохульство.

⁶² Далее в тексте "Сказания о новоявившейся ереси", следует отвлечение ко всей "Книге на новгородских еретиков", которое здесь опускается.

⁶³ Антиох — монах, писатель-богослов греко-восточной Церкви (конец VI-VII в.). Около 620 г. составил для монахов книгу "Пандекты" — сборник бесед по различным вопросам христианской нравственности. В нем с привлечением текстов из Священного Писания и сочинений отцов Церкви речь идет о вере, надежде, посте, девстве, гневе, ненависти, праздности, честолюбии, гордости, смирении, милосердии, труде, бедности, любви к Богу и ближним и т.д. На славянский язык "Пандекты" были переведены в Болгарии в X в., древнерусским книжникам стали известны с XI в. (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — перв. пол. XIV в. Л., 1987. С. 290-292).

Лавра святого Саввы — монастырь в Палестине, близ Иерусалима. Основан в 484 г. преподобным Саввой Освященным.

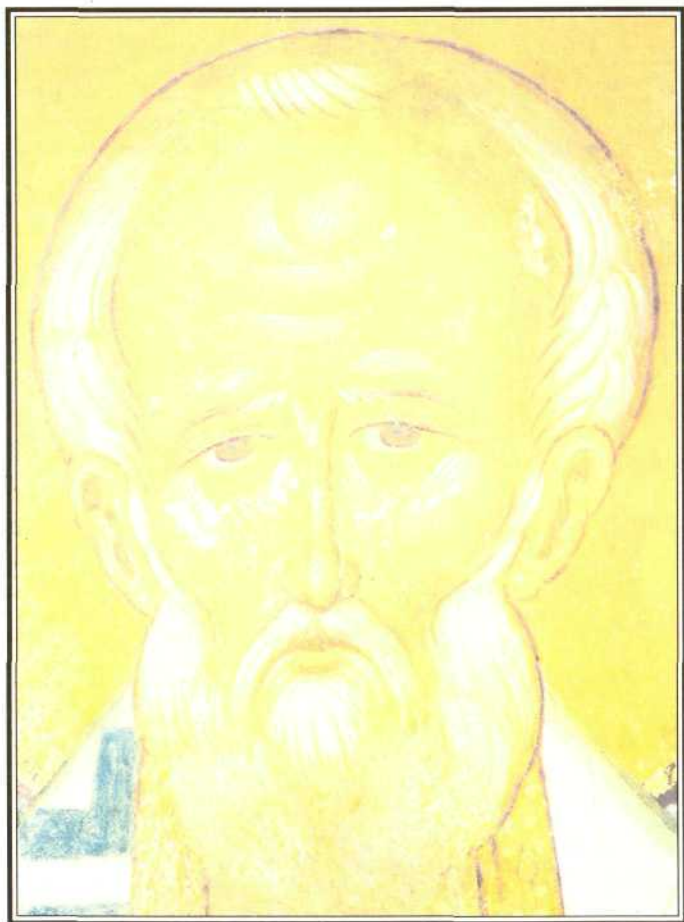
Первое нашествие — имеется в виду взятие в 614 г. Иерусалима персидским царем Хозроем.

⁶⁴ Никон Черногорец — писатель греко-восточной Церкви. Жил в XI в., был монахом Богородицкой обители на Черной горе в Сирии, затем священником и дидаскалом (проповедником). Наиболее известны два его сочинения: "Пандекты" (составленный в подражание "Пандектам" Антиоха сборник выписок из творений отцов Церкви, соборных постановлений и других сочинений, по-

священных правилам и порядку иноческой жизни) и "Тактикон" (сборник выписок из текстов, содержавших учение о Церкви, о церковной дисциплине и т.п.). Первая книга получила известность в Древней Руси, видимо, с XIII в., вторая - с XIV в. (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — перв. пол. XIV в. С. 292-294). В "Сказании", вероятно, подразумевается "Тактикон", поскольку здесь наряду с каноническими статьями, читались рассказы и о борьбе христиан с сарацинами, или турками.

Никон Черногорец никогда не был канонизован. Преподобный Иосиф Волоцкий называет его святым, может быть, принимая во внимание значимость его сочинений для христиан.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Свѣтитель Николай Чудотворец.

Фрагмент фрески Ферапонтова монастыря. Мастер Дианисий.
Фото А. Заболоцкого.

Преподобный Иосиф Волоцкий.

Икона работы И.В.Ватагиной. Середина XX века.